РУССКІЙ АРХИВЪ

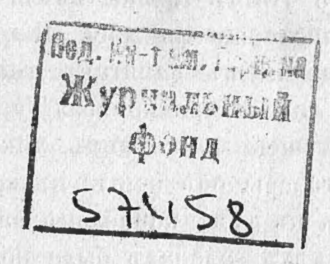
1888

6.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1888.

ПУТЕШЕСТВІЕ СТОЛЬНИКА П. А. ТОЛСТАГО *).

Іюля въ 16-й день, рано управясь, мы пошли отъ Цицилійскаго острова до Мальтійскаго чрезъ море, а Цицилія почала у насъ быть вправѣ.

Потомъ поровнялись противъ города, который называется Маникара, отъ города Адаволе восемь миль Итальянскихъ. Тотъ городъ на Цицилійскомъ же острову стоитъ при морѣ въ полугорѣ, строеніе въ немъ все каменное; около его есть пашни, по которымъ сѣютъ пшеницы.

Потомъ пріѣхали къ одному малому острову, который Гишпанцы называютъ Капо-Пасато, а Турки тотъ островъ называютъ Капо-Деоро, то есть голова золотая. Для того его Турки такъ называютъ, что около его Туркамъ бываетъ часто добыча. На томъ острову построена у Гишпанцевъ одна каменная башня; въ той башнѣ всегда живетъ Гишпанскихъ солдатъ 15 человѣкъ съ женами и дѣтьми для сторожи, а присылаются тѣ солдаты съ Цицилійскаго острову изъ города Палермы и перемѣняются погодно. Тѣмъ солдатамъ пятнадцати человѣкамъ Турецкіе люди, которые приходятъ въ корабляхъ и въ иныхъ судахъ, никакія шкоды учинить не могутъ, для того что построена та башня, въ которой тѣ солдаты сидятъ, изрядною крѣпостью. Отъ вышеписаннаго города Маникара до того острова, который называется Капо-Пасато, т.-е. голова прохожая, 12 миль Итальянскихъ. Подъ тѣмъ островомъ наѣхалъ я на двѣ галеры Мальтійскія и, пріѣхавъ я къ тѣмъ галерамъ, взошелъ на одну галеру, которая называется по-гишпански Нунціата, а по-славянску подъ знакомъ образа Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. На той галерѣ капитанъ и кавалеры Мальтійскіе приняли меня съ великимъ почтеніемъ и достойныя человѣческому видѣнію вещи на той галерѣ мнѣ всѣ съ охотою показывали; потомъ потчивали меня кефою и говорили о томъ, чтобъ я на той галерѣ ѣхалъ съ ними въ Мальтъ; и я того учинить

*) См. выше, стр. 5.

не похотѣлъ, для того что тѣ галеры имѣли стоять подъ тѣмъ островомъ еще отъ сего числа восемь дней. И въ томъ часѣ, какъ я на той галерѣ былъ, пришла къ капитану той галеры вѣдомость, что пришли близко тѣхъ галеръ три корабля Турецкихъ великихъ, на которыхъ было по 60 пушекъ на каждомъ, также и многолюдны гораздо; и въ томъ часѣ тѣ галеры обѣ пошли въ крѣпкія мѣста за островъ, для того что выйтить къ тѣмъ кораблямъ на море не могли за малолюдствомъ: всего на тѣхъ галерахъ было по сту по девяносто человѣкъ солдатъ да по двѣнадцати человѣкъ кавалеровъ Мальтійскихъ, а галіотовъ, т.-е. работниковъ по 300 человѣкъ, которые веслами гребутъ, у всякаго весла по шести человѣкъ. И стали тѣ галеры за островомъ ожидать тѣхъ вышепомяненныхъ Турецкихъ кораблей, а меня въ моей филюгѣ тѣхъ галеръ капитанъ поставилъ передъ галерами своими на сторожѣ отъ галеръ верстахъ въ трехъ. И такъ устрояся и ополчася какъ надлежитъ быть готовымъ судамъ морскимъ къ бою, стояли мы до 12-го часа того дни, а тѣ вышеписанные Турецкіе корабли увидѣли мы отъ себя верстъ за десять; а потомъ по малу тѣ корабли подавались моремъ, противъ насъ заѣзжая, и отъ галеръ къ тѣмъ кораблямъ капитанъ посылалъ въ баркѣ малыхъ людей осмотрѣть подлинно; и тѣ люди, пріѣхавъ, намъ сказали, что тѣ корабли идутъ по морю къ намъ мимо того помяненнаго острова Капо-Пасато. А для того тѣ корабли медленно къ намъ шли, что вѣтеръ былъ имъ противный; только у нихъ было распущено на кораблѣ по два паруса. А Мальтійскія вышеписанныя галеры для того на море и ходятъ, чтобъ гдѣ съѣхаться съ Турецкими людьми и биться; а съ тѣми кораблями свободно, выѣхавъ на великое море, биться не могли, для того что на тѣхъ корабляхъ Турковъ и пушекъ зѣло было много. Однакожъ тѣ галеры отъ нихъ не побѣжали, а стояли, ожидая ихъ, близко помяненнаго острова; также и я въ своей филюгѣ, гдѣ былъ поставленъ на сторожѣ, съ того мѣста безъ позволенія капитанскаго не уступилъ; а на землѣ былъ же караулъ съ моей филюги, который смотрѣлъ на тѣ корабли, чтобъ совершенно могли познать, какъ тѣ корабли придутъ къ намъ въ мѣру къ бою. А на томъ караулѣ многіе часы стоялъ я самъ, да и того смотрѣлъ, что и по другую сторону земли былъ одинъ портъ, т.-е. пристанище отъ того мѣста, гдѣ мы стояли въ одной верстѣ или ближе, и еслибъ тѣ Турецкіе корабли въ тотъ портъ вошли, и Мальтійскія бъ галеры, также съ ними и я, стали бъ надъ ними чинить промыслъ какъ можно. И тѣ корабли въ тотъ портъ не пошли, а шли великимъ моремъ и на первомъ часу ночи почали къ намъ кричать съ вышеписаннаго острова, который называютъ Турки Капо-Деоро, караульщики, чтобъ мы скоро пріѣхали

въ своей филюгѣ къ той фортецѣ, для того что тѣ вышеписанные корабли Турецкіе подкрались къ намъ изъ-за земли въ одну версту, и капитанъ съ галеръ прислалъ ко мнѣ двухъ мастеровъ берегомъ пѣшихъ, велѣлъ мнѣ съ того мѣста пріѣхать въ филюгѣ моей къ галерамъ. И я по капитанскому приказу въ филюгѣ своей пріѣхалъ къ его галерѣ, а тѣ галеры отдалися въ море для того, что чаяли отъ тѣхъ кораблей малыхъ барокъ въ ночи къ берегу для добычи и, ежели бъ тѣ Турецкія барки къ берегу подошли, чтобъ ихъ отъ берега въ море не пустить. И такъ мы ту ночь стояли всѣ, и караулы были поставлены отъ галеръ какъ надлежитъ; а одну филюгу, а въ ней восемь человѣкъ, капитанъ послалъ отъ галеръ тайно подъ тѣ корабли для подлинной вѣдомости, въ которыя мѣста пойдутъ или гдѣ будутъ стоять, для того что за ночнымъ мракомъ кораблей Турецкихъ было не видно.

Іюля въ 17-й день. Поутру рано, несмотря, что Турецкихъ кораблей близко насъ нѣтъ, пошли мы въ своей филюгѣ подлѣ берега и встрѣтили ту барку, которую посылалъ капитанъ отъ галеръ осматривать вышепомяненныхъ Турецкихъ кораблей. Изъ той барки посыльные люди мнѣ сказали, что той ночью Турецкіе корабли пошли на Полдень. И мы паки пошли подлѣ края Цицилійскаго острова въ филюгѣ своей и пришли до одного мѣста, которое называется Лятора-Пуцала, на томъ же Цицилійскомъ острову. Въ томъ мѣстѣ Лятора-Пуцала, на берегу морскомъ, при самомъ морѣ построена каменная башня высокая изрядною крѣпостью. Около той башни малое строеніе каменное и каплица, т.-е. малая западная церковь. Въ томъ же мѣстѣ живутъ 12 человѣкъ солдатъ съ женами и дѣтьми для сторожи отъ Турецкихъ людей. Не доѣзжая сего мѣста, наѣхали мы на морѣ на одну тартану, отъ которой къ намъ пріѣзжали въ баркѣ маринеры и сказали намъ, что той ночью вышеписанные корабли прошли мимо ихъ тартаны и пошли на Полдень въ тѣ мѣста, которыми мѣстами надлежитъ мнѣ въ своей филюгѣ ѣхать чрезъ море отъ Цицилійскаго острова къ Мальту. И стояли мы въ томъ мѣстѣ подлѣ вышеписанной сторожи тотъ день весь, и съ той стороны, на которой та башня стоитъ, усмотрѣли мы тѣ вышеописанные Турецкіе корабли: стояли они въ одномъ портѣ отъ насъ въ десяти верстахъ. И мы дожидались ночи, хотѣли идтить чрезъ море до Мальтійскаго острова ночью, чтобъ пройтить мимо тѣхъ вышеписанныхъ Турецкихъ кораблей тайно ночью, и съ вечера почалъ быть вѣтръ противный нашему надлежащему пути, и во всю ту ночь тотъ вѣтръ не престалъ; за тѣмъ мы той ночи въ Мальтъ пойтить черезъ море не могли, а стояли ту ночь при той вышеписанной сторожѣ.

Іюля въ 18-й день. Поутру рано, осмотря мы, что тѣ вышеписанные корабли Турецкіе изъ вышеписаннаго порта пошли, и мы также съ того мѣста, гдѣ ночевали, пошли же подлѣ берега Цицилійскаго острова и пришли къ одному мѣсту, которое называется Санктпетро, т.-е. св. Петра, на томъ же Цицилійскомъ острову. Въ томъ мѣстѣ пристанище малымъ судамъ, а жилье самое малое, отъ Лятора-Пуцала шесть миль Итальянскихъ. Въ томъ пристанищѣ святаго Петра наѣхали мы на филюгу, которая хочетъ идтить до Мальтійскаго острову; въ той филюгѣ маринеры сказали намъ, что они въ своей филюгѣ того вечера пошли было черезъ море на Мальтійскій островъ и, отшедъ отъ пристани св. Петра 30 миль Итальянскихъ, поворотились назадъ, для того что заступили имъ дорогу тѣ вышеписанные Турецкіе корабли, и въ Мальтъ они на филюгѣ своей дойтить не могли. И стояли мы въ томъ мѣстѣ, въ пристанищѣ св. Петра, того дни до 12-го часа, смотрѣли тѣхъ вышеписанныхъ Турецкихъ кораблей, гдѣ бы могли ихъ видѣть, и не могли нигдѣ усмотрѣть. Потомъ, за четыре часа до ночи, положа упованіе на Бога, отъ того помяненнаго пристанища св. Петра мы пошли отъ Цициліи черезъ море къ Мальтійскому острову на веслахъ, для того что вѣтру никакого не было; и вышеписанная филюга, которая поворотясь съ 30 миль отъ Турецкихъ кораблей стояла въ пристанищѣ св. Петра, пошла изъ того пристанища до Мальту съ нами вмѣстѣ и на дорогѣ отъ насъ осталась, для того что была тяжело нагружена людомъ и за нами поспѣть не могла. И такъ мы того дни до ночи и три часа ночи шли на греблѣ, а въ 4-мъ часу ночи припалъ намъ вѣтръ не добре великій, однакожъ къ Мальту способный, и мы на филюгѣ своей, поднявъ два паруса, побѣжали. А въ той ночи зѣло было пасмурно, и звѣздъ видѣть было невозможно, и которую звѣзду потребно было намъ видѣть, ту звѣзду заслонило тучею, и видѣть намъ ее было невозможно; а патронъ, т.-е. начальникъ филюги нашей, во мракѣ ночномъ съ праваго пути мало посбился, что́ я видѣвъ довольно съ нимъ говорилъ въ противность и мнилъ то, что онъ то дѣлаетъ съ лукавства и хочетъ меня завезть въ Барбарію, т.-е. въ Арапы. Потомъ тотъ патронъ позналъ самъ, что не такъ ѣдетъ, какъ надлежитъ ѣхать къ Мальту, и просилъ меня о томъ, чтобъ я путь филюги своей управлялъ. И за помощію Божіею управился нашъ путь къ Мальту добро, и во всю ночь бѣжали мы на двухъ парусахъ до самаго свѣту, и на первомъ часу Іюля 19-го числа увидѣли передъ собою Мальтійскій островъ, за что́ меня патронъ филюги нашей зѣло благодарилъ, что управился путь нашъ прямо къ Мальту. Въ томъ же часѣ, не доѣзжая до Мальту за десять или больше миль Итальянскихъ, съѣхались мы съ Турецкимъ вели-

кимъ кораблемъ и увидѣли его отъ себя въ дальнемъ разстояніи и не познали: чаяли, что тартана христіанская изъ Мальту идетъ. А Турки съ того корабля, увидѣвъ нашу филюгу, поворотили парусы къ намъ, а вѣтръ былъ имъ на насъ мало способный; и какъ тотъ корабль набѣжалъ на насъ близко, и мы, увидѣвъ, что то корабль, а не тартана и суть непріятельскій, почали мы подаватися къ Мальту; а тотъ корабль почалъ за нами правиться и угонять насъ, и гнался за нами три часа слишкомъ, перенимая намъ дорогу къ Мальту. И мы, видѣвъ, что тотъ корабль насъ угоняетъ и къ Мальту мы отъ него уже идтить не можемъ, вскорѣ на филюгѣ своей парусы переворотили подъ вѣтеръ, и почали маринеры гресть веслами и пошли тому кораблю въ противность, умысля то, чтобъ намъ тотъ корабль проплыть вскорѣ за вѣтеръ. И такъ, при помощи Божіей, встрѣчу того корабля ѣхавъ, проминули его зѣло въ близости. И какъ увидѣли Турки, что филюга наша пришла противъ ихъ корабля въ мѣру пушечной стрѣльбы, начали стрѣлять изъ пушекъ, а потомъ, какъ еще болѣе поровнялись мы съ кораблемъ ихъ, и они стрѣляли изъ мелкаго ружья по насъ; однакожъ Господь Богъ насъ пощадилъ: никого не убили и не ранили. И какъ увидѣли Турки, что мы корабль ихъ проминули за вѣтеръ, и не могутъ они намъ ничего уже учинить, паче жъ пригнались за нами въ Турино, близко самаго Мальту и, опасшись, чтобъ отъ Мальту не было на нихъ какихъ людей, скоро отъ насъ поворотились и побѣжали въ море; а мы, невидимою силою Божіею свободясь отъ тѣхъ псовъ бусурманъ, пріѣхали въ Мальтъ въ добромъ здоровьи.

Іюля въ 19-й день. Въ пятомъ часу дня пріѣхалъ я въ Мальтъ и въѣхалъ подъ городомъ Мальтомъ въ Мальтійскій портъ, т.-е. въ пристанище, гдѣ, не допустя нашей филюги до берегу сажень за 50, встрѣтилъ насъ въ баркѣ одинъ человѣкъ и взялъ у меня мои пашпорты, т.-е. проѣзжіе листы, которые я взялъ себѣ изъ Неаполя; и съ тѣми моими проѣзжими листами тотъ человѣкъ поѣхалъ отъ меня на берегъ, а намъ до указу къ берегу приставать не велѣлъ, и мы стояли подлѣ берега одинъ часъ. Потомъ тотъ же человѣкъ, который у меня проѣзжіе листы взялъ, паки ко мнѣ пріѣхалъ и сказалъ мнѣ, чтобъ мы свободно къ берегу приставали и въ городъ бы шли повольно; и я, изъ филюги вышедъ, пошелъ въ городъ Мальтъ и сталъ въ остаріи, которая называется Делорса. Въ той остаріи патронъ, т.-е. хозяинъ, породою Французъ, добрый человѣкъ порядился со мною за палату, въ которой мнѣ стоять и за постелю, на которой мнѣ спать и за пищу (за обѣдъ и за ужину) платить мнѣ ему по получервонному золотому; а солдатъ, который со мною былъ, ѣлъ особо и за пищу и за постель платилъ особо. И отвелъ мнѣ тотъ хозяинъ

палату изрядную, гдѣ спать и въ ней кровать съ завѣсомъ и постелею чистою; также въ той палатѣ столъ, и креселъ, и стуловъ довольно, да другую палату отвелъ мнѣ, гдѣ ѣсть, великую и кормилъ меня изрядно. И того дни я изъ той остаріи никуда не ходилъ, для того что еще самъ не осмотрѣлся и никакого себѣ въ Мальтѣ знакомца не сыскалъ.

Іюля въ 20-й день. Поутру послалъ я до двухъ кавалеровъ Мальтійскихъ съ листами, которые листы до тѣхъ вышеписанныхъ кавалеровъ писалъ одинъ Мальтійскій же кавалеръ изъ Неаполя, и просилъ ихъ о томъ, чтобъ они явились ко мнѣ любовны и показали бъ ко мнѣ всякую ласку. Изъ тѣхъ помяненныхъ Мальтійскихъ двухъ кавалеровъ одинъ, который называется Іосифъ Маноель Полявичина, тотчасъ ко мнѣ пришелъ и сидѣлъ у меня время довольное и сказалъ мнѣ, что онъ о моемъ пріѣздѣ въ Мальтъ сего числа объявитъ гранмейстеру, т.-е. начальнику Мальтійскому и что́ отъ него обо мнѣ будетъ приказано, о томъ обѣщалъ мнѣ въ вѣдомость учинить. А другой Мальтійскій кавалеръ, къ которому было обо мнѣ письмо изъ Неаполя отъ помяненнаго кавалера, того числа ко мнѣ не пришелъ, для того что онъ гораздо старъ и боленъ, а есть кавалеръ великій, одинъ изъ тѣхъ, которые называются гранкруцы; тѣ носятъ великіе кресты бѣлые нашиты на черныхъ епанчахъ на плечѣ и подъ гранмейстеромъ Мальтійскимъ первые люди. И сего утра я изъ остаріи, въ которой стоялъ, никуды не ходилъ; а по обѣдѣ того числа гранмейстеръ Мальтійскій прислалъ ко мнѣ карету свою и того помяненнаго кавалера Іосифа Маноеля, и просилъ меня тотъ кавалеръ отъ гранмейстера, чтобъ я въ той каретѣ пріѣхалъ къ тому гранмейстеру въ домъ, и я въ той каретѣ ко гранмейстеру въ домъ его пріѣхалъ. И домъ его великій, много на немъ палатъ строенія каменнаго изряднаго, и взошелъ къ нему въ палаты по круглой лѣстницѣ, которая сдѣлана предивнымъ мастерствомъ и зѣло широка и просторна, и вверху передъ палатами стоитъ караулъ солдатъ человѣкъ съ 20. Потомъ вошелъ въ сѣни зѣло великія, изряднымъ мастерствомъ сдѣланы; въ тѣхъ сѣняхъ стоятъ гранмейстеровы кавалеры, т.-е. его домовые люди. Потомъ вошелъ въ палату зѣло великую, длинную; та палата будетъ сажень 15 трехаршинныхъ или больше, убрана изрядно, обита вся камками червчатыми изрядными, а поверхъ обою подъ подволоками убрана письмами Итальянскими предивными. Въ той палатѣ сдѣлано у передней стѣны мѣсто гранмейстерово, и надъ тѣмъ мѣстомъ сдѣланъ балдахинъ изрядный. Изъ той палаты вошелъ въ другую палату; та палата меньше первой, однакожъ велика, во всѣ стѣны равной мѣры, также обита вся камками червчатыми, и въ той палатѣ мѣсто

гранмейстеру сдѣлано подъ изряднымъ же балдахиномъ. Изъ той палаты еще вошелъ въ палату невеликую, также вся обита червчатыми камками. Въ той палатѣ встрѣтили меня кавалеры Мальтійскіе и привѣтствовали изрядно. Потомъ вошелъ еще въ палату, въ которой самъ гранмейстеръ стоитъ осередь палаты; та палата обита вся камками червчатыми. И какъ я въ ту палату вошелъ, и гранмейстеръ подступилъ ко мнѣ и, снявъ шляпу, кланялся мнѣ и говорилъ такъ: я-де себѣ почитаю за великое счастье, что ты-де великаго государя человѣкъ изъ великихъ краевъ пріѣхалъ видѣть охотою мое малое владѣтельство, сей Мальтійскій островъ. Также и я ему кланялся, благодарствовалъ за къ себѣ любовную пріемность и просилъ его о томъ, чтобъ онъ мнѣ далъ повольность на Мальтійскомъ острову смотрѣть всякихъ вещей, что̀ надлежитъ форестиру, т.-е. иноземцу, видѣть, на которое мое прошеніе съ охотою мнѣ позволеніе далъ и велѣлъ тому помяненному кавалеру возить меня въ своей каретѣ, гдѣ я похочу смотрѣть, и для того далъ мнѣ свою карету. По тѣхъ разговорахъ просилъ меня гранмейстеръ, чтобъ я надѣлъ шляпу, и самъ онъ свою шляпу надѣлъ также и, свою шляпу надѣвъ, разговаривали съ нимъ стоя; а при немъ былъ одинъ кавалеръ въ той палатѣ, въ которой я съ нимъ стоялъ, да другой кавалеръ тотъ, который со мною пріѣхалъ Іосифъ Маноель; а тѣ кавалеры, которые меня встрѣтили въ другой палатѣ были, а ко гранмейстеру въ палату по обыкности своей не входили. И какъ по разговорахъ я отъ него изъ палаты пошелъ, и онъ, мнѣ поклонъ отдавъ, отпустилъ меня любовно и того вышепомяненнаго кавалера, который со мною къ нему пріѣхалъ, Іосифа Маноэля послалъ паки со мною и велѣлъ ему при мнѣ служить во всякихъ моихъ потребахъ. И какъ я отъ него изъ палаты вышелъ въ другую палату, и въ той палатѣ паки меня кавалеры привѣтствовали, и я, имъ поклонъ отдавъ, пошелъ до кареты съ помяненнымъ кавалеромъ Іосифомъ Маноелемъ, а тотъ кавалеръ Іосифъ Маноель породою Туринецъ, и домъ его есть въ Туринѣ подъ властію дука Савойскаго.

Потомъ пришелъ въ церковь Римской вѣры Іоанна Предтечи. Та церковь въ Мальтѣ соборная зѣло велика и пречуднымъ мастерствомъ сдѣлана изъ великаго богатства, въ той церкви много серебра и всякихъ вещей, въ той же церкви двои органы изрядные, столпы въ томъ костелѣ сдѣланы изъ зеленаго мрамору, около ихъ рѣзьбы алебастровыя золоченныя, своды и стѣны въ той церкви рѣзаны предивнымъ мастерствомъ изъ алебастру жъ и золоченыхъ мѣстъ множество промежъ алебастровыхъ рѣзьбей. Писана та церковь преузорочнымъ живописнымъ Итальянскимъ мастерствомъ, также иного всякаго украше-

нія въ той церкви много, котораго подробну описать трудно. Въ той церкви видѣлся я съ кавалеромъ, къ которому обо мнѣ было письмо изъ Неаполя отъ Мальтійскаго жъ кавалера. Тотъ кавалеръ зѣло старъ и боленъ, однакожъ ко мнѣ явился любовенъ и просилъ меня о томъ, чтобъ я по времени, когда мнѣ будетъ свободно, пріѣхалъ бы къ нему въ домъ.

Потомъ изъ той церкви поѣхалъ я до остаріи, въ которой стоялъ, и вышеписанный кавалеръ Іосифъ Маноель со мною же поѣхалъ, для того что часъ того времени былъ жарокъ; и въ той остаріи съ вышеписаннымъ Мальтійскимъ кавалеромъ мало позабавились лимонадами. Потомъ, какъ часъ горячести преминулъ, паки вышепомяненная гранмейстерова карета ко мнѣ пришла, и прислалъ ко мнѣ гранмейстеръ камарера своего, т.-е. покоеваго человѣка, велѣлъ меня спросить меня о здоровьи и говорить о томъ, буде есть мнѣ до него какія потребы, чтобъ я ему о томъ говорилъ, а онъ мнѣ по прошенію моему обѣщалъ дѣлать. За ту его любовь я ему благодарствовалъ чрезъ того жъ его ко мнѣ присланнаго, а нуждъ до него просительныхъ никакихъ не имѣлъ. И въ вышепомяненной его каретѣ съ кавалеромъ Іосифомъ Маноелемъ поѣхали смотрѣть фортецы, т.-е. города Мальта. И пріѣхалъ въ ворота, которые называются Портадереало, и ѣздилъ по фортецѣ, смотрѣлъ какимъ кышталтомъ сдѣлана и съ какими крѣпостьми. И той фортецы мастерства и крѣпостей никакими дѣлы именно описать въ скорости невозможно, для того что умъ человѣческій скоро не обыметъ подлинно о томъ писать, какъ та фортеца построена; только объ ней напишу, что суть во всемъ свѣтѣ предивная вещь, и не боится та фортеца приходу непріятельскаго со множествомъ ратей кромѣ воли Божеской. И смотря я той фортецы, объѣхалъ нѣкоторую ея часть и пріѣхалъ въ остарію, въ которой стоялъ, для того что приспѣлъ часъ ночи.

Іюля въ 21-й день. Поутру тотъ вышеимянованный кавалеръ Іосифъ Маноель пришелъ ко мнѣ въ остарію, въ которой я стоялъ, и просилъ меня о томъ, чтобъ я пошелъ съ нимъ смотрѣть Мальтійскія оружейныя палаты, и я по прошенію его съ нимъ пришелъ на оружейный дворъ, гдѣ видѣлъ сидятъ оружейные мастера и дѣлаютъ ружья. Потомъ проводили меня въ верхнія палаты, которыя зѣло велики, и въ нихъ множество ружья всякаго, убрано изрядно, также множество уборовъ желѣзныхъ, латъ изрядныхъ, бартерцовъ, шишаковъ, щитовъ и иныхъ уборовъ воинскихъ, между которыми уборами видѣлъ и три бартерца изрядныхъ, которые взяли Мальтійцы въ прежнія лѣта на Турецкихъ корабляхъ съ Турецкими пашами. Въ той же палатѣ видѣлъ пушку немалую сдѣлану изъ кожи телятинной, а мѣди въ ней

положено самое малое число, тонѣе одного перста, а поверхъ мѣди все кожа; и сказали мнѣ, что та пушка къ стрѣльбѣ зѣло крѣпка.

Въ той же палатѣ видѣлъ десять пищалей затинныхъ желѣзныхъ, которыя отъ запаловъ сдѣланы изрядными штуками, и сказали мнѣ, что въ тѣхъ палатахъ всякихъ военныхъ уборовъ и ружья есть на 60,000 человѣкъ всегда готово. Въ той же палатѣ видѣлъ множество бандлеровъ и пульварзановъ, въ той же палатѣ особо положено множество мушкатоновъ, которые зѣло потребны на корабли и на галеры.

Сошедъ изъ той палаты, видѣлъ на томъ оружейномъ дворѣ два барана Барбарійскихъ, т.-е. Арабскихъ, которые зѣло велики, гораздо больше Ординскихъ великихъ овецъ, шерсть на себѣ имѣютъ красную и зѣло длинную, хвосты у нихъ зѣло жъ длинны и толсты, на головахъ у нихъ по четыре рога великихъ.

Изъ того оружейнаго двора пошелъ я къ себѣ въ остарію, гдѣ стоялъ, а помяненный кавалеръ Іосифъ Маноель пошелъ до магистрату, имѣлъ себѣ нѣкоторую нужду и обѣщалъ ко мнѣ придтить въ остарію обѣдать. И во время обѣда тотъ кавалеръ пришелъ и, обѣдавъ со мною, сидѣлъ у меня того дня до вечерень, а въ вечерни мы съ нимъ пошли въ баркѣ отъ города Мальта на другую сторону Мальтійскаго порту смотрѣть одной фортецы, которая называется Деригазоли. Та фортеца построена на краю Мальтійскаго порту противъ самого города Мальта на другой сторонѣ зѣло изряднымъ мастерствомъ и неудобь-сказаемыми крѣпостьми на каменной горѣ, вся сдѣлана изъ бѣлаго твердаго камени пречуднымъ разумомъ. Какіе въ той крѣпости подѣланы крѣпости, бастіоны, бельварды и иныя всякія дѣла, того описать подробну не можно; также подѣланы предивные погребы на порохъ и на всякіе припасы зѣло пречуднымъ вымысломъ, и какія крѣпости учинены отъ непріятельскихъ бомбовъ, того описать подлинно не могу; и такъ говорятъ, что та фортеца во всемъ свѣтѣ предивное чудо и еще мало не докончена, и нынѣ непрестанно 250 работныхъ людей дѣлаютъ и чаютъ окончить все вскорѣ. Въ той фортецѣ сдѣлана одна небольшая церковь Римская во имя св. Чудотворца Николая. Въ той же фортецѣ семь колодезей изрядной чистой воды, въ той же фортецѣ подѣланы покои изрядные солдатамъ подлѣ стѣнъ, гдѣ живутъ солдаты съ женами и дѣтьми; въ той же фортецѣ много изрядныхъ пушекъ великихъ и малыхъ надъ воротами; въ той фортецѣ построены зѣло изряднымъ мастерствомъ палаты великія для губернатора. А какъ я въ ту фортецу вошелъ, и меня той фортецы губернаторъ встрѣтилъ съ товарищи своими въ воротахъ, гдѣ стояло солдатъ для гвардіи человѣкъ съ 30. Тотъ губернаторъ, кавалеръ Мальтійскій, молодецъ изрядный, принялъ меня съ почтеніемъ изрядно и

просилъ о томъ, чтобъ я съ нимъ мало посидѣлъ въ воротахъ, гдѣ было много поставлено изрядныхъ стуловъ, для того что еще отъ солнечнаго паленія было жарко; и я тутъ съ нимъ сидѣлъ, гдѣ онъ меня потчивалъ лимонадами, а какъ время горячести солнечной преминуло, и я съ тѣмъ губернаторомъ гулялъ по всей фортецѣ и смотрѣлъ всякихъ крѣпостей. Потомъ запросилъ меня тотъ губернаторъ до своихъ палатъ, въ которыхъ у него видѣлъ я изрядные уборы, и въ тѣхъ его палатахъ посидѣли мало, забавились лимонадами. И пошелъ я изъ той фортецы до своей барки, въ которой пріѣхалъ, и тотъ вышеписанный губернаторъ проводилъ меня съ изрядной учтивостью за ворота, и я, ему поблагодарствовавъ за его любовь, поѣхалъ къ себѣ въ остарію. И какъ пріѣхалъ къ берегу подъ городъ Мальтъ, тутъ стояла гранмейстерова карета, дожидалась меня; и я вышедъ изъ барки въ той каретѣ пріѣхалъ въ остарію, въ которой стоялъ, а кавалеръ Іосифъ Маноель проводилъ меня до воротъ той остаріи и пошелъ до своего дому. А какъ я изъ той фортецы въ баркѣ ѣхалъ и поровнялся противъ одного Аглинскаго корабля, на которомъ былъ капитанъ Аглинскій мнѣ знакомецъ добрый; тотъ капитанъ, увидѣвъ меня съ корабля, съ великимъ привѣтствомъ мнѣ кланялся и радъ бы былъ, чтобъ я къ нему на корабль вошелъ, чтò я учинить не могъ, для того что тотъ корабль стоялъ въ контомаціи, потому что пришелъ изъ Леванту, т.-е. съ Востоку, и по обыкности Мальтійской на тотъ корабль, также и съ того корабля въ городъ до урочныхъ дней никто не ходитъ подъ заказомъ крѣпкимъ для опасенія болѣзней, что на Востокѣ бываетъ часто моровое повѣтріе. И такъ я съ тѣмъ Аглинскимъ капитаномъ издалека поклонясь разъѣхались, и тотъ Аглинскій капитанъ въ ночи прислалъ ко мнѣ одного Мальтійскато марканта, т.-е. купца, который ему суть пріятель, и просилъ меня о томъ, чтобъ я, ежели хочу ѣхать въ Гишпанскіе или во Французскіе городы, чтобъ ѣхалъ я на его караблѣ для того, чтобъ не имѣлъ страху отъ Турковъ и, ежели бъ я на его кораблѣ хотѣлъ ѣхать, и онъ обѣщалъ меня дожидаться въ Мальтѣ, сколько времени мнѣ будетъ потребно. За ту его ласку я ему чрезъ того присланнаго благодарствовалъ, а ѣхать на его кораблѣ изъ Мальту не хотѣлъ, для того что я имѣлъ замыслъ ѣхать изъ Мальту паки до Неаполя, а изъ Неаполя до Риму.

Іюля въ 22-й день. Поутру рано вышепоименованный кавалеръ Іосифъ Маноель пришелъ ко мнѣ въ остарію; потомъ привезли ко мнѣ гранмейстерову карету, и я въ той каретѣ съ кавалеромъ Іосифомъ Маноелемъ поѣхалъ смотрѣть шпиталя. Тотъ шпиталь построенъ изъ общей казны Мальтійской для покою болящимъ и есть великъ гораздо;

въ томъ шпиталѣ построены палаты длинныя, сажень по 50 и больше, а шириною сажень по шести. Въ тѣхъ палатахъ поставлены кровати съ завѣсами и постели хорошія, на которыхъ лежатъ больные, каждому болящему особая кровать и постеля. Въ срединѣ тѣхъ палатъ сдѣлана церковь малая, и по вся дни бываетъ въ ней служба Римская для больныхъ. Къ тѣмъ болящимъ по вся дни приходятъ дохтуры и лекари и лечатъ ихъ безъ платы. Тѣмъ болящимъ на всякій день служитъ кавалеръ, перемѣняясь поденно, разныхъ государствъ кавалеры: Французы, Цесарцы, Итальянцы, Поляки, Гишпанцы и иныхъ земель; кормятъ тѣхъ болящихъ всегда съ серебра; тарелки и ложки, и блюда, и чаши, и ставцы, и солонки—все серебрянные, и всякое упокоеніе чинятъ болящимъ Христа ради общею казною. Подъ тѣми палатами, въ которыхъ лежатъ болящіе, сидятъ невольники Турки и Барбарешки; а наверху тѣхъ палатъ, въ которыхъ лежатъ больные, построены палаты изрядныя для всякихъ покоевъ болящимъ. Въ томъ же домѣ между палатъ построенъ изрядный садъ, и въ немъ фонтаны для утѣхи больнымъ. Около того дому построены палаты, въ которыхъ живутъ челяди, которые болящимъ служатъ, и бываетъ въ томъ шпиталѣ по 1000 человѣкъ болящихъ; а какъ я былъ, въ то время было больныхъ только 200 человѣкъ. А больныхъ въ тотъ шпиталь принимаютъ всякаго чину, кто бъ ни пришелъ, только бъ былъ христіанинъ, а басурманамъ болящимъ подѣланы особые покои въ томъ же шпиталѣ. Изъ того шпиталя поѣхалъ я съ тѣмъ же кавалеромъ Іосифомъ Маноелемъ въ той же гранмейстеровой каретѣ къ одному кавалеру, который носитъ гранкруцъ, т.-е. великій крестъ, до котораго обо мнѣ было прислано изъ Неаполя отъ Мальтійскаго же кавалера просительное письмо, чтобъ онъ ко мнѣ былъ пріятенъ. Тотъ кавалеръ называется Каравита и есть породы честной и зѣло старъ и боленъ, однакожъ меня принялъ къ себѣ въ домъ съ великою любовью, встрѣтилъ меня на крыльцѣ и, вшедъ въ палаты, сидѣлъ я съ нимъ время довольное, имѣя между собою разговоры Италъянскимъ языкомъ. Потомъ я отъ него пошелъ, и онъ меня чрезъ силы проводилъ до кареты, и оттуды я поѣхалъ къ себѣ въ остарію, въ которой стоялъ. Того кавалера Каравита домъ построенъ зѣло изрядно, много у него палатъ, и уборы въ палатахъ изрядные, обитья камчатныя, зеркалъ и картинъ изрядныхъ много, также и людей при немъ служитъ немало изрядныхъ молодцовъ. И того дни до обѣда изъ остаріи никуда не ѣздилъ. Того жъ числа по обѣдѣ тотъ же кавалеръ Іосифъ Маноель пришелъ ко мнѣ въ остарію, а потомъ пришелъ другой кавалеръ и сидѣли у меня немалое время, и за два часа до ночи пришла ко мнѣ гранмейстерова карета, и я съ кавалеромъ Іосифомъ Маное-

лемъ въ той каретѣ поѣхалъ гулять; а другой кавалеръ, который у меня былъ, пошелъ отъ меня къ себѣ. И пріѣхали мы въ одинъ домъ, гдѣ стоятъ Мальтійскихъ кавалеровъ семь человѣкъ; изъ тѣхъ одинъ просилъ меня, чтобъ я вошелъ къ нему въ камору по такому знакомству, что онъ былъ у меня въ остаріи, гдѣ я стоялъ, вчерашняго числа. И я, пришедъ къ нему въ камору, смотрѣлъ картъ морскихъ и географическихъ, и потчивалъ онъ меня лимонадами и, забавясь у него недолго, поѣхалъ отъ него гулять, и онъ самъ поѣхалъ со мною и пріѣхалъ къ одной фортецѣ, которая называется Сальталина. Той фортецы губернаторъ встрѣтилъ меня въ воротахъ и принялъ съ любовью, и я въ той фортецѣ смотрѣлъ всего, что́ надлежитъ видѣть. Та фортеца не велика гораздо, построена на углу города при самомъ морѣ съ великими изрядными крѣпостьми; на той фортецѣ много изрядныхъ великихъ пушекъ, на той же фортецѣ построена башня круглая зѣло великая, на верху той башни поставленъ великій фонарь, въ которомъ съ перваго числа Декабря по Св. Пасху по вся́ ночи запаляютъ по 40 лампадъ деревяннаго масла для того, которые христіане ѣздятъ въ ночахъ по морю, чтобъ могли издалека видѣть Мальтійскій островъ. На той же фортецѣ ставятъ знаки малые холстинные на шестахъ для того, чтобъ караульщикъ, который стоитъ на той фортецѣ, подлинно бъ видѣлъ, въ которой часъ бываетъ на морѣ который вѣтеръ, и какъ увидитъ въ морѣ далеко какое судно, чтобы могъ знать, которымъ вѣтромъ то судно бѣжитъ. Та фортеца въ Мальтѣ построена въ древнія лѣта и прежъ сего за много лѣтъ, какъ приходили въ Мальтъ Турки и ту фортецу взяли; въ той фортецѣ въ то время было 100 человѣкъ кавалеровъ Мальтійскихъ, которые не хотѣли отдаться живы басурманамъ и всѣ въ той фортецѣ побиты, въ малыя штуки отъ басурманъ изсѣчены. Въ той же фортецѣ въ то время былъ и самъ Мальтійскій гранмейстеръ, и во время того приступу тому гранмейстеру оторваны были изъ пушки обѣ ноги, однакожъ и безъ ногъ, сидя въ креслахъ на той фортецѣ, взялъ два пистоля, не пустилъ къ себѣ Турковъ до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ его убили. А нынѣ та фортеца предъ прежнимъ укрѣплена зѣло и обведена новою стѣною съ тремя бельвардами предивной крѣпости, и къ той фортецѣ нынѣ не можетъ никакое судно по морю подойтить близко. Въ той фортецѣ живутъ солдаты съ женами и дѣтьми. Въ той же фортецѣ съ осаднаго времени много проведено водъ чистыхъ изрядныхъ по желобамъ; въ той же фортецѣ внизу сдѣлана одна палата, въ которую сажаютъ кавалеровъ за вины по разсужденію. И осмотря мы той фортецы, изъ нея пошли до кареты, и губернаторъ той фортецы проводилъ меня за ворота и, отдавъ поклонъ, отпустилъ съ лю-

бовью. Отъ той фортецы пріѣхалъ я въ остарію, въ которой стоялъ, и тѣ два кавалера Іосифъ Маноель и другой, у котораго я въ каморѣ былъ, проводили меня до той остаріи.

Іюля въ 23-й день. Поутру пришелъ ко мнѣ тотъ же кавалеръ Іосифъ Маноель, потомъ пришла гранмейстерова карета, и я въ той каретѣ съ тѣмъ кавалеромъ поѣхалъ смотрѣть Мальтійскаго города крѣпостей, и пріѣхали на одинъ бельвардъ, который называется Поста-де-Италія. Тотъ бельвардъ великій и зѣло изрядною крѣпостью сдѣланъ отъ моря и отъ земли на высокой каменной горѣ; и около его рвы подѣланы предивнымъ мастерствомъ и несказанною крѣпостью. На томъ бельвардѣ въ верхнемъ и въ нижнемъ бою 38 пушекъ зѣло великихъ и преизрядныхъ, между которыми одна безмѣрно велика взята у Турокъ, когда Турецкія рати приходили въ прежнихъ лѣтахъ подъ Мальтъ, а другая такая жъ пушка великая въ тожъ время взята у Турокъ и уронена въ море близко берега, гдѣ и нынѣ видима лежитъ, а вынять той пушки никакими мѣрами изъ моря не могутъ; много разныхъ инструментовъ на то было дѣлано, чтобы ту пушку могли изъ моря вынуть и не могутъ. Тотъ помяненный бельвардъ для того называется Поста-де-Италія, что во время непріятельскаго приходу къ Мальту на томъ бельвардѣ сидятъ Мальтійскіе кавалеры породою Итальянцы, и оберегаютъ они его. И построенъ тотъ бельвардъ казною Мальтійскихъ кавалеровъ, которые породою Итальянцы.

Потомъ отъ того бельварду поѣхалъ я съ тѣмъ же кавалеромъ Іосифомъ Маноелемъ на другой бельвардъ, который называется Поста-ди-Кастилія. На томъ бельвардѣ на верхнемъ и на нижнемъ бою по 15 пушекъ зѣло великихъ, изъ которыхъ одна пушка пребезмѣрно велика и длинна зѣло и такимъ дивнымъ мастерствомъ сдѣлана, что удивленія достойна. Тотъ бельвардъ сдѣланъ на углу отъ моря не гораздо на высокомъ мѣстѣ и очищаетъ входъ въ портъ Мальтійскій, т.-е. въ пристанище, чтобъ непріятель не могъ войтить никакимъ судномъ въ то пристанище. На томъ бельвардѣ подѣланы изрядные огороды, гдѣ родятся многіе разные фрукты, и на томъ же бельвардѣ сдѣлана изрядная фонтана, изъ которой истекаютъ сладкія чистыя воды для всякихъ потребъ. А на обоихъ вышеписанныхъ бельвардахъ пушки всѣ мѣдныя изряднымъ размѣромъ сдѣланы, а надъ ними подѣланы на каменныхъ высокихъ столпахъ изрядныя крѣпкія кровли, чтобъ во время дождя пушекъ не мочило, и подъ тѣми пушками подѣланы станки изрядною препорціею зѣло крѣпкіе.

Потомъ поѣхалъ я къ себѣ въ остарію для того, что почало быть отъ солнечной горячести жарко.

Того жъ числа по обѣдѣ тотъ же кавалеръ Іосифъ Маноель пріѣхалъ ко мнѣ въ остарію и, побывъ у меня, поѣхали мы съ нимъ въ баркѣ на другую сторону Мальтійскаго порту смотрѣть одной фортецы, которая называется Санто-Анело. Та фортеца не велика, построена на высокой каменной горѣ изряднымъ мастерствомъ, вся сдѣлана изъ бѣлаго камени предивною крѣпостью, и пушекъ въ ней множество великихъ и малыхъ. Въ той фортецѣ сдѣланы къ морю четыре боя, одинъ одного выше, а на всѣхъ поставлено много пушекъ, надъ которыми поставлены на столпахъ каменныхъ изрядныя кровли. Въ той же фортецѣ сдѣлана церковь Римская изрядная; въ той же фортецѣ построены домы солдатскіе, въ тѣхъ домахъ живутъ солдаты съ женами и съ дѣтьми. Въ той фортецѣ живетъ губернаторъ, домъ его не великъ, а построенъ изрядно, всходы снизу въ ту фортецу подѣланы предивные пространные и отлогіе безо всякой нужды. По тѣмъ всходамъ въ ту фортецу можно ввозить пушки и всякіе припасы. Та фортеца поставлена противъ входу въ Мальтійскій портъ, т.-е. въ пристанище, чтобъ возбраняла входъ въ то пристанище всякимъ непріятельскимъ судамъ. Потомъ изъ той фортецы поѣхалъ я въ той же баркѣ и, погулявъ по морю время довольное, пріѣхалъ паки къ берегу, гдѣ меня дожидалась гранмейстерова карета. Въ той каретѣ пріѣхалъ я въ остарію, въ которой стоялъ; а вышепомяненный кавалеръ Іосифъ Маноель, проводя меня до остаріи, пошелъ къ себѣ.

Іюля въ 24-й день. Рано прислалъ ко мнѣ гранмейстеръ того жъ кавалера Іосифа Маноеля, а съ нимъ другихъ кавалеровъ 5 человѣкъ и 5 колясокъ, и просили меня тѣ кавалеры Мальтійскіе отъ лица гранмейстера, чтобъ я съ ними въ тѣхъ колясках поѣхалъ гулять въ одно мѣсто, которое называется Бушкетно, котораго ихъ прошенія я не могъ преслушать и поѣхалъ съ ними въ тѣхъ колясках, гдѣ имъ было потребно. И прежде пріѣхали на мѣсто, которое называется Грото-ди-сан-Павло, то есть пещера св. Павла Апостола, въ которой пещерѣ пребывалъ св. Апостолъ Павелъ, когда былъ въ Мальтійскомъ островѣ со Евангелистомъ Лукою. На томъ мѣстѣ построена церковь Римская великая, изряднымъ мастерствомъ сдѣлана. По сторонѣ той великой церкви сдѣлана церковь небольшая, въ той церкви видѣлъ я часть руки св. Апостола Павла. Подъ тою церковью сдѣланы возлѣ двѣ малыя церкви, одна во имя св. Апостола Павла; въ той церкви на алтарѣ поставленъ образъ Апостола Павла рѣзной изъ алебастру, изрядною же работою сдѣланъ; а другая малая церковь во имя Евангелиста Луки, обѣ тѣ церкви Римскія, также и въ той церкви образъ Евангелиста Луки рѣзной изъ алебастру, предивнымъ же мастерствомъ сдѣланъ и поставленъ на алтарѣ по правую сторону. Когда идешь въ тѣ малыя цер-

кви, въ землѣ есть малая пещера высѣчена изъ камени, гдѣ было пребываніе Павла съ Лукою Евангелистомъ. Въ той пещерѣ поставлены образы св. Павла и св. Луки рѣзные изъ алебастру предивнымъ мастерствомъ, и передъ ними всегда горитъ лампада. Въ той пещерѣ христіане берутъ землю и каменья съ вѣрою приходящіе себѣ на освященіе; въ той же пещерѣ находятся изряднымъ подобіемъ каменія бѣлыя, также и другія вещи, которыя называютъ будто змѣиные очи и языки, и сказываютъ, что бываетъ отъ нихъ исцѣленіе молитвами св. Апостола Павла; а то суть для того, что на томъ Мальтійскомъ островѣ Апостола Павла укусила ехидна. Отъ той пещеры то мѣсто 15 миль Итальянскихъ, и въ то время св. Павелъ ту ехидну, которая его укусила, отъ руки своей отрясъ въ огонь и проклялъ всѣхъ ехиднъ, бывшихъ на Мальтійскомъ острову, и до нынѣ которыя есть на Мальтійскомъ острову ехидны тѣ не вредятъ человѣка; а который человѣкъ, имѣя въ рукѣ землю или камень отъ пещеры Апостола Павла, тотъ стоя съ землею или съ камнемъ можетъ взять въ руку ехидну, а она его вредити не можетъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ обрѣтаются камни бѣлые подобны ехиднамъ; о томъ сказываютъ, будто тѣ ехидны, которыя были во время бытности св. Павла и его проклятіемъ всѣ окаменѣли и нынѣ находятся тамъ по горамъ и по полямъ и въ землѣ.

Недалеко отъ той помяненной пещеры есть одинъ курганъ недобре высокъ и не великъ; около его сдѣлана ограда каменная невысокая жъ, а на верху того кургана сдѣланъ одинъ каменный невысокій столпъ, на томъ столпѣ поставленъ образъ Апостола Павла, вырѣзанъ изъ алебастру въ мѣру человѣческаго возрасту предивнымъ мастерствомъ; а сдѣлано то для того, что св. Павелъ во время бытности своей на Мальтійскомъ острову всегда восходилъ на тотъ помяненный курганъ и проповѣдалъ Христа быти истиннаго Бога и совершенна человѣка, поучая народы бывшіе въ болванохвальствѣ и приводя ихъ въ Христову вѣру, и въ то время обитающіе на Мальтійскомъ острову проповѣдью его познали истиннаго Бога.

Потомъ вышепомяненные Мальтійскіе кавалеры, которые были посланы со мною отъ гранмейстера, просили меня о томъ, чтобъ я поѣхалъ съ ними недалеко отъ церкви св. Апостола Павла смотрѣть дому гранмейстерова, которые домы гранмейстеръ имѣетъ при себѣ для забавы на Мальтійскомъ островѣ не въ далекихъ мѣстахъ отъ города Мальта и при тѣхъ домахъ имѣетъ изрядные сады; а я то ихъ прошеніе исполнилъ, въ гранмейстеровъ домъ съ ними пріѣхалъ. Тотъ его домъ построенъ на каменной горѣ не малъ, палатъ не гораздо много, а построено изрядною препорціею; изнутри подписаны живописными письмами, а иныя обиты камками, и поставлены въ нихъ кро-

вати изрядныя, у всѣхъ кроватей завѣсы и одѣялы тафтяныя червчатыя, а въ одной кровать съ завѣсомъ и одѣяломъ камчатнымъ червчатымъ же. На той кровати спитъ гранмейстеръ, когда въ тотъ домъ гулять пріѣдетъ, а на другихъ спятъ кавалеры, которые съ нимъ пріѣзжаютъ для забавы. Въ большой средней палатѣ у стѣнъ сдѣлано гранмейстерово мѣсто, и надъ тѣмъ мѣстомъ сдѣланъ балдахинъ бархатный. И вышеписанные кавалеры, которые въ тотъ домъ со мною пріѣхали, веселя меня, играли между собою въ карты; а какъ приспѣло время обѣда, тогда тѣ ковалеры просили меня о томъ, чтобъ я въ томъ гранмейстеровѣ домѣ обѣдалъ, и для того гранмейстеръ прислалъ въ тотъ его домъ изъ Мальтійскаго города дворецкаго своего и поваровъ и обѣдъ въ томъ его домѣ про меня изготовили; и я того числа въ томъ его домѣ обѣдалъ, сидя съ тѣми кавалеры за круглымъ столомъ, на которомъ была изрядная скатерть и полотенцы убраны Французскою модою предивно, и обѣдъ былъ устроенъ зѣло многояственъ и богатъ, и яствы были разныхъ образцовъ предивныя, также пить вины разныя Волоскія, Флоренскія и Неаполитанскія, которыя пили мы мѣшая съ водою чистою. Послѣ обѣда поставлено было на столъ зѣло много конфектовъ, сахаровъ предивныхъ и всякихъ разныхъ вещей вареныхъ въ сахарѣ и фруктовъ свѣжихъ изрядныхъ. Въ томъ обѣдѣ блюда и тарелки и ложки и солонки и всякія суды были всѣ серебрянные, и конфекты и фрукты были убраны изрядно на серебрянныхъ блюдахъ и на тарелкахъ. И по обѣдѣ гулялъ я съ тѣми кавалерами безъ церемоніи запросто, кто хотѣлъ—спалъ, кто хотѣлъ гулялъ; иные играли въ карты. И какъ полуденный жаръ преминулъ, и я съ тѣми кавалерами пошелъ гулять въ гранмейстеровъ садъ, который построенъ при томъ его вышепомяненномъ домѣ. Тотъ его садъ зѣло великъ, построенъ промежъ горъ, и зѣло много въ немъ деревьевъ лимонныхъ, помаранцевыхъ, оливныхъ, винныхъ ягодъ, орѣховъ грецкихъ, орѣховъ миндальныхъ, грушевыхъ, сливныхъ, яблоней, шепталы и иныхъ разныхъ родовъ, каштановъ, цукатовъ, штотовъ, финиковъ, также много виноградовъ разныхъ бѣлыхъ и красныхъ и иныхъ фруктовъ, которые на травахъ родятся. Въ томъ же саду построены огороды изрядные, въ которыхъ изрядные благовонные травы и цвѣты. Въ томъ его саду видѣлъ я многія предивныя фонтаны, изъ которыхъ истекаютъ предивными штуками изрядныя сладкія чистыя воды, между которыми фонтанами видѣлъ одну фонтану зѣло предивнымъ мастерствомъ сдѣлану, изъ которой вода течетъ многими разными штуками: прежде потечетъ вода подобіемъ солнца и лучи длинные около себя имѣетъ, потомъ потечетъ подобіемъ звѣзды также съ лучами, потомъ многими разными образцами, которыхъ для умедленія подробну описывать ос-

тавляю; а на остатокъ та фонтана чинитъ штуку зѣло предивну: когда запрешь воду, что не будетъ изъ ней истекать, въ то время поверхъ той фонтаны положатъ одинъ помаранецъ и пустятъ воду, тогда водою тотъ помаранецъ съ той фонтаны подыметъ вверхъ высоко и держитъ долгое время на водѣ, а упасть не пуститъ; и паки опуститъ его водою къ тому мѣсту, гдѣ прежде положенъ былъ и паки подыметъ. И такъ можетъ чинить сколько времени изволитъ, а поднявъ водою тотъ помаранецъ съ фонтаны вверхъ, можетъ его вверху держать на водѣ хотя цѣлый день, а не уронитъ, а подымаетъ его въ высоту отъ фонтаны сажени полторы или на двѣ и больше и держитъ на водѣ власно какъ на воздухѣ. Зѣло та фонтана изрядна и пречуднымъ мастерствомъ сдѣлана.

Потомъ пошли въ городъ, который сдѣланъ на горѣ, и напущено въ немъ оленей и козъ дикихъ немало. Потомъ я изъ того саду поѣхалъ въ тѣхъ колясках и съ тѣми жъ кавалерами до города Мальту, и тѣ кавалеры проводили меня до той остаріи, въ которой я стоялъ и, отдавъ мнѣ поклонъ, пошли къ себѣ.

Іюля въ 25-й день. Поутру пришелъ ко мнѣ вышеписанный кавалеръ Іосифъ Маноель, а потомъ привезли ко мнѣ гранмейстерову карету, въ которой я съ тѣмъ кавалеромъ пріѣхалъ къ костелу св. Іоанна Предтечи, при которомъ пребываетъ епископъ Римской вѣры. Тотъ костелъ великъ и строенія предивнаго; при томъ костелѣ живутъ сто двадцать человѣкъ поповъ, которые въ тѣхъ костелахъ и въ придѣлахъ того костела служатъ. Тѣ попы носятъ на черныхъ своихъ одеждахъ кресты бѣлые нашиты на лѣвомъ плечѣ полотняные, а иные изъ нихъ носятъ золотые кресты кавалерскіе по изволенію гранмейстера, которому онъ изволитъ. У той церкви сдѣланъ придѣлъ зѣло изрядный и немалый, въ томъ придѣлѣ построенъ алтарь по Римской вѣрѣ, на томъ алтарѣ сдѣланы два ангела литые серебрянные держатъ одну фигуру литую жъ серебрянную, мѣстами золоченую, изрядной работы и зѣло великую; на той фигурѣ сдѣланъ великій сосудъ серебрянный высотою больше аршина, а шириною въ три четверти аршина. Тотъ сосудъ на вышеписанной фигурѣ поворачивается для того, что въ томъ сосудѣ стоитъ сосудъ же золотой, въ которомъ есть положена рука десная св. Іоанна Пророка и Предтечи Крестителя Господня, и когда потребно ту святую руку изъ серебрянного сосуда вынять, тогда одинъ попъ взойдетъ на алтарь созади и тотъ серебрянный сосудъ поворотитъ къ себѣ замкомъ и поотомкнувъ вынетъ ту святую руку или, открывъ, чтобъ сосудъ золотой виденъ былъ со святою рукою народу, поворотитъ паки тотъ серебрянный сосудъ дверьми къ народу. И какъ я въ тотъ придѣлъ пришелъ, и ту святую руку

въ золотомъ сосудѣ, вынявъ изъ серебряннаго сосуда, одинъ Римскій попъ поставилъ на алтарь тотъ золотой сосудъ съ святою крестителевою рукою. Тотъ сосудъ золотой изрядной работы высотою мало больше полу-аршина, а шириною какъ можно въ него вмѣститься человѣческой рукѣ. Сдѣланъ четвероуголенъ; со всѣхъ четырехъ сторонъ вставлены въ него хрустали, чтобъ въ немъ святая Предтечева рука видна была, а на верху того сосуда поставленъ крестъ четвероконечный подобіемъ тѣмъ какъ кресты носятъ Мальтійскіе кавалеры, весь золотой съ алмазы, въ которомъ больше пяти сотъ алмазовъ великихъ и малыхъ, между которыми въ срединѣ одинъ алмазъ четверогранный зѣло великъ и чистъ безмѣрно. И какъ я приступилъ къ алтарю, хотя ту святую руку видѣть, тогда попъ Римскій, видя мое желаніе и хотя мнѣ ту святую руку показать, снялъ съ нея золотой сосудъ. И та святая крестителева рука десная отъ локтя до перстовъ обложена вся золотомъ, а надъ перстами въ томъ золотѣ сдѣланы растворы, которые мнѣ отворилъ тотъ помяненный Римскій попъ и показалъ ту святую Предтечеву руку голую; та его святая рука имѣетъ на себѣ кожу и плоть и жилы и ногти все нетлѣнно и нимало не изсохло, подобно какъ живого человѣка, и не темна, только мало посмугла. И какъ я сподобился ту святую руку поцѣловать; потомъ паки тотъ Римскій попъ накрылъ ее тѣмъ же золотымъ сосудомъ и поставилъ на алтарь вышепомяненный серебрянный сосудъ, гдѣ и всегда стоитъ та святая Іоанна Крестителя рука.

Потомъ изъ того вышеписаннаго придѣла пришелъ я въ одну сосудохранительницу, которая придѣлана у той великой Предтечевой церкви. Въ той сосудохранительницѣ показывали мнѣ святыхъ мощей.

Образъ Спасовъ письма Луки Евангелиста написанъ на нѣкакой тонкой кожѣ или на иной какой матеріи, того отъ многихъ лѣть знать неможно, и наклеенъ на доску; а написанъ тотъ Спасителевъ образъ въ терновомъ вѣнцѣ и въ багряной одеждѣ, какъ былъ во время святыхъ Своихъ страстей. Величествомъ тотъ образъ въ высоту въ три четверти аршина, а въ ширину въ пол-аршина; а на другой сторонѣ той доски, къ которой тотъ святой образъ приклеенъ, также приклеенъ образъ Пресвятыя Богородицы начерченъ на бумагѣ тѣмъ же св. Лукою Евангелистомъ.

Потомъ показали крестъ, въ которомъ древо св. креста Христова. Въ томъ же крестѣ гвоздь терноваго вѣнца Христова, въ томъ же крестѣ кровь пречистая, божественная Спасителя нашего Христа въ маломъ хрустальномъ сосудѣ.

Нога св. Лазаря, его же Христосъ воскресилъ отъ мертвыхъ, цѣлая плюсна и персты всѣ нетлѣнны.

Часть малая отъ святаго крестителева носа.

Часть мощей отъ руки св. великаго учителя Восточной церкви пресвятѣйшаго Іоанна патріарха Константинопольскаго Златоустаго.

Часть мощей святыхъ Апостолъ верховныхъ Петра и Павла.

Часть мощей св. Апостола Іакова.

Часть мощей св. Апостола Варѳоломея.

Часть отъ руки св. Анны, матери Пресвятыя Богородицы.

Часть отъ главнаго черепа св. мученика Пантелеймона.

Перстъ одинъ св. Маріи Магдалины нетлѣнный, имѣетъ плоть и кожу и ноготь, все цѣло.

Рука. св. Киріяки преподобной вся нетлѣнная.

Часть мощей св. великомученицы Ефиміи Прехвальныя.

Кость отъ руки св. великомученика Георгія Побѣдоносца.

Часть мощей св. мученика Климента.

Часть мощей отъ руки св. Августина, учителя Западной церкви.

Часть мощей святыхъ безсребрянниковъ Косьмы и Даміана.

Крестъ немалый сдѣланъ на подножи, предъ которымъ присягаетъ Мальтійскій гранмейстеръ въ то время какъ его посвящаютъ въ гранмейстеры. Въ томъ крестѣ часть немалая древа самаго Христова креста.

Крестъ, въ которомъ есть часть древа Христова жъ креста, въ томъ же одинъ гвоздь отъ терноваго Христова вѣнца обагренъ пречистою и предражайшею божественною кровью. Въ немъ же двѣ малыя части нѣкоторой древней матеріи; а сказываютъ Мальтійцы, что то есть часть отъ ризъ Спасителевыхъ, видомъ лазоревы и стканы подобіемъ крашенины толстой, рѣдкой и нелощеной.

Въ одной великой серебрянной шкатулѣ много вещей святыхъ разныхъ мученическихъ и преподобническихъ, видимы всѣ за стеклами.

Потомъ показали мнѣ два креста золотые, которые носятъ въ процессіяхъ, четвероконечные, величествомъ безъ-мала по аршину, а въ нихъ много каменья предивнаго: яхонтовъ, лаловъ, изумрудовъ великихъ и алмазовъ, изъ которыхъ одинъ цѣнятъ 20000 червонныхъ золотыхъ, а другой гораздо дороже. Устроены тѣ кресты предивною работою сканною изъ финифты.

Потомъ показали мнѣ дароносицу золотую, сдѣлана по обыкновенію Римской церкви сканною работою, въ которой есть золота полпуда.

Потомъ показали много сосудовъ золотыхъ предивной работы, въ которыхъ сосудахъ и въ дароносицѣ и въ вышеписанныхъ крестахъ есть золота больше пяти пудъ. Потомъ много сосудовъ серебрянныхъ изрядной работы, также много одеждъ епископскихъ и ша-

покъ епископскихъ низанныхъ съ каменьемъ и перстней, которые надѣваютъ епископы Западной церкви во время служенія по обыкновенію своему, также много панагей и крестовъ, которые носятъ во время службы епископы Римскіе. Потомъ видѣлъ въ той же сосудохранительницѣ образъ Пресвятыя Богородицы стоящей, имѣетъ на рукахъ Предвѣчнаго Младенца, Спасителя нашего Христа, вылитъ изъ серебра высотою слишкомъ въ аршинъ, и образы двунадесяти Апостолъ литые жъ серебряные въ тужъ мѣру, въ которыхъ есть серебра пудъ 20 или больше. Въ той же сосудохранительницѣ показали мнѣ мощи Римскихъ святыхъ, которые у нихъ есть послѣ разорванія вѣры: святыя Балдешки и Тафшкана и святыя Кіары Францишканы.

Потомъ изъ той церкви поѣхалъ я до остаріи, въ которой стоялъ, и кавалеръ Іосифъ Маноель со мною жъ, а пріѣхавъ въ остарію отпустилъ гранмейстерову карету, подаря слугѣ его, который мнѣ при той его каретѣ служилъ, для того что въ то число имѣлъ я отъѣзжать изъ Мальту. Потомъ подарилъ вышеписаннаго кавалера Іосифа Маноеля и благодарствовалъ ему за его къ себѣ любовь, которую я отъ него видѣлъ въ Мальтѣ, и чрезъ того жъ кавалера Іосифа Маноеля приказалъ я униженный свой поклонъ и благодареніе до гранмейстера Мальтійскаго за многую его въ себѣ благость, которую онъ ко мнѣ показалъ въ области своей.

Потомъ тотъ же вышепомяненный кавалеръ Іосифъ Маноель подалъ мнѣ паспортъ, т.-е. проѣзжій листъ, съ которымъ мнѣ можно проѣхать всю Цицилію и Калабрію даже до Неаполя.

Потомъ тотъ же кавалеръ Іосифъ подалъ мнѣ отъ гранмейстера листъ, которымъ меня пожаловалъ Мальтійскій гранмейстеръ, одарилъ за пріѣздъ мой въ Мальтъ, и тотъ листъ принялъ я у него за великій себѣ даръ и зѣло за него благодарствовалъ гранмейстера Мальтійскаго, а въ томъ листѣ пишетъ сице:

«Братъ и господинъ Раймундъ Переллосъ Рокафулъ, Божіею милостію святаго дому шпиталя св. Іоанна Іеросалимитанскаго и желнерскаго закону св. гробу Господня майстеръ покорный и убогій Іисуса Христа стражъ».

«Когда до того нашего острова Мальтійскаго и до нашего монастыря пріѣхалъ честнѣйшій и честно урожденный господинъ Петръ Андреевичъ, пресвѣтлѣйшаго престола царскаго дворянинъ Московскій, листомъ его царскаго величества одаренный, которымъ всей Европы государямъ въ пріемность его вручаетъ, мы того-жъ честнѣйшаго и честно урожденнаго Петра Андреевича тѣми, которыми до учтивости и милости его принадлежало, афектами приняли и принять повелѣли, яко славные его учтивости и явные его поступки потре-

бовали, и выносили и руку святую Іоанна св. Крестителя, а нашего патрона десную, выставленную для почтенія, чтобъ видѣлъ, яко себѣ желали. И того нашего острова замки и фортецы оному же мы показали; а цѣлой галеръ нашихъ гармады видѣть не могъ, для того что большая часть на помочь Венецкой гармадѣ отъ насъ послана; однакожъ двѣ изъ тѣхъ нашихъ галеръ, когда изъ Цициліи до насъ пріѣзжалъ, видѣлъ, на которыхъ за кораблями невѣрныхъ Турковъ онъ бѣжалъ и уже догоняли, однакожъ для нагло повсталаго сильнаго и противнаго вѣтру того совершить не могли, которые потомъ также корабли непріятельскіе за филюгою, которая филюга помяненнаго честно урожденнаго Петра Андреевича везла, гнались, однакожъ онъ за Божіею милостію и храненіемъ до того нашего порту счастливо пріѣхалъ и потомъ за повращеніемъ до того-жъ порту помяненныхъ двухъ галеръ паки ихъ съ довольствомъ и довольнымъ временемъ видѣть могъ. И мы, пріѣздъ его до насъ почитая, при отъѣздѣ его тѣмъ нашимъ листомъ одаряемъ, которымъ того-жъ господина Петра Андреевича всѣмъ и всякому особно пресвѣтлѣйшимъ государямъ и князямъ, до которыхъ бы государствъ ему пріѣхать случилось, отъ сердца ихъ покорно просимъ, чтобъ его со учтивыми гонорами, фаворами и всякой ласки повольностями пріимовали и припять желали, на что̀ для свидѣтельства тотъ нашъ листъ за печатью канцлера нашей на воску черномъ воображено дали въ Мальтѣ, въ монастырѣ нашемъ, дня 21-го Іюля лѣта 1698».

На томъ же листу пишетъ: «записано въ канцеляріи».

На томъ же листу подписалъ намѣстникъ канцелярскій сице: «Гератъ Фердинандъ Контреразъ, намѣстникъ канцелярскій».

На томъ же листу печать Мальтійскаго острова изображена на черномъ воску.

И мѣшкалъ я въ той остаріи того числа до 12-го часа, а въ 12-мъ часу, расплатясь съ хозяиномъ той остаріи за все, сошелъ на филюгу, до которой меня проводилъ кавалеръ Іосифъ Маноель, и въ той филюгѣ того 25-го числа Іюля за 4 часа до ночи отъ Мальтійскаго острова отлучились до Цицилійскаго острова.

Островъ Мальтійскій суть невеликій, кругомъ его всего 60 миль Ит., стоитъ отъ Цицилійскаго острова на полуденномъ вѣтрѣ, который по-итальянски называется остро. Тотъ Мальтійскій островъ весь каменный, мало на немъ такихъ мѣстъ, на которыхъ родится хлѣбъ и виноградъ и иные фрукты.

Жилья на томъ Мальтійскомъ островѣ много, и зѣло людей, городовъ, селъ и деревень по тому острову много, а всѣ въ послушаніи подъ властью Мальтійскаго гранмейстера. Лошадей на Мальтій-

скомъ острову мало, а добрыхъ лошадей и нѣтъ, работаютъ и возятъ все на мулахъ и на лошакахъ. Подлые люди на Мальтійскомъ острову живутъ съ женами и съ дѣтьми, жениться имъ невозбранно, а всѣ суть католики Римской вѣры.

Настоящій городъ на Мальтійскомъ островѣ называется Мальтъ и суть не малъ и многолюденъ. Въ томъ городѣ живетъ самъ гранмейстеръ, и всѣ кавалеры, подобно тому какъ въ монастырѣ, женъ не имѣютъ.

Въ томъ городѣ есть двѣ церкви каменныя Греческія, одна во имя Пресвятыя Богородицы, а другая во имя Чудотворца Николая. При тѣхъ церквахъ служатъ священники Греческіе и есть малое число Грековъ убогихъ людей; также есть немногіе люди Греческой вѣры, которые выходятъ и которыхъ берутъ изъ неволи Турецкой изъ Константинополя и изъ иныхъ Турецкихъ городовъ.

Римскихъ церквей въ Мальтѣ 24 церкви приходскихъ и кромѣ придѣловъ 7 монастырей разныхъ законовъ Римской же вѣры мужскихъ да 4 монастыря Римской же вѣры дѣвическихъ. Тѣ монастыри и церкви Римскіе изряднаго строенія и зѣло богаты.

Домы кавалерскіе и всякихъ Мальтійскихъ жителей въ Мальтѣ строенія каменнаго, все изряднаго.

Улицы въ Мальтѣ всѣ мощеныя тесанымъ четвероугольнымъ каменьемъ со скатами, чтобы никогда вода не стояла и грязи бы никогда не было.

Городъ Мальтъ стоитъ на неровномъ мѣстѣ отъ моря по косогору и, которые улицы и переулки въ Мальтѣ по тому вышеписанному косогору, въ тѣхъ улицахъ и переулкахъ подѣланы лѣстницы каменныя изрядныя, чтобъ безъ труда всходить можно было.

Въ Мальтѣ лавокъ и товаровъ всякихъ есть довольно, также хлѣба и харчу всякаго и фруктовъ много-жъ и не зѣло дорого. Марканты Мальтези, т. е. купцы Мальтійскіе, имѣютъ въ Мальтѣ домы изрядные и имѣютъ у себя женъ и дѣтей.

Во всякой работѣ у Мальтійскихъ жителей зѣло много Турковъ, которыхъ берутъ на морѣ въ неволю мужеска и женска полу, также есть и Араповъ, только немного, а больше есть Барбарешниковъ изъ Барбари.

Островъ Мальтійскій отъ Барбари въ самыхъ ближнихъ мѣстахъ; Барбарійскіе городы Турецкаго салтана отъ Мальту въ 100 верстахъ и ближе.

Въ Мальтійскомъ островѣ въ лѣтѣ зѣло жары отъ солнца бываютъ великіе, для того что тотъ островъ суть во Африкѣ и имѣетъ высокость поля 39 градусовъ, ко екватору близокъ, и потому въ немъ

бываетъ безмѣрно жарко, а холоднаго времени и снѣгу на томъ острову никогда не бываетъ.

Городъ Мальтъ сдѣланъ предивною фортификацiею и съ такими крѣпостьми отъ моря и отъ земли, что уму человѣческому непостижимо. Около себя имѣетъ 8 фортецъ предивными крѣпостьми устроенныхъ, которыхъ подробну описать никакими дѣлы невозможно.

По обѣ стороны города Мальты великiе проливы морскiе, въ которые входятъ корабли и галеры, и называются тѣ проливы по-итальянску порты, а пославянску пристанища судамъ. Изъ тѣхъ въ одномъ портѣ есть одинъ малый островъ, на которомъ сдѣланъ домъ и называется лазаретъ или контомацiя. Когда придутъ съ Востоку каторги, или какiя ни есть суды, тогда тѣ суды приведутъ къ тому малому острову, и людей съ тѣхъ судовъ посадятъ на томъ островку въ вышепомяненный домъ и не спускаютъ ихъ съ того островка никуды, также и къ нимъ никого не пустятъ 40 денъ, опасаяся моровага повѣтрiя и всякихъ прилипчивыхъ болѣзней, для того что на Левантѣ, еже есть на Востокѣ, на Морейскомъ острову и въ иныхъ тамошнихъ мѣстахъ и въ самомъ Константинополѣ бываетъ часто моровое повѣтрiе и иныя на люди болѣзни. А какъ на томъ острову прiѣзжiе люди 40 дней отсидять и никакiя въ нихъ болѣзни не явятся, тогда имъ дадутъ свободу съ того островка и съ судами, въ которыхъ прiѣдутъ куды хотятъ идтить или плыть невозбранно. Въ Мальтiйскомъ островѣ сбирается солдатъ 60,000 человѣкъ, а по нуждѣ и больше.

Мальтiйскiй гранмейстеръ имѣетъ въ Мальтѣ 7 галеръ великихъ, изъ которыхъ на одной бываетъ генералъ, а на 6 галерахъ капитаны. Тѣхъ семи галеръ генеральская галера да капитанскихъ 4 по вся годы повинны идтить въ Левантъ, т. е. на Востокъ въ Морею на помощь Венецкой гармадѣ и биться съ Туркомъ; а двѣ галеры капитанскiя повинны по вся годы остаться въ Мальтѣ и ходить непрестанно отъ Мальты до Цицилiйскаго острова и отъ Цицилiи до Мальту, очищая ту дорогу отъ Турковъ, чтобъ отъ Цицилiи до Мальту также и отъ Мальтiйскаго острова до Цицилiи всякимъ проѣзжимъ людямъ былъ путь. Проклятые псы, усмотря когда Мальтiйскiя галеры на Востокъ уйдутъ, въ Мальтѣ жъ останутся только двѣ галеры, и они непрестанно въ великихъ и малыхъ судахъ на Мальтiйскомъ каналѣ шатаются и христiанъ побираютъ, которыхъ могутъ гдѣ поймать, что часто и случается.

Въ Мальтѣ кавалеры всѣ прiѣзжiе изъ разныхъ государствъ — изъ Германiи и изъ Гишпанiи и изъ Францiи и изъ Польши и изъ Италiи и изъ иныхъ мѣстъ, всѣ есть католики. Обыкновенiе суть Маль-

тійскихъ кавалеровъ такое: когда кто пріѣдетъ въ Мальтъ, желая достать себѣ кавалерство и вѣнчапъ быть кавалерскимъ крестомъ, тотъ прежде повиненъ быть правымъ католикомъ Римской вѣры, а другой вѣры отнынѣ пикого кавалоромъ не учинятъ. Потому повиненъ съ собою привезть въ Мальтъ изъ отечества своего свидѣтельство, что онъ суть дворянской природы по отцѣ и по матери даже до четвертаго роду и чтобъ онъ былъ неженатый; па томъ и присягать имѣетъ, что уже ему до кончины своей женату не быть и хранить себя въ чистотѣ даже и до смерти своей. Потомъ повиненъ онъ дать въ Мальтійскую казну сто двадцать пять рупій Гишпанскихъ и того будетъ 250 червонныхъ золотыхъ. Потомъ повиненъ онъ ѣхать по два года на Мальтійскихъ галерахъ въ Левантъ, т. е. на Востокъ, въ Морею противъ Турокъ биться въ помочь Венецкой гармадѣ и по два года быть повиненъ на тѣхъ Мальтійскихъ галерахъ, которыя остаются въ Мальтѣ опасать Цицилійскія дороги. А въ тѣ четыре года на вышепомяненныхъ галерахъ будетъ ему пища отъ капитана той галеры, па которой онъ служить будетъ; а тому капитану за то, что кавалеровъ, которые есть у него на галерѣ, кормитъ, дается плата отъ Мальтійской казны. И какъ онъ на галерахъ въ морѣ и на Мальтійскомъ каналѣ урочныя времена будетъ, потомъ ему дадутъ крестъ кавалерскій за присягою трехъ причинъ: первое—побожность, второе—послушаніе, третье—убожество, и учинятъ его Мальтійскимъ кавалеромъ, и будетъ ему отъ Мальтійской казны плата на пищу, въ которое время живетъ въ Мальтѣ, по 80 шкудовъ на годъ; а будетъ который кавалеръ взять той платы не похочетъ, и его кормятъ на всякій день съ прочими кавалеры, которые не берутъ платы. А для того, гдѣ тѣ кавалеры ѣдятъ, построено въ Мальтѣ 7 домовъ, изъ которыхъ въ одномъ ѣдятъ Нѣмцы, т. е. Цесарцы, въ другомъ—Гишпанцы, въ третьемъ—Италіяне, въ четвертомъ—Французы, въ пятомъ—Поляки, въ шестомъ—Венгры, въ седьмомъ—разныхъ государствъ кавалеры.

Въ Мальтѣ кавалеры суть разные; первые называются гранкруцы, т. е. старые и честные люди, которые носятъ великіе кресты, пашиты на верхнихъ черныхъ одеждахъ бѣлые миткальные. Изъ тѣхъ выбираются въ гранмейстеры.

Потомъ кавалеры, которые носятъ кресты кавалерскіе, отправя двѣ гармады, какъ о томъ писано въ сей книгѣ выше сего.

Потомъ кавалеры, которымъ даются кресты побожности за какимъ прошеніемъ или по какой ни есть причинѣ знатной честнымъ особамъ. Тѣ кресты вольны они носить при себѣ и въ гербъ свой ставить гдѣ изволятъ.

Потомъ даютъ кресты граціи, т. е. милости, всякимъ людямъ, кому похочетъ дать Мальтійскій гранмейстеръ, и тѣ кресты которымъ людямъ будутъ даны, тѣ люди также вольны ихъ при себѣ носить какъ хотятъ.

А жить Мальтійскимъ кавалерамъ увольнено гдѣ хотятъ, который не хочетъ быть въ Мальтѣ, и ему вольно ѣхать до своей отчизны или гдѣ похочетъ служить; а во время нужды, когда бъ непріятель съ великими силами пришелъ подъ Мальтъ и отъ гранмейстера Мальтійскаго посланы будутъ листы къ Мальтійскимъ кавалерамъ, чтобъ немедленно всѣ съѣзжалися въ Мальтъ, тогда всякій Мальтійскій кавалеръ повиненъ всякую свою нужду покинуть и ѣхать въ Мальтъ; хотя-бъ непріятель былъ при своей отчизнѣ, и тѣмъ онъ отъ Мальтійской поѣздки удержанъ быть не можетъ.

Люди въ Мальтѣ зѣло учтивые, а паче почитательны къ форестирамъ, т. е. къ пріѣзжимъ иноземцамъ, для того что въ Мальтѣ честные люди всѣ пріѣзжіе изъ иныхъ государствъ.

Мастеровыхъ всякихъ людей въ Мальтѣ есть довольно.

У кавалеровъ Мальтійскихъ, также и у жителей Мальтійцевъ, каретъ нѣтъ, и въ каретахъ и верхомъ въ Мальтійскомъ городѣ кавалеры и всякіе люди не ѣздятъ, развѣ куда кто похочетъ ѣхать изъ города и тѣ ѣздятъ въ колясках и верхомъ; а въ городѣ Мальтѣ въ каретѣ только ѣздитъ на 6 возникахъ гранмейстеръ Мальтійскій да за нимъ бываетъ кареты двѣ или три, въ которыхъ по четыре и по два возника заложены, а сидятъ въ нихъ гранкруцы и ѣздятъ за гранмейстеромъ. А тотъ гранмейстеръ Мальтійскій ѣздитъ по вся дни, гуляетъ и смотритъ около города крѣпостей, потомъ пріѣзжаетъ въ садъ, который построенъ у Мальтійскаго города на берегу морскомъ, и забавляется въ томъ саду фруктами и смотритъ на фонтаны, которыя въ томъ саду построены изрядно. А кавалеры Мальтійскіе, которые старые люди или за болѣзнію кто пѣшъ ходить не можетъ, тѣхъ носятъ въ сѣдняхъ и имѣютъ у себя сѣдни изрядныя золоченыя обитыя бархатомъ и иныхъ изрядныхъ работъ.

Городъ Мальтъ имѣетъ трои ворота проѣзжіе, которые утверждены преславными крѣпостьми отъ непріятельскаго приходу, и по вся ночи тѣ ворота всѣ трои запираются. Отъ пріѣзду, гдѣ приходятъ въ Мальтъ всякія суды, сдѣлано пристанище изрядное. Весь тотъ берегъ выкладенъ бѣлымъ тесанымъ каменемъ, и подѣланы съ того берегу къ морю сходы, лѣстницы каменныя изрядныя. На томъ берегу противъ Мальтійскихъ городовыхъ воротъ сдѣланъ столпъ каменный; въ томъ столпѣ поставленъ образъ Іоанна Предтечи поясной, литой изъ мѣди на знакъ того, что онъ есть Мальту хранитель.

Отъ города Мальта до другихъ мѣстъ черезъ море перевозятъ въ баркахъ, также и гулять кавалеры Мальтійскіе ѣздятъ и всякіе люди по морю въ баркахъ же, а тѣ барки покрыты полотнами и сдѣланы особою модою. Судовъ морскихъ въ Мальтѣ употребляютъ: галеры, тартаны, филюги, брегантины и иныхъ такихъ же, а кораблей, фрегадоновъ, марциляновъ и иныхъ тому подобныхъ не держатъ.

Мальтійскія галеры, когда бываютъ въ Мальтѣ, ставятся отъ города Мальта за портомъ на другой сторонѣ при капитанскихъ домахъ; тамъ же близко и марнерскіе домы. И подъ капитанскими домами ставятся четыре, а подъ марнерскими домами ставятся три галеры для того, когда нечаянно придетъ непріятель близко Мальту, чтобъ съ великою скоростью тѣ галеры могли изъ Мальтійскаго порту за пріятельскими судами выйтить и поискъ надъ непріятелемъ учинить.

Когда Мальтійскій гранмейстеръ садится за Мальтійскими великими дѣлами о великихъ нуждахъ, тогда съ нимъ въ палатѣ засѣдаютъ 40 человѣкъ Мальтійскихъ кавалеровъ старыхъ и честныхъ людей.

Гранмейстеръ въ Мальтѣ отъ кавалеровъ и отъ всякихъ людей имѣетъ почтеніе великое, какъ надлежитъ господарю, и послушны ему всѣ во всякихъ дѣлахъ; однакожъ онъ, не мысля о какомъ дѣлѣ съ Мальтійскими кавалеры, ничего не дѣлаетъ.

И того жъ Іюля въ 25-й день, при самомъ моемъ отъѣздѣ, гранмейстеръ прислалъ ко мнѣ отъ себя одного Мальтійскаго кавалера, и тотъ кавалеръ отъ лица гранмейстерова меня привѣтствовалъ и поздравлялъ, отпуская меня въ надлежащій мой путь съ великою любовью.

Гранмейстеръ Мальтійскій носитъ всегда платье черное; у верхняго его платья на лѣвомъ плечѣ нашитъ великій крестъ бѣлый. Такое жъ платье носятъ гранкруцы, т.-е. старые и лучшіе Мальтійскіе кавалеры, изъ которыхъ выбираются гранмейстеры.

А кавалеры Мальтійскіе носятъ платья разной моды, а больше употребляютъ Французскаго убору разныхъ цвѣтовъ; только не можетъ въ Мальтѣ ни одинъ кавалеръ Мальтійскій носить золотыхъ кафтановъ или иныхъ уборовъ верхнихъ и исподнихъ, и ни на чемъ золота и серебра пряденаго Мальтійскому кавалеру носить неможно, ни пуговицъ дѣланныхъ пряденыхъ золотомъ ни серебромъ не носятъ. А положилъ ту заповѣдь нынѣшній гранмейстеръ тому нынѣ назадъ три года для того, чтобъ Мальтійскіе кавалеры въ тѣхъ уборахъ не изживали казны, а берегли бы денегъ на войну и на служивые уборы.

Женскій нарядъ въ Мальтѣ носятъ платья особой моды подобно Турецкому, а поверху покрываются черными тафтами долгими даже

до ногъ отъ головы; а на головахъ тѣ ихъ покрывалы сдѣланы подобно тому, какъ носятъ старицы Кіевлянки по обыкновенію своему.

Въ Мальтійскомъ городѣ по стѣнѣ и по бастіонамъ великихъ и малыхъ пушекъ 700, всѣ мѣдныя.

Въ Мальтѣ много около города мельницъ вѣтрянныхъ каменныхъ, мелятъ парусами хлѣбъ всякій, а парусы шерстяные.

На Мальтійскомъ острову лѣсу нѣтъ нигдѣ, привозятъ уголья и дрова изъ Цицилійскаго острова. Животины на Мальтійскомъ острову рогатой—коровъ нѣтъ, и привозятъ сыры и масло изъ Цициліи и изъ другихъ мѣстъ. Также снѣгу и льду на Мальтійскомъ острову никогда не бываетъ, привозятъ изъ Цициліи жъ. И всякіе товары на Мальтійскомъ острову привозные изъ Франціи, изъ Англіи, изъ Италіи и изъ иныхъ мѣстъ.

Монета въ Мальтѣ своя вся мѣдная, серебрянной монеты никакой нѣтъ; мѣняютъ золотые червонные на мѣдныя деньги, которыя называются тары, а во всякомъ тарѣ по 20-ти грановъ, а въ шкудѣ 12 таровъ, а за червонный золотой даютъ по три шкуда, и того будетъ 36 таровъ.

Поѣхалъ я изъ Мальтійскаго острова изъ порту въ филюгѣ на веслахъ и, отъѣхавъ мало, подняли парусъ, вѣтръ намъ былъ недобре способный и невеликій, и бѣжали мы тѣмъ вѣтромъ по морю Мальтійской гольфы съ часъ. А потомъ стала бонація, т.-е. безвѣтріе, и мы шли на греблѣ до ночи три часа, а въ четвертомъ часу ночи припалъ намъ вѣтръ способный и немалый, и мы, поднявъ два паруса, бѣжали тѣмъ вѣтромъ во всю ночь и на первомъ часу дня Іюля 26-го прибѣжали къ Цицилійскому острову. Потомъ вѣтръ присталъ, и мы, собравъ парусы, шли на веслахъ и пришли 26-го числа Іюля въ третьемъ часу дня къ мѣсту, которое называется Капо-Пассато, и въ томъ мѣстѣ стояли мы до 12-го часа того дня и пошли также на веслахъ. Потомъ припалъ вѣтръ способный и немалый, и мы, поднявъ два паруса, бѣжали въ своей филюгѣ тѣмъ вѣтромъ весь тотъ день и прибѣжали за тря часа до ночи къ одному мѣсту, которое называется Боначи, отъ Мальту 130 миль Итальянскихъ, и подъ тѣмъ мѣстомъ ночевали въ пристанищѣ; то мѣсто жильемъ самое малое, живутъ тутъ все рыболовы, и тѣхъ малое число.

Іюля въ 27-й день. Пошли мы на веслахъ, для того что время было безвѣтріе, а потомъ припалъ малый вѣтеръ, которымъ поднявъ два паруса бѣжали; къ тому жъ и веслами гребли; потомъ паки стала бонація, т.-е. безвѣтріе, и паки былъ вѣтеръ, и въ тотъ день шли на веслахъ, а иногда на парусѣ и за шесть часовъ до ночи пристали къ одному мѣсту, которое называется Лядреца, и стояли шесть часовъ

дня и ночи одинъ часъ и плыли отъ того мѣста на веслахъ, хотѣли идтить во всю ночь, чтобъ на утро придтить въ Мисину. И какъ вышли изъ порту, въ то время почалъ быть вѣтръ великій нашему пути въ противность, также и вода морская по своему природному обыкновенію прибытія и убытія была надлежащему нашему пути въ противленіе, за чѣмъ мы ту ночь далѣе идтить не могли, пристали близко одной гвардіи, т.-е. сторо́жи, стоящей на берегу морскомъ на Цицилійскомъ острову для приходу непріятельскаго, о чемъ я писалъ въ сей книгѣ выше сего подлинно. Тѣ солдаты, которые тутъ стояли на сторо́жѣ, не велѣли намъ близко себя подъѣзжать, не вѣря намъ, чая себѣ непріятелей, и стрѣляли по насъ изъ мушкетовъ; однакожъ за помощію Божіею всѣ мы сохранились отъ той стрѣльбы въ цѣлости и стояли одаль той сторо́жи въ томъ мѣстѣ, отъ вышеписаннаго мѣста Лядрецы одну отъѣхавъ Итальянскую милю или меньше, ожидая того, чтобъ вѣтръ противный умалился и вода бъ морская по природѣ своей поворотилась теченіемъ въ способность надлежащаго нашего пути. И о полуночи съ того мѣста мы пошли, для того что вода морская естественнымъ своимъ движеніемъ въ тѣхъ часахъ не была пути нашему противна, а рушилася въ надлежащій нашъ трактъ способно, а вѣтръ намъ былъ противный и зѣло великій отъ полуночи. И до свѣту и дня пять часовъ шли мы подлѣ берегу на веслахъ съ великимъ трудомъ.

Іюля въ 28-й день. Въ пятомъ часу дня пристали мы подъ городомъ Санта-Лезина, для того что вѣтръ намъ былъ противный и зѣло великій, не могли больше идтить ни парусомъ, ни на веслахъ, и стояли въ томъ мѣстѣ 10 часовъ, ожидали чтобъ вѣтръ противный престалъ или бы измѣнилъ дыханіе, чтобъ могли идтить парусомъ или на веслахъ. И того числа во весь день вѣтръ не престалъ и не измѣнился, и мы въ томъ мѣстѣ стояли и ночи 4 часа, а въ пятомъ часу изъ-подъ того города пошли на веслахъ, для того что вѣтръ былъ, хотя и противенъ, только недобре великъ, и шли мы на веслахъ во всю ночь, а на первомъ часу дня Іюля 29-го, не дошедъ до Мисины за 12 миль Итальянскихъ, наняли одну лошадь и привязали свою филюгу веревкою къ той лошади, и такъ подлѣ берегу та лошадь везла насъ до Мисины, для того что марнери безмѣрно утрудились отъ веселъ для противныхъ, сильныхъ и великихъ вѣтровъ.

Іюля въ 29-й день. Въ третьемъ часу дня пріѣхали мы въ Мисину во время Мисинской ярмарки и, приставъ къ берегу, показали свою практику, т.-е. проѣзжій листъ, который мнѣ данъ былъ изъ Мальту; и того моего проѣзжаго листа осмотря, позволили мнѣ идтить въ городъ. И я, изъ филюги вышедъ, пришелъ въ остарію въ тужъ, въ которой стоялъ, ѣдучи въ Мальтъ и, въ той остаріи объ-

давъ, стоялъ того числа до 12-го часа, а за четыре часа до ночи изъ той остаріи пришелъ на свою филюгу и поѣхалъ въ надлежащій свой путь до Неаполя подлѣ берега Цицилійскаго острову.

Вышепомяненная Мисинская ярмарка бываетъ по вся годы въ Іюлѣ, и торгуютъ 15 денъ пріѣзжая марканты, т.-е. купцы, изъ разныхъ мѣстъ съ разными товары, изъ Франціи, изъ Англіи, изъ Италіи и изъ иныхъ государствъ и торгуютъ въ Мисинѣ за городомъ по морскому берегу; бываютъ для той ярмонки подѣланы лавки изъ досокъ, и въ тѣхъ лавкахъ убираются всякіе купецкіе пріѣзжіе люди и Мисинскіе жители со всякими товары; а которыхъ товаровъ распродать во время ярманки пріѣзжіе торговые люди не успѣютъ, тѣ товары между собою размѣнявъ товаръ на товаръ, отъѣзжаютъ въ свои краи попрежнему.

Подъ Мисиною много филюгъ и барокъ рыболовскихъ, которыя ловятъ рыбы великія; тѣ рыбы Гишпанцы называютъ шпадами, подобна та рыба видомъ рыбѣ севрюгѣ, только велика какъ бѣлуга, носъ зѣло долгъ, безъ мала будетъ полсажени. Та рыба визиги не имѣетъ, а имѣетъ кости спинныя подобны щучьимъ. Также ловятъ и иныя рыбы великія и мелкія, которыя обрѣтаются въ морѣ, и недорого въ Мисинѣ купятъ рыбу всякую, и раки зѣло великіе въ длину по аршину и зѣло толсты.

Того жъ числа за два часа до ночи пришли мы къ одному мѣсту, которое называется Тортодефаръ, отъ Мисины 12 миль Итальянскихъ, стоитъ то мѣсто на углу Цицилійскаго острова отъ Калабріи. И мы подъ тѣмъ мѣстомъ стояли до ночи, а на первомъ часу ночи пошли чрезъ узкое мѣсто моря къ Калабріи, для того что подъ тѣмъ мѣстомъ Тортодефаръ ночевать не могли, потому что въ томъ мѣстѣ Цицилійскій островъ пришелъ къ Калабрійскому острову зѣло близко, и море въ томъ мѣстѣ между Калабріей и Цициліей гораздо узко, и какъ воды морскія по натурѣ своей прибытіе и убытіе чинятъ, и въ то время въ томъ узкомъ мѣстѣ море течетъ зѣло быстро подобно быстрой рѣкѣ, и мы въ томъ мѣстѣ опаслися стоять, чтобъ филюги нашей ночью не оторвало водою и не учинило бы какія шкоды. И пришли мы въ четвертомъ часу ночи къ Калабрійскому берегу и пристали подъ берегомъ Лябаняромъ, отъ Тортодефара 15 миль Итальянскихъ, и подъ Лябаняромъ стояли во всю ночь, для того что въ той ночи идтить не могли далѣ: возбранила намъ великая туча, изъ которой во всю ночь былъ превеликій дождь и градъ и молнія бзмѣрно палила.

Іюля въ 30-й день. Поутру рано изъ подъ Лябаняра мы пошли на веслахъ, для того что вѣтру никакого не было, и Цицилійскій ост-

ровъ остался назади насъ влѣвѣ, а Калабрія почала у насъ быть вправѣ. Потомъ поравнялися противъ одного островка, который называется Стронголо; на томъ островку одна высокая гора, которая отъ сотворенія свѣта непрестанно горитъ, въ день отъ нея видѣть великій дымъ, а въ ночи видѣть изъ нея исходящій пламень огня великаго. Та гора была у меня влѣвѣ, а Калабрія вправѣ, и въ томъ мѣстѣ припалъ намъ вѣтръ западный, что Италъяне называютъ понентомъ, и мы, поднявъ два паруса, бѣжали тѣмъ вѣтромъ мало не во весь день и прибѣжали за два часа до ночи въ Калабрію подъ городъ Лябонтею; подъ тѣмъ городомъ мы ночевали.

Іюля въ 31-й день. За полтора часа до свѣту изъ-подъ Лябонтеи пошли мы на веслахъ, для того что вѣтръ въ то время никакой не былъ, и въ третьемъ часу того дня пріѣхали мы къ одному мѣсту, которое называетса Павло. Подъ тѣмъ мѣстомъ мы пристали, для того что патронъ, т.-е. господинъ филюги, которой меня возилъ, и марнеры хотѣли слушать обѣдни, потому что въ то число былъ день недѣльный. И отслушавъ обѣдни, паки пошли въ пятомъ часу того дня на веслахъ, для того что было безвѣтріе, и пришли мы того дня за пять часовъ до ночи въ Калабріи жъ подъ мѣсто Порто-ди-Санта-Марія, и въ томъ мѣстѣ мы ночевали.

Августа въ 1-й день. За три часа до свѣту изъ-подъ мѣста Порто-ди-Санта-Марія пошли мы на веслахъ, потому что не было никакого вѣтру, а потомъ припалъ вѣтеръ небольшой, и мы, поднявъ два паруса, шли имъ малое время; потомъ паки вѣтеръ престалъ, и мы, подвязавъ парусы, пошли паки на греблѣ и прошли Калабрію всю. Потомъ пришли противъ береговъ Неаполитанскаго королевства; въ томъ мѣстѣ почалъ намъ быть вѣтеръ немалый, и мы, поднявъ два паруса, бѣжали тѣмъ вѣтромъ мало не во весь тотъ день, а за шесть часовъ до ночи приплыли Неаполитанскаго королевства къ одному мѣсту, которое называется Палянудо. Подъ тѣмъ мѣстомъ пристали мы и ночевали. Въ томъ мѣстѣ города нѣтъ, только одна остарія, т.-е. постоялый дворъ при одномъ портѣ, гдѣ пристаютъ суды отъ противныхъ вѣтровъ.

Августа во 2-й день. На первомъ часу дня пошли мы изъ-подъ Палянуда на веслахъ и не могли изъ порту выйтить за страхомъ отъ великаго волненія морскаго, поворотились назадъ; также и другихъ три филюги, которыя хотѣли идтить въ Неаполь, стояли съ нашею филюгою въ томъ же портѣ вмѣстѣ и для великихъ волнъ морскихъ, чтобъ филюгъ волнами объ землю не разбило, выняли всѣ филюги тамъ бывшія изъ воды на берегъ. Въ томъ же портѣ стояли три тартаны, для того что за великою погодою морскою идтить моремъ не могли. Въ

томъ портѣ зѣло много ловятъ рыбъ, которыя называются по-гишпански тунды. Тѣ рыбы великостью съ малаго осетра, только тоньше осетра, голова подобна семгѣ, а сама рыба та ипостась имѣетъ особую. Тѣло той рыбы сѣрое, красно, подобно говяжью мясу; а когда ту рыбу сварятъ или испекутъ, тогда бываетъ бѣло. Той рыбы тѣло и слоевато и зѣло укусно. Гишпанцы ту рыбу гораздо употребляютъ. Въ томъ портѣ въ одну ночь рыболовы поймали тѣхъ рыбъ сто и двадцать. И то Августа 2-е число стояли мы въ томъ портѣ, ожидая благополучнаго времени ко плаванію весь тотъ день и не могли выйтить изъ того порту съ препятіемъ великаго противнаго вѣтру и ночевали мы въ томъ портѣ другую ночь. Имѣли мы у себя тутъ оскудѣніе хлѣба и вина, а купить въ томъ портѣ кромѣ вышеписанной рыбы ничего не съискали, потому что то мѣсто пустое и отъ жилыхъ мѣстъ отдалено, также и фруктовъ, т.-е. гроздья, въ томъ портѣ никакого не могли съискать продажнаго; потому что около того порту по горамъ мѣста каменныя и лѣса есть мелкіе, а пашни въ томъ мѣстѣ малое число, гдѣ сѣютъ пшеницу, а плодовитыхъ деревъ по тѣмъ горамъ никакихъ не растетъ; а которые есть жители по тѣмъ горамъ, и тѣ зѣло скудны, и малое ихъ число въ томъ мѣстѣ обрѣтается, а которые и есть и тѣ всѣ забавляются рыболовствомъ и продаютъ ту рыбу въ кляшторы, т.-е. въ монастыри, близко того порту обрѣтающіеся въ горахъ. Въ томъ портѣ наѣхалъ я трехъ человѣкъ Французовъ, которые сказали мнѣ, что королевичъ Французскій ѣдетъ въ Неаполь гулять, а съ нимъ 20 галеръ, и остался-де отъ нихъ близко Риму въ городѣ Цитавечѣ, и чаемъ-де, что въ сихъ числахъ приплыветъ въ Неаполь не измѣшкавъ.

Августа въ 3-й день. На первомъ часу дня изъ-подъ Палянуда пошли мы на веслахъ и вышедъ изъ порту на море подняли два паруса, для того что вѣтеръ былъ со стороны, однакожъ надлежащему нашему пути былъ способенъ, и тѣмъ вѣтромъ бѣжали три часа и, прибѣжавъ къ мѣсту Ляцеронъ, вошли подъ нимъ въ портъ и, приставъ къ берегу, филюгу свою выняли изъ воды на берегъ, для того что тотъ портъ каменистъ и опасались, чтобъ великими морскими волнами не разбило филюги нашей о камень; а идтить изъ того мѣста въ надлежащій свой путь не могли, для того что вѣтеръ былъ посторонній и зѣло великъ, также и волны морскія преестественно были велики. И изъ-подъ вышеписаннаго мѣста Палянуда съ великимъ страхомъ насилу дошли до того мѣста, которое называется Ляцерона, и подъ Ляцероною стояли мы того дня до обѣда, чаяли измѣны или престанія вѣтра; и по обѣдѣ вѣтеръ измѣнился, а началъ быть вѣтеръ намъ самый противный и зѣло великій, къ тому жъ дождь почалъ быть

превеликій, и затѣмъ мы того дня изъ подъ Ляцерона идтить не могли, стояли тутъ до ночи, и въ ночи также былъ вѣтеръ противный и дождь великій, и мы въ томъ мѣстѣ и ночевали за тою великою фортуною.

Августа въ 4-й день. За полчаса до дня изъ-подъ Ляцерона пошли мы на веслахъ, для того что вѣтеръ престалъ и было безвѣтріе и волненія великаго въ морѣ не было. И такъ мы шли того числа до 3-го часа, а въ третьемъ часу того дня приплыли мы подъ городъ Лалакосу. Въ томъ мѣстѣ стоитъ караулъ изъ Неаполя для всякихъ проѣзжихъ судовъ по морю, которыя ходятъ изъ Неаполя въ Калабрію и изъ Калабріи въ Неаполь. Въ томъ мѣстѣ всякое судно, плывущее изъ Калабріи въ Неаполь, повинно пристать и показать всякія вещи, которыя въ томъ суднѣ будутъ для того, чтобъ никакихъ товаровъ въ Неаполь безъ пошлинъ не провозили. И какъ наша филюга подъ тѣмъ мѣстомъ къ берегу пристала, и ко мнѣ на филюгу пришелъ одинъ человѣкъ Неаполитанецъ, который въ томъ мѣстѣ за начальника пребываетъ надъ гвардіею, и смотрѣлъ у меня всякихъ вещей, которыя у меня были на филюгѣ и въ сундукѣ моемъ смотрѣлъ, который сундукъ у меня былъ на филюгѣ съ моими вещами, также у хозяина филюги нашей и у марнеровъ у всѣхъ осматривалъ всего и, видя, что на филюгѣ нашей никакихъ купецкихъ вещей нѣтъ, отпустилъ насъ скоро; и мы, отъ того мѣста отшедъ недалеко, подняли два паруса, для того что вѣтеръ почалъ быть намъ способный, только невеликъ и тѣмъ вѣтромъ на двухъ парусахъ, къ тому жъ еще и веслами, гребли. Шли мы того дня до 5-го часа, а въ пятомъ часу паки вѣтеръ престалъ и было безвѣтріе до 7-го часа, и мы шли на веслахъ, а въ 7-мъ часу почалъ быть вѣтеръ немалый, а намъ недобре способный, который называютъ Итальяне непонтомъ, т.-е. западный. И мы, поднявъ два паруса, побѣжали тѣмъ вѣтромъ къ землѣ, а въ надлежащій свой путь тѣмъ вѣтромъ идтить не могли, и за три часа до ночи прибѣжали мы подъ одно мѣсто, которое называется Санто-Андреа, и стали въ портѣ, въ которомъ пристаютъ небольшія суды. Тотъ городъ стоитъ при самомъ морѣ подъ высокими горами, строеніе въ немъ все каменное, построенъ на веселоватомъ мѣстѣ. Въ томъ городѣ живетъ арцибискупъ Римской вѣры. Въ томъ же городѣ въ одной палатѣ лежатъ 100 тѣлъ человѣческихъ, нетлѣнны всѣ; а какіе тѣ были люди и какой вѣры, о томъ невѣдомо, для того что самыхъ древнихъ лѣтъ тѣ ихъ тѣлеса тутъ лежатъ нетлѣнны. Около того города зѣло высокія горы каменныя при морѣ, по тѣмъ горамъ есть много зѣло жилья строенія каменнаго изряднаго, между которымъ строеніемъ на одной горѣ построенъ монастырь Римской вѣры, въ немъ живутъ законники Францишканы. Въ томъ монастырѣ костелъ во имя Пре-

святыя Богородицы, въ томъ костелѣ образъ Богородицынъ, чудотворная икона. Тотъ монастырь стоитъ зѣло на веселомъ мѣстѣ, строеніе въ немъ каменное, изрядное. И стояли мы въ томъ портѣ того числа до ночи и ночевали тутъ же въ томъ же портѣ.

Августа въ 5-й день. За 4 часа до свѣту пошли мы изъ того мѣста на веслахъ и шли 3 часа подлѣ берегу, и за часъ до дня нашла на насъ зѣло великая туча, изъ которой былъ громъ и молнія и дождь преестественно великій и вѣтръ противный надлежащему пашему пути, и мы въ это время не могли нимало поступить далѣ пристани въ прилучившемся тутъ портѣ на пустомъ мѣстѣ; а ежели бъ въ томъ мѣстѣ не прилучилось пристанища, и намъ бы отъ той тучи быть въ морѣ въ великомъ страхованіи. И стояли мы въ томъ пустомъ мѣстѣ часъ, и еще иныхъ три филюги стояли тутъ же съ нами; а какъ приспѣлъ день, и мы изъ того порту пошли на веслахъ, для того что туча прошла и былъ дождь небольшой и намъ плыть не мѣшалъ. И такъ мы шли па веслахъ два часа дня, а потомъ почалъ быть вѣтръ невеликій, а намъ способный, который Итальяне называютъ сирокомъ, т.-е. межъ Востоку и Полудня. И мы, поднявъ два паруса, тѣмъ вѣтромъ побѣжали къ Неаполю и бѣжали одинъ часъ поперекъ каналу, и въ одномъ мѣстѣ обонялъ насъ духъ великій янтарнаго масла власно, какъ бы множество его пролито гдѣ было. О томъ сказывали мнѣ Неаполитанцы, что въ томъ мѣстѣ въ древнія лѣта былъ великій городъ, гдѣ множество дѣлали янтарнаго масла, и волею Божіею въ древнія жъ лѣта тотъ городъ и съ островомъ, на которомъ онъ стоялъ, потопило моремъ, и съ того времени и до днесь на томъ мѣстѣ обоняется духъ янтарнаго масла; а когда бываетъ безвѣтріе и море стоитъ тихо, ни малыхъ волнъ не бываетъ, въ то время пріѣзжаютъ въ малыхъ баркахъ на то мѣсто и находятъ и нынѣ поверхъ воды выплываетъ янтарное масло, которое собираютъ въ сосуды и употребляютъ отъ животныхъ болѣзней. Отъ того мѣста вѣтръ намъ способный умалился, и мы плыли парусомъ и гребли веслами для поспѣшенія, чтобъ въ скоромъ времени приплыть въ Неаполь: опасались еще такихъ же тучъ, которая прешкодила намъ того числа дорогу, о которой писалъ выше сего. И такъ плыли еще часъ, и почалъ быть въ видѣніи отъ насъ городъ Неаполь, и до самаго Неаполя мы плыли на веслахъ и парусовъ не подбирали, и въ пятомъ часу дня приплыли мы въ Неаполь и, приставъ въ Неапольскомъ портѣ къ берегу, показавъ практику свою, т.-е. проѣзжій свой листъ, который мнѣ данъ изъ Мальту, съ филюги сошелъ и пришелъ въ Неаполѣ въ остарію въ тужъ, въ которой прежде стоялъ, которая называется Гелимбадеоро.

Того жъ числа, увѣдавъ о моемъ въ Неаполь пріѣздѣ, кавалеръ

Мальтійскій Николай и братъ его, Неаполитанецъ Гаитанъ, прозвищемъ Реко, пріѣхали ко мнѣ въ остарію и зѣло меня радостно привѣтствовали; также взаимно и я имъ благодарствовалъ за ихъ къ себѣ любовь, что по ихъ письмамъ и въ Мальтѣ ко мнѣ отъ Мальтійскихъ кавалеровъ являлась всякая любовь. И сидя у меня тѣ Неаполитанцы время довольное, поѣхали къ себѣ, а я того числа изъ остаріи никуды не ходилъ.

Августа въ 6-й день. По обѣдѣ Неаполитанецъ Мальтійскій кавалеръ Николай Реко прислалъ ко мнѣ въ остарію слугу своего, а съ нимъ прислалъ въ подаркахъ св. икону малую, писану на кости слоновой изряднымъ живописнымъ мастерствомъ, образъ Распятія Христова. Того жъ числа тотъ же Неаполитанецъ Мальтійскій кавалеръ Николай Реко съ братомъ своимъ Гаитаномъ пріѣхали ко мнѣ въ остарію и просили меня о томъ, чтобъ я съ ними въ ихъ каретѣ поѣхалъ гулять, и я по прошенію ихъ съ ними поѣхалъ въ каретѣ ихъ и, гуляя по Неаполю, пріѣхали къ одной аптекѣ, въ которой продаютъ всякія аптекарскія питья. У той лавки тѣ Неаполитанцы Николай и Гаитанъ потчивали меня шербетами и лимонадами разными, гдѣ мы съ ними выпивъ по чашкѣ, поѣхали гулять на берегъ къ морю, гдѣ есть обычай Неаполитанцамъ честнымъ людямъ и женамъ ихъ и дочерямъ гулять по вся дни ѣздя въ каретахъ. И по тому морскому берегу гуляли мы даже до ночи и видѣлъ тамъ множество ѣздятъ въ каретахъ Неаполитанскихъ жителей честныхъ людей, и дѣвицы гуляли по тому жъ морскому берегу. А какъ наступила ночь, и я съ тѣми Неаполитанцы пріѣхалъ въ остарію къ себѣ, въ которой я стоялъ, и Мальтійскій кавалеръ Николай Реко съ братомъ своимъ Гаитаномъ, побывъ у меня въ остаріи, поѣхали къ себѣ въ домъ.

Августа въ 7-й день. Нанялъ я себѣ фурмана изъ Неаполя до Венеціи, чтобъ ему отвезть меня въ коляскѣ со всѣми при мнѣ будучими вещами и отъ Неаполя до Венеціи во всю дорогу тому фурману меня кормить и поить и за каморы и за постели платить ему жъ и что доведется гдѣ давать отъ проѣзду или имать и проѣзжіе листы, и то все давать ему жъ фурману, а мнѣ до того ни до чего дѣла нѣтъ; а далъ я имъ за тотъ провозъ и за пищу и за все вышеписанное 23 золотыхъ червонныхъ. И за тою же платою стоять тому фурману въ Римѣ пять дней, а во Флоренціи стоять одинъ день для того, чтобъ мнѣ въ Римѣ и во Флоренціи видѣть всякія вещи, которыя потребно форестирамъ смотрѣть. А ежели я въ Римѣ и во Флоренціи или въ иномъ мѣстѣ больше вышеписанныхъ дней буду, и за тѣ простойные дни повиненъ я платить фурману за пищу свою и за постоялое. И изъ той вышеписанной ряды далъ я тому фурману по-

ловину, 11 золотыхъ червонныхъ съ полузолотымъ, а другую половину, столько жъ, отдать мнѣ тому фурману какъ онъ меня привезетъ близко Венеціи въ городъ Местръ. И въ томъ во всемъ взялъ я на того фурмана письмо съ порукою, а поручился по немъ хозяинъ той остаріи, въ которой я стоялъ, породою Цесарецъ, а именемъ Мартынъ, и подписался въ томъ письмѣ, которое я на фурмана взялъ, тотъ Мартынъ своею рукою, что тому фурману по вышеписанному договору во всемъ исправиться и въ дорогѣ служить мнѣ добре со всякимъ повиновеніемъ.

Того жъ числа по обѣдѣ счелся я съ хозяиномъ той остаріи Мартыномъ, и довелось мнѣ ему заплатить за пищу, и за питье, и за каморы, и за постелю всего, что я у него стоялъ до Мальтійской поѣздки, и что стоялъ изъ Мальту пріѣхавъ, 20 дукатовъ, и я не имѣлъ что ему заплатить и въ томъ оставилъ у него закладъ до выкупу, для того что у меня денегъ уже ничего не было и проживалъ съ великою скудостію и о томъ своемъ закладѣ оставилъ у негожъ письмо: ежели кому Московскому человѣку случится въ Неаполь пріѣхать, чтобъ тотъ мой закладъ у него выкупилъ, а я ему за то повиненъ буду платить.

Того жъ числа пришли ко мнѣ филюги моей, на которой я ѣздилъ къ Мальтѣ, патронъ и маринеры поклониться, и я имъ сверхъ договорной цѣны, оскудя себя, далъ шесть ефимковъ за то, что они меня явно увезли отъ басурманскихъ Турецкихъ рукъ и, раздѣлався съ ними во всемъ, отпустилъ ихъ отъ себя, потчивая довольно.

Того жъ числа пришелъ въ Неаполь корабль Французскій и сказалъ, что-де Французскія 20 галеръ, о которыхъ я слышалъ на дорогѣ ѣдучи изъ Мальту, пришли до Неаполя за 60 верстъ и стоятъ тамъ, ожидая времени способнаго, которымъ могутъ придтить въ Неаполь; а королевича-де Французскаго на тѣхъ галерахъ нѣтъ, только-де одинъ генералъ и кавалеры и дворяне-Французы ѣздятъ гулять и смотрѣть свѣту. Однакожъ сія вещь разсуждается, что тотъ Французскій караванъ ходитъ по морю не просто, и въ Неаполь приходъ тѣхъ Французскихъ галеръ не для одного смотрѣнія Неаполя: есть нѣкоторыя въ томъ иныя причины подъ прикрытіемъ, потому что король Французскій человѣкъ мудрой и вымышленникъ великій на расширеніе своего государства; и для того разсуждается то Французское гуляніе такъ во многихъ галерахъ, что хотятъ учинить нѣкакую шкуду, а паче, чаю, быть отъ нихъ нѣкакимъ причинамъ надъ Неаполемъ или гдѣ въ иномъ мѣстѣ въ Гишпанскомъ королевствѣ. И я, тотъ Французскій караванъ хотя видѣть, не поѣхалъ въ надлежащій свой путь

изъ Неаполя сего числа, а отложилъ ѣзду свою сего жъ мѣсяца до 9-го числа.

Того жъ числа пріѣхалъ ко мнѣ въ остарію Неаполитанецъ помяненный Гаитанъ Реко и просилъ меня, чтобъ я съ нимъ поѣхалъ въ его каретѣ гулять на берегъ морской, гдѣ обычай Неаполитанскому вицерею, также Неаполитанскимъ жителямъ, гулять по вся недѣли по морю въ филюгахъ, какъ о томъ писалъ я въ сей книгѣ выше сего; а Неаполитанскаго вицерея жена, также Неаполитанскихъ честныхъ мужей жены и дѣвицы, гуляютъ при морѣ по берегу морскому въ каретахъ. И я съ нимъ Гаитаномъ въ каретѣ его поѣхалъ гулять и, пріѣхавъ на берегъ къ морю, гуляя видѣлъ въ каретахъ зѣло много Неаполитанскихъ жителей и женъ ихъ и дочерей-дѣвицъ, гуляющихъ по тому морскому берегу; также по морю видѣлъ плавающія многія филюги, въ которыхъ ѣздятъ и гуляютъ Неаполитанцы честные люди и, пріѣзжая къ берегу, кланяются и поздравляютъ женамъ и дѣвицамъ, которыя на томъ берегу при морѣ сидятъ въ каретахъ. И пріѣхавъ ко мнѣ, гдѣ я стоялъ въ каретѣ, Неаполитанскіе жители, дуки, маркезы и кавалеры въ одной филюгѣ просили меня о томъ, чтобъ я сѣлъ съ ними въ ихъ филюгѣ и поѣхалъ бы гулять по морю, котораго ихъ прошенія не хотѣлъ я преслушать, сѣлъ къ нимъ въ филюгу, и гуляли по морю даже до ночи и два часа ночи; потомъ въ третьемъ часу ночи пріѣхали въ Неаполь къ одному мѣсту, которое мѣсто называется Санталюція. Въ томъ мѣстѣ тѣхъ помяненныхъ дуковъ и маркезовъ и кавалеровъ стояли кареты, и, вышедъ изъ филюги, сѣли въ кареты и меня посадили въ свою жъ карету, и сѣли со мною изъ нихъ два человѣка, а достальные, отдавъ мнѣ поклонъ, сѣли въ свои кареты и поѣхали по домамъ; а я съ тѣми кавалерами, которые со мною сѣли въ одну карету, поѣхалъ къ себѣ въ остарію, въ которой я стоялъ, и тѣ кавалеры, которые со мною сидѣли въ одной каретѣ, проводили меня до той остаріи, въ которой я стоялъ, и также отдавъ мнѣ поклонъ, поѣхали къ себѣ, а я остался у себя въ остаріи, въ которой стоялъ.

Августа въ 8-й день. Поутру рано пришли въ Неаполь пять галеръ Гишпанскихъ, которыя называются Еновскія, а тѣ галеры Гишпанскаго короля изъ города, который называется Варцелонія, тотъ городъ отъ Неаполя 1000 миль Итальянскихъ. А пришли тѣ галеры въ Неаполь для того, что Французскихъ галеръ ожидаютъ въ Неаполь, о которыхъ я въ сей книгѣ писалъ выше сего, и для всякаго опасенія тѣ Гишпанскаго короля Еновскія галеры пришли въ Неаполь; а какъ тѣ Гишпанскія галеры шли въ Неаполь, и за 60 миль Итальянскихъ обошли до Неаполя помяненныя Французскія галеры; всѣхъ

ихъ 20 галеръ да четыре корабля. И съ тѣхъ Французскихъ галеръ и кораблей, поздравляя Еповскимъ галерамъ, учинили сальво, т.-е. почтеніе, стрѣляли изъ пушекъ, а съ тѣхъ Гишпанскихъ галеръ заимной чести и поздравленія тѣмъ Французскимъ галерамъ и кораблямъ не отдали, изъ пушекъ не стрѣляли, для того что обѣщали имъ ту заимную честь, а по-итальянски сальво, отдать въ Неаполѣ съ повелѣніемъ Неаполитанскаго вицерея посполито съ Неаполитанскими галерами и съ иными судами, которыя обрѣтаются въ Неапольскомъ портѣ. А какъ тѣ Гишпанскія пять галеръ въ Неапольской портъ вошли, и со всѣхъ тѣхъ галеръ стрѣляли изъ пушекъ, отдавали честь Неаполитанскому вицерею и всѣмъ Неаполитанцамъ, и стали тѣ пять галеръ въ Неаполитанскомъ портѣ съ Неаполитанскими галерами купно, а Неаполитанскихъ всего въ двухъ портахъ 10 галеръ кромѣ иныхъ судовъ всякихъ. Въ тѣхъ же портахъ много зѣло кораблей, фрегадановъ, тартанъ, филюгъ и иныхъ всякихъ судовъ морскихъ. Того жъ числа предъ обѣдомъ пріѣхалъ ко мнѣ въ остарію одинъ дукъ Неаполитанскій да два кавалера и сидѣли у меня часъ довольный, казали мнѣ листы печатные, которые присланы въ Неаполь изъ Венеціи о новыхъ вѣстяхъ. Въ тѣхъ листахъ писано перво о гармадѣ Венецкой, т.-е. о караванѣ ихъ морскомъ, который есть въ морѣ противъ Турковъ, что тамъ дѣлается; потомъ писано о приходѣ пословъ Московскихъ въ Цесарское государство въ городъ Вѣну и какъ имъ была отъ цесаря Римскаго пріемность и почтеніе и увеселеніе и въ которыя мѣста тѣ Московскіе послы изъ Вѣны хотѣли идтить, о томъ о всемъ въ тѣхъ листахъ писано. И потомъ тѣ дукъ и кавалеры поѣхали отъ меня по домамъ.

Того жъ числа по обѣдѣ пріѣхали ко мнѣ три человѣка кавалеровъ Неаполитанскихъ и просили меня, чтобъ я съ ними поѣхалъ гулять, и я съ ними по прошенію ихъ пріѣхалъ въ одинъ верхній городъ, что называется за́мокъ, а по-итальянски называется Каштельново. Тотъ городъ изряднаго строенія, сдѣланъ съ великими крѣпостьми и множество въ немъ великихъ, изрядныхъ пушекъ и зѣло великъ, четыре тысячи человѣкъ въ немъ жителей всякихъ людей. Въ томъ за́мкѣ 300 человѣкъ солдатъ всегда бываетъ для сторо́жи. Въ томъ за́мкѣ живетъ кастелянъ, домъ его тутъ зѣло великъ, множество палатъ изрядныхъ въ три жилья въ высоту, въ которыхъ палатахъ я гулялъ и смотрѣлъ ихъ всѣхъ, тѣ палаты построены изрядною препорціею. Въ томъ же за́мкѣ церковь Римская изрядная и немалая, убрана изнутри рѣзьбами алебастровыми и письмами живописными изрядными, хоры въ той церкви золоченые изрядной работы, на которыхъ стоятъ великіе изрядные органы. Изъ того костела сдѣлана вверхъ въ кастеляновы палаты лѣстница круглая пречудной работою и зѣло

высока. Въ томъ же костелѣ видѣлъ я на одномъ алтарѣ образъ Архистратига Михаила вырѣзанъ изъ одного алебастроваго чистаго камени, который отдаетъ звукъ власно какъ золото, когда ударишь его желѣзомъ, и сдѣланъ тотъ образъ преудивительною работою. Съ прiѣзду въ тотъ замокъ сдѣланы ворота изъ бѣлаго мрамору рѣзною пречудною работою и зѣло высоки, затворы у тѣхъ воротъ сдѣланы мѣдные листы зѣло преславною работою. Надъ тѣми воротами повѣшенъ одинъ змѣй, который называется коркодилъ, зѣло великъ и толстъ; а убитъ тотъ коркодилъ въ томъ рву, который сдѣланъ около того замку; въ томъ рву того коркодила было житіе. Изъ того замку сошелъ я къ порту морскому, въ которомъ стояли Неаполитанскія галеры, съ ними жъ стоятъ галеры Еновскія, о которыхъ писано выше. Изъ тѣхъ Еновскихъ галеръ взошелъ я на одну галеру генеральскую; а нынѣ на ней генерала не было, а былъ намѣстникъ генеральскій, который принялъ меня на той галерѣ съ великою любовью, и я, смотря той галеры и сидя съ тѣмъ генеральскимъ намѣстникомъ часъ довольный, пошелъ отъ него съ галеры въ карету, и онъ послалъ меня проводить до кареты сына своего, а самъ меня не могъ проводить, для того что боленъ ногами и съ креселъ встать не можетъ. И тотъ его сынъ проводилъ меня до кареты, гдѣ я, отдавъ ему поклонъ, поѣхалъ къ себѣ въ остарію, въ которой стоялъ; а кавалеры Неаполитанцы, которые со мной ѣздили, проводили меня до той остаріи и, отдавъ мнѣ поклонъ, поѣхали къ себѣ. Тотъ помяненный генеральскій намѣстникъ сказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ Французскія галеры, которыя идутъ въ Неаполь, о которыхъ я въ сей книгѣ писалъ выше сего, и на тѣхъ галерахъ у начальныхъ людей много зѣло богатства, золота и серебра въ судахъ и всякихъ изрядныхъ уборовъ, также Французы на тѣхъ галерахъ и Мальтійскіе кавалеры зѣло богаты и уборны, и сказалъ, что-де генералу тѣхъ галеръ короля Французскаго жалованья корму на годъ по 20000 шкудовъ, а капитанамъ на мѣсяцъ каждому по 200 шкудовъ, да на пищу всякому капитану въ годъ по 500 шкудовъ; а бывши-де тѣ галеры Французскія въ Неаполѣ, пойдутъ на Цицилійскій островъ въ городъ Палерму, желая его видѣть, для того что тотъ городъ зѣло великъ и строенія изряднаго. А какъ тѣ Французскія галеры изъ Неаполя въ Палерму пойдутъ, и съ ними-де вмѣстѣ пойдутъ изъ Неаполя тѣ помяненныя Еновскія галеры и Неапольскія всѣ, и будетъ ихъ всѣхъ Еновскихъ и Неапольскихъ 17 галеръ; а пойдутъ онѣ будто для почтенія Французскаго каравана, а паче для опасенія, чтобъ Французы въ Цициліи не учинили какой конфузіи, т.-е. замѣшанія. А въ Палермѣ всегда стоятъ Гишпанскихъ же шесть галеръ во всякой готовности; однакожъ Гиш-

панцы отъ Французовъ имѣютъ опасеніе, хотя и миръ между собою учинили, а совершенно другъ другу вѣрить не хотятъ.

Августа въ 9-й день. Хотѣлъ я изъ Неаполя поѣхать до Риму рано, и мнѣ сказали, что-де сего числа приплывутъ въ Неаполь помяненныя Французскія галеры и корабли, о которыхъ писано выше; и я, желая тотъ Французскій караванъ видѣть, ожидалъ его въ Неаполѣ сего числа до 12-го часа, желая и то видѣть, какое почтеніе Неаполитанцы учинятъ тому Французскому каравану; а изготовлены были многія дивныя вещи у Неапольскаго вицерея и у всѣхъ Неапольскихъ жителей на почтеніе того Французскаго каравана. Однакожъ я того не видалъ, для того что въ то число тотъ Французскій караванъ въ Неаполь не пришелъ, а я далѣ того ожидать его въ Неаполѣ не могъ, для того что фурманъ былъ у меня нанятъ, и въ договорномъ съ нимъ письмѣ было написано, что мнѣ ѣхать изъ Неаполя до Риму сего Августа 9-го числа, и въ Неаполѣ мѣшкать не хотѣлъ; затѣмъ я того Французскаго каравана въ Неаполѣ не дожидался. Того жъ числа за два часа до вечера пріѣхалъ ко мнѣ въ остарію фурманъ съ коляскою, и я вещи свои, которыя были при мнѣ, на ту коляску поставя и со всѣмъ управясь и съ хозяиномъ той остаріи, въ которой стоялъ, раздѣлався, изъ Неаполя поѣхалъ до Риму.

При отъѣздѣ моемъ изъ Неаполя пріѣхали ко мнѣ въ остарію Неаполитанскіе дворяне и привѣтствовали меня при отъѣздѣ моемъ любовно и разсуждали съ великимъ прилежаніемъ о проѣздѣ моемъ въ Римъ, какъ мнѣ въ той дорогѣ подобаетъ своего здоровья хранить отъ злого воздуху; потому что въ сихъ числахъ отъ Неаполя до Риму бываетъ по вся годы воздухъ тяжелый, и кто ѣдетъ въ сихъ числахъ отъ Неаполя до Риму или изъ Риму въ Неаполь, тому потребно мало ѣсть и мало пить и мало спать въ день, а ночью отнюдь спать не надобно нимало, во всю ночь надобно ѣхать, а въ день стоять; и зѣло потребно въ той дорогѣ употреблять табаку дымового и носового, для того что дымовой табакъ отгоняетъ тягостный воздухъ, а носовой табакъ не допускаетъ того злого воздуху обонять, и такъ тѣми двумя вещами въ той дорогѣ сохраняется человѣческое здоровье, и пріѣзжаютъ въ сихъ злыхъ числахъ изъ Риму въ Неаполь и изъ Неаполя въ Римъ въ добромъ здоровьѣ. Того жъ числа учинилась въ Неаполѣ вещь такая: былъ сдѣланъ за городомъ Неаполемъ одинъ домъ, въ которомъ дѣлали порохъ, недалеко отъ той горы, которая всегда отъ сотворенія свѣта горитъ, о которой писано въ сей книгѣ выше сего, и отъ той горы нѣкоторымъ случаемъ въ тотъ порохового дѣла дворъ припалъ огонь, и запалился порохъ, котораго было много, и тотъ дворъ и въ немъ въ то время бывшихъ 60 человѣкъ Неаполитанцевъ взорвало совсѣмъ и

тѣхъ людей всѣхъ 60 человѣкъ побило до смерти. О томъ случаѣ зѣло Неаполитанскій вицерей и всѣ Неаполитанцы скорбѣли, что такая несчастная оказія учинилась.

Какъ я изъ Неаполя поѣхалъ, и меня въ Неаполѣ одерживали на трехъ заставахъ, гдѣ стоятъ Неаполитанскіе солдаты для осмотру всякихъ проѣзжихъ людей и осматриваютъ всякихъ чиновъ людей, кто ни ѣдетъ въ Неаполь или изъ Неаполя, чтобъ не провозили неявленныхъ товаровъ; и на тѣхъ заставахъ показавъ я солдатамъ проѣзжія свои грамоты и подаря ихъ по обыкновенію, проѣхалъ тѣ всѣ три заставы безъ осмотру и въ другомъ часу ночи пріѣхалъ въ городъ Аверцу. Тотъ городъ Гишпанскаго короля Неаполитанской провинціи, отъ Неаполя 8 миль Итальянскихъ, строеніе въ немъ все каменное изрядное и городъ немалый; до того города отъ Неаполя по дорогѣ много жилья домовъ изрядныхъ строенія каменнаго и множество по полямъ виноградовъ, которые растутъ подлѣ высокихъ деревъ и по тѣмъ деревьямъ вьются зѣло высоко. Въ томъ городѣ Аверцѣ я не стоялъ, проѣхалъ мимо и въ четвертомъ часу ночи пріѣхалъ въ городъ Капую, отъ Аверцы 8 миль Итальянскихъ. Въ томъ городѣ я сталъ въ остаріи. Тотъ городъ зѣло крѣпокъ и великъ, стоитъ надъ рѣкою, которая зовется Капуей; подъ тою рѣкою въ землѣ прокопаны пречуднымъ разумомъ дороги, которыми можно безъ нужды на лошадяхъ ѣздить, и называютъ тотъ городъ Неаполитанцы ключемъ Неаполитанскимъ для великой его крѣпости. Въ томъ городѣ была древняя Неаполитанская столица, и донынѣ въ томъ городѣ престолы Неаполитанскихъ королей. И какъ король Французскій воевалъ Неаполитанское королевство и побралъ всѣ городы и самый Неаполь взялъ, а того города Капуи взять не могъ никакими мѣрами, для того что безмѣрными крѣпостьми утвержденъ. Въ томъ городѣ въ остаріи стоялъ я полныхъ 3 часа, а въ четвертомъ часу изъ того города поѣхалъ и ѣхалъ всю ночь и въ день два часа. И по той дорогѣ отъ города Капуи много виноградовъ и пашни есть, по которымъ сѣютъ пшеницы по ровнымъ мѣстамъ и по небольшимъ горамъ; также есть и лѣса небольшіе, и жилья по той дорогѣ есть немало.

Августа въ 10 день. Въ третьемъ часу пріѣхалъ я въ остарію, которая называется Сантагата, въ той остаріи сталъ обѣдать, отъ Капуи 18 миль Итальянскихъ, и стоялъ я въ той остаріи до 12-го часа и въ томъ часу поѣхалъ для того, что по той дорогѣ въ сихъ числахъ въ день не ѣздятъ для великихъ жаровъ Іюля злого воздуху, а ѣздятъ ночьми. И пріѣхалъ я къ рѣкѣ, которая называется Гарляне; подлѣ той рѣки ѣхалъ мили съ двѣ Итальянскихъ и пріѣхалъ къ перевозу, который называется Траста. Та рѣка немалая, крутоберега

и глубока, кромѣ перевозу переѣхать ее не можно, мостовъ на ней нѣтъ, переѣзжаютъ на небольшомъ паромѣ. У того перевозу по обѣ стороны той рѣки построены башни каменныя немалыя, у тѣхъ башень построены палаты для сторо́жъ; въ тѣхъ палатахъ бываютъ всегда капитанъ съ солдатами для воровскихъ людей, чтобъ проѣзжимъ всякимъ людямъ отъ воровъ было проѣзжать безопасно, а плата тому капитану и солдатамъ отъ Гишпанскаго короля, а съ проѣзжихъ людей тотъ капитанъ и солдаты ничего не берутъ. При томъ же перевозѣ по обѣ жъ стороны рѣки у помяненныхъ палатъ подѣланы небольшія каменныя каплицы Римской вѣры, въ которыхъ по вся дни отправляются Римскія обѣдни для капитана и солдатъ, которые тутъ стоятъ на караулѣ, и для всякихъ проѣзжихъ людей. Въ томъ мѣстѣ я, перевозясь ту руку, проѣхалъ въ отдачу часовъ дневныхъ и пріѣхалъ въ остарію, которая называется Симунель, отъ того перевозу двѣ мили Итальянскихъ. Въ той остаріи я стоялъ до 2-го часа ночи, тутъ ужиналъ. Отъ остаріи до Сантагата 8 миль Итальянскихъ до перевозу. По той дорогѣ виноградовъ я не видалъ, ѣхалъ полями изрядными, по которымъ много пашни подъ пшеницы и сѣнокосовъ много жъ изрядныхъ. По тѣмъ полямъ много стадъ животинныхъ коровъ и быковъ на паствахъ. А отъ того перевозу какъ я перевезся, поѣхалъ я къ остаріи Симунеля, и въ томъ мѣстѣ знать многое строеніе древнихъ лѣтъ каменное разваленное, знатно было изряднымъ мастерствомъ построено, между которымъ строеніемъ знать отъ великихъ горъ построены были каменные столбы съ перемычками, а поверху тѣхъ столбовъ сдѣланы были колоды каменныя, по которымъ изъ горъ текла ключевая вода изрядная, а тѣхъ столбовъ и нынѣ знать на 1500 саженяхъ слишкомъ; также того древняго строенія является въ томъ мѣстѣ на 2-хъ тысячахъ саженяхъ слишкомъ; а сказываютъ, что въ томъ мѣстѣ былъ въ древнихъ лѣтахъ городъ поганскій зѣло великій, и та помяненная ключевая вода отъ горъ по каменнымъ столбамъ ведена была въ тотъ поганскій городъ для того, что помяненной рѣки Гарляне въ томъ мѣстѣ не было, а текла отъ того мѣста въ дальнемъ разстояніи, а потомъ перекопали и пропустили ее въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ течетъ. И въ древнія жъ лѣта одинъ Неаполитанскій владѣтель, который назывался Сибіонъ Африканъ, тѣхъ поганъ изъ того города выбилъ и городъ тотъ разорилъ и учинилъ въ томъ мѣстѣ христіанство, для того что онъ былъ христіанинъ. И на томъ мѣстѣ нынѣ жилищъ людскихъ нѣтъ, все пашни и сѣнокосы; а построенъ нынѣ городъ на горѣ зѣло высокій, отъ которой горы помяненная ключевая вода ведена, и называется тотъ городъ Траста. Отъ помяненнаго перевоза сдѣлана дорога не гораздо

широкая, какъ можно тремъ каретамъ разъѣхаться, намощена камнемъ сѣрымъ тесанными плитами изрядно. И въ древнія лѣта была та дорога сдѣлана отъ Риму до самаго Неаполя, а нынѣ уже та дорога вся испорчена, только ея осталось отъ того перевозу миляхъ на 30 или мало больше. И стоялъ я въ той вышеписанной остаріи Симунелѣ до 2-го часа ночи, а во 2-мъ часу ночи поѣхалъ и ѣхалъ во всю ночь. По той дорогѣ много горъ, по которымъ растутъ мелкіе лѣса, а въ иныхъ мѣстахъ есть пашни, на которыхъ сѣютъ пшеницы, также есть и сѣнокосныя мѣста и пажити животинныя изрядныя. По прошествіи ночи, на всходѣ солнца, пріѣхалъ я къ городу Портелю, отъ остаріи Симунели 25 миль Итальянскихъ. Въ томъ мѣстѣ жилья никакого нѣтъ, только построены одни ворота каменные. То мѣсто граничитъ Гишпанію съ Римскою областью. И, въѣхавъ я въ папежское обладаніе, ѣхалъ подлѣ моря верстъ съ пять; море у меня было въ лѣвой сторонѣ, а на правой сторонѣ высокія были горы.

Августа въ 11-й день. Пріѣхалъ я въ Римскую область въ остарію Терезинъ, отъ Гишпанской границы пять миль Итальянскихъ. Та остарія стоитъ при самомъ морѣ подъ высокими каменными горами, на которыхъ горахъ зѣло высоко высѣчены изъ камени гульбища и поставлены пушки. Также въ тѣхъ мѣстахъ построены башни, на которыхъ стоятъ пушки жъ и караулъ для приходу Турецкихъ людей и Барбарійскихъ по морю, чтобы во владѣніе папежское басурманы не могли придтить по морю безвѣстно; и стоялъ я въ той остаріи того числа до 12-го часа, а въ 12-мъ часу поѣхалъ и пріѣхалъ въ городъ Трасту, отъ остаріи Терезинъ одна миля Итальянская. Стоитъ тотъ городъ на горѣ, строеніе въ немъ все каменное, городъ невеликъ. Потомъ пріѣхалъ въ четвертомъ часу ночи въ городъ Пиперму. Тѣ городы папы Римскаго. Отъ Трасты до Пипермы 14 миль Итальянскихъ; и въ томъ городѣ Пипермѣ сталъ я въ остаріи и ужинавъ изъ того города поѣхалъ. Тотъ городъ стоитъ на высокой каменной горѣ, на которую гору я не могъ въѣхать въ коляскѣ и взошелъ пѣшъ; также изъ того города съ той помяненной горы сошелъ я пѣшъ же, для того что въ коляскѣ въѣхать трудно, потому что гора зѣло велика и все по той горѣ камень и, поѣхавъ я изъ того города за 4 часа до свѣту, ѣхалъ всю ночь. По той дорогѣ мѣста ровныя; на лѣвой сторонѣ той дороги отъ Неаполя къ Риму пашни и пастбища изрядныя потянулись къ морю, на которыхъ видѣлъ великія стада буйволовъ, а на правой сторонѣ великія горы зѣло высокія каменныя. По той дорогѣ по горамъ много жилья строенія каменнаго, также по той дорогѣ много лѣсовъ, а паче больше дубняку великаго;

между тѣхъ лѣсовъ есть сады, въ которыхъ множество деревъ плодовитыхъ всякихъ.

Августа въ 12-й день. Поутру рано пріѣхалъ къ городу папы же Римскаго, который городъ называется Серманета, отъ Пипермы 15 миль Итальянскихъ. Тотъ городъ стоитъ зѣло на высокой каменной горѣ, строеніе въ немъ все каменное, городъ немалъ и зѣло на веселоватомъ мѣстѣ построенъ. Въ томъ я городѣ не стоялъ, проѣхалъ его мимо и пріѣхалъ въ городъ Римскаго жъ папы Велестру. Въ томъ городѣ сталъ въ остаріи, которая называется Дабостъ, отъ Серманеты 13 миль Итальянскихъ. Тотъ городъ стоитъ въ полугорѣ, строеніе въ немъ все каменное, городъ пространенъ и люденъ, около его поля зѣло великія, пашни и сѣнокосы и пастбища изрядные, на которыхъ видѣлъ я множество буйволовъ и быковъ и коровъ и всякихъ животныхъ, также и хлѣба и пшеницъ около того города много. Отъ Серманеты до сего города по дорогѣ лѣсовъ мало, мѣста всѣ полистыя и горы есть каменныя не добре великія. Въ томъ городѣ стоялъ я весь день и ночи два часа, а въ третьемъ часу ночи поѣхалъ къ Риму. И фурманъ, который меня везъ, говорилъ мнѣ съ прилежаніемъ, чтобъ въ той ночи ѣхавъ отнюдь не спать и не дремать, для того что въ томъ мѣстѣ воздухъ самый тягостный и, если кто въ тѣхъ мѣстахъ ночью уснетъ или задремлетъ, тотъ человѣкъ не можетъ уже быть безъ болѣзни, а болѣзни-де тѣмъ людямъ, которые въ тѣхъ мѣстахъ въ ночи уснутъ или задремлютъ, приключаются зѣло тяжелыя, отъ которыхъ многіе и помираютъ; а въ день тѣми мѣстами не ѣздятъ, для того что безмѣрно бываетъ жарко, и отъ того жару также приключаются проѣзжимъ людямъ болѣзни тяжкія, отъ которыхъ мало кто можетъ живъ быть, и проѣзжаютъ то мѣсто по ночамъ и зѣло хранятся, отнюдь не спятъ и не дремлютъ отъ города Велестра до самаго Риму и такъ злой воздухъ проѣзжаютъ безболѣзненно съ великимъ опасеніемъ; а до Риму отъ сего города 20 миль Итальянскихъ. И отъѣхавъ я отъ того города Велестры 2 мили Итальянскихъ, пріѣхалъ къ одной великой горѣ; на ту гору не могъ я въѣхать въ коляскѣ, для того что зѣло высока, а дорога на нее каменистая, и шелъ я на ту гору пѣшъ 3 мили Итальянскихъ. Потомъ пріѣхалъ въ городъ Римскаго жъ папы въ Маринъ. Тотъ городъ стоитъ между горъ на ровномъ мѣстѣ, зѣло великъ, строеніе въ немъ все каменное изрядное, около его много изрядныхъ садовъ со всякими плодовитыми деревьи. По той дорогѣ отъ Велестры до Марина много виноградовъ и лѣсовъ, дорога недобре камениста. Въ томъ городѣ Маринѣ я не стоялъ, проѣхалъ его мимо и ѣхалъ прямо до Риму. По той дорогѣ отъ Марину къ Риму много садовъ изрядныхъ по обѣ стороны дороги со всякимъ

плодовитымъ деревьемъ, и въ тѣхъ садахъ много деревъ изрядныхъ кипарисныхъ. Около тѣхъ садовъ ограды изрядныя каменныя, въ которыхъ подѣланы изрядные ворота съ препорціею хорошею. Въ тѣхъ мѣстахъ отъ Марину до Риму знать древняго строенія столбы каменные съ перемычками, по которымъ въ древнія лѣта отъ горъ ведены въ Римъ ключевыя чистыя воды верстахъ на десяти мѣрныхъ, и нынѣ еще тѣхъ столбовъ знать много; а подлѣ тѣхъ древнихъ столбовъ подѣланы вновь такіе жъ столбы, и по нихъ идетъ вода въ Римъ, а по-итальянски то называется каналъ-де-ля-аква. По той же дорогѣ отъ города Марина до самаго Риму много изрядныхъ поль, по которымъ сѣютъ пшеницы и косятъ сѣно. По тѣмъ же полямъ построено много домовъ Римскихъ сенаторей подобно Московскому обыкновенію загородныхъ дворовъ, только тѣ Римскихъ сенаторей домы строенія все каменнаго изряднаго по препорціи. На тѣхъ же поляхъ есть знатно много и древнихъ лѣтъ строенія каменнаго, которое уже отъ многихъ лѣтъ развалилось. По тѣмъ же полямъ много видѣлъ стадъ буйволовъ и быковъ и коровъ и иной всякой животины.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава XV. *)

Дѣйствія отряда князя Барятинскаго.—Перенесеніе лагеря къ Аргуну.—Истребленіе ауловъ по Джалкѣ —Движеніе чрезъ всю Чечню къ Куринскому.—Рядъ писемъ князя Воронцова.

Возвращаюсь къ разсказу о дѣйствіяхъ отряда князя Барятинскаго. Хотя изъ его писемъ уже можно видѣть главнѣйшие результаты, но болѣе подробное объясненіе, полагаю, будетъ нелишнимъ. Къ 1-му Февраля 1852 г. всѣ работы между крѣпостью Воздвиженскою и Автуромъ были окончены, лѣсъ такъ расчищенъ, что на этомъ пространствѣ могли уже безопасно ходить небольшія колонны. Оставалось открыть такой же доступъ въ глубь Большой Чечни отъ Грозной, нашего центральнаго пункта, болѣе удобнаго для быстраго сосредоточенія войскъ и ихъ снабженія.

По этимъ соображеніямъ, лагерь былъ перенесенъ внизъ по Аргуну къ Тепли, и войска приступили къ рубкѣ лѣса по лѣвому берегу р. Джалки. Здѣсь, въ плодородной долинѣ, сгруппировалось густое и сравнительно-богатое народонаселеніе, благодаря обильнымъ запасамъ кукурузы и проса, а также большому скотоводству. Хотя долина Джалки была гораздо ближе къ Грозной, чѣмъ другія части Чечни и, казалось, должна была подвергаться большей опасности отъ вторженій Русскихъ войскъ, но окруженная значительными густыми лѣсами и нѣсколькими топкими шавдонами

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года, выпуски 1—4.

(чрезвычайная якобы трудность движенія по нимъ очень ловко внушалась намъ разными лазутчиками и преданными Чеченцами) долго охраняла населеніе этой мѣстности отъ посѣщенія нашихъ войскъ.

Князь Барятинскій рѣшился, наконецъ, сорвать эту печать таинственности, хотя и его увѣряли въ рѣшительной непроходимости для войскъ съ артилеріею дорогъ, ведущихъ къ центру Джалкинскаго населенія. Съ цѣлью такого внушенія, лазутчики, послѣ подробнаго якобы осмотра мѣстности, явившіеся въ Грозную и имѣвшіе служить намъ проводниками, вошли къ князю Барятинскому выпачканные въ грязь по самый поясъ, а лошади ихъ были похожи на свиней, провалявшихся долго въ болотѣ... Чеченская военная хитрость осталась однако безъ результата.

До 15-го Февраля лѣсъ на лѣвомъ берегу былъ расчищенъ; перешли на правый и сдѣлали тоже. Цѣлые дни происходили перестрѣлка и канонада, стоившія намъ 10—15 человѣкъ. Шамиль былъ въ отчаяніи, видя, какъ мы все болѣе и болѣе проникаемъ въ самый центръ Чеченскаго населенія, вынуждаемаго или переходить къ намъ, или бѣжать въ горы, теряя плодородныя мѣста, кормившія и Чеченцевъ, и горцевъ Дагестана. Онъ усилилъ свои сборища еще новыми подкрѣпленіями, велѣлъ испортить, гдѣ только была возможность, дороги, мостики, однимъ словомъ, проявлялъ лихорадочную дѣятельность, чтобы хоть на время задержать наше наступательное движеніе и разореніе Чечни. Все это ни къ чему не повело.

Выше уже было разсказано, что въ началѣ Января, послѣ занятія Автура, отрядъ доходилъ до аула Гельдыгена, прорубивъ просѣку къ р. Басъ. Позиція у Гельдыгена, при бѣгломъ осмотрѣ, показалась и самому князю Барятинскому, и окружавшимъ его лицамъ, весьма удобною для расположенія лагеря отряда на продолжительное время, нужное для расчистки просѣкъ въ разныхъ направленіяхъ, съ цѣлью обезпечить совершенно свободное сообщеніе съ Аргуномъ. Теперь, покончивъ болѣе или менѣе рѣшительно съ таинственнымъ пространствомъ между Джалкою и Аргуномъ, князь Барятин-

скій рѣшилъ передвинуться къ Гельдыгену и отсюда продолжать рубку лѣса.

Оставивъ лагерь въ Тепли подъ прикрытіемъ трехъ батальоновъ, князь съ остальными 8-ю батальонами и всей кавалеріей, предъ разсвѣтомъ 17-го Февраля, двинулся къ аулу Цацину. Шамиль, не зная положительно направленія отряда, собралъ всѣ свои толпы въ лѣсистой долинѣ р. Хулхулау, за ауломъ Эманы. Здѣсь, при переходѣ чрезъ рѣчку, завязалось довольно жаркое дѣло. Достигнувъ Гельдыгена и осматривая мѣстность для расположенія лагеря, мы вдругъ убѣдились въ рѣшительной ошибочности своего перваго взгляда на эту мѣстность. Оказалось, что она окружена со всѣхъ сторонъ канавами и лѣсомъ на близкомъ разстояніи, что Чеченцамъ тутъ весьма удобно было скрываться, что изъ-за лѣса непріятель обстрѣливалъ насъ изъ пушекъ, а ружейные выстрѣлы раздавались со всѣхъ сторонъ, причиняя значительную потерю; кромѣ того, просѣка была вырублена только до лѣваго берега р. Баса, а отъ праваго берега до Гельдыгена тянулся лѣсъ, что́ затрудняло сообщеніе съ Аргуномъ, требуя сильнаго прикрытія и подвергая войска ежедневнымъ потерямъ. Однимъ словомъ, Гельдыгенъ оказался невозможнымъ пунктомъ для постояннаго лагеря. Одинъ изъ лучшихъ офицеровъ, окончившій курсъ въ академіи генеральнаго штаба, полковникъ баронъ Николаи, бывшій съ 3-мя баталіонами Кабардинскаго полка въ отрядѣ, на вопросъ адъютанта главнокамандующаго князя Мирскаго, какимъ образомъ въ Январьской рекогносцировкѣ всѣ такъ ошиблись, отвѣчалъ: „ничего не понимаю; очевидно, на насъ нашелъ тогда какой-то туманъ“.

Положеніе князя оказалось затруднительнымъ. Оставаться въ Гельдыгенѣ невозможно; сознать ошибку и возвратиться въ лагерь на Аргунъ крайне непріятно и невыгодно: такой шагъ назадъ, послѣ безцѣльнаго движенія впередъ и потери напрасно людей, одобривъ непріятеля, затруднилъ бы дальнѣйшія дѣйствія отряда, да и самое отступленіе не могло уже совершиться безъ значительныхъ потерь: число окружавшаго отрядъ непріятеля усилилось, а густой туманъ способствовалъ его нападеніямъ. Переговоривъ съ проводни-

ками, особенно съ незадолго предъ тѣмъ передавшимся намъ Шамилевскимъ наибомъ Батóю, князь Барятинскій, *ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись*, принялъ самое смѣлое рѣшеніе, обратившее ошибку и неудачу въ блистательный успѣхъ.

Сдѣлавъ небольшой привалъ, князь двинулъ отрядъ впередъ въ глубь Большой Чечни, бывшей для насъ, какъ я уже упоминалъ, въ теченіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ, чуть не terra incognita..... Когда главная колонна перешла чрезъ оврагъ за Гельдыгенъ, гдѣ непріятель до того испортилъ мостъ, что не было возможности переѣхать повозкамъ и пришлось, подъ учащенными выстрѣлами артилеріи, разработать спуски и исправить мостъ,—началъ движеніе аріергардъ. Отступая залогами по густой чащѣ лѣса, Кабардинскіе батальоны дѣлали свое дѣло молодецки. Горцы толпами кидались на аріергардную цѣпь, ихъ встрѣчали выстрѣлами и дружными „ура“; исчезнувъ на мгновеніе, они появлялись въ другомъ мѣстѣ. Наконецъ, открылись болѣе обширныя полянки, гдѣ утомленные боемъ люди могли спокойнѣе отступать; только въ боковыхъ цѣпяхъ еще гремѣла жаркая перестрѣлка, и наши гранаты со свистомъ летѣли въ кучки горцевъ, толпившихся у своихъ пушекъ. День склонялся къ вечеру, когда аріергардъ сталъ подходить къ аулу Маюртупъ, уже занятому авангардомъ; вся масса непріятеля, видя, что впереди уже нечего дѣлать, сосредоточила свои усилія на аріергардѣ; но замѣчательное отступленіе перекатными цѣпями и залогами разбивало всѣ усилія противника. Было темно, когда аріергардъ подошелъ къ пылавшему аулу.

Маюртупъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ Чеченскихъ ауловъ, расположенъ на уступѣ Черныхъ горъ, на довольно значительной высотѣ надъ долиной Чечни. Со стороны укрѣпленія Куринскаго, къ которому предстояло нашимъ войскамъ выйти, аулъ окруженъ густымъ орѣшникомъ, гораздо труднѣйшимъ для движенія чѣмъ вѣковые лѣса, и глубокимъ ложемъ р. Гудермесъ, впадающей въ Мичикъ. Маюртупъ стоялъ какъ бы на полуостровѣ между двумя глубокими оврагами, спускающимся съ горъ къ руслу рѣки.

Измученные 17-ти часовымъ движеніемъ и боемъ, бывшіе въ аріергардѣ батальоны не стали уже искать удобныхъ

мѣстъ для ночлега, а просто опустились гдѣ стали, выславъ по нѣсколько паръ въ цѣпь. У солдатъ недостало силъ варить кашу; отказавшись отъ всего, лишь бы имъ дали отдыхъ, они ограничились чаркой водки съ сухаремъ и легли кто какъ могъ.

Ночь прошла спокойно; только нѣсколько выстрѣловъ вдругъ было встревожили спавшихъ; оказалось однако, что это разстрѣляли лазутчика, уличеннаго въ коварномъ намѣреніи завести отрядъ въ подготовленную засаду...

Теперь предстояла самая трудная задача. До Маюртупа широкая долина, по которой мы двигались, не представлялась, какъ это казалось издали и какою она была въ прежнее время, сплошнымъ лѣснымъ пространствомъ. Чеченцы, постепенно лишаемые нашимъ наступленіемъ земель, вынуждены были обращать лѣса въ кукурузныя поля; по этимъ полямъ, отдѣленнымъ лишь узкими перелѣсками высокихъ деревьевъ, въ родѣ ширмъ, отрядъ двигался безъ особыхъ препятствій и большихъ потерь, тѣмъ болѣе легко, что туманъ разсѣялся и насталъ солнечный день. Но изъ Маюртупа, до самой переправы чрезъ Мичикъ, по направленію къ Куринскому, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, тянулся густой лѣсъ - орѣшникъ, оставленный Чеченцами неприкосновеннымъ, какъ оплотъ противъ вторженія со стороны Кумыкской плоскости. Не подлежало сомнѣнію, что непріятель употребитъ долгую ночь, чтобы собраться въ большихъ массахъ, занять орѣшникъ и препятствовать переправѣ чрезъ Мичикъ, обрывистые берега котораго сами по себѣ затрудняли до нельзя движеніе, особенно артилеріи.

Противудѣйствовать замысламъ непріятеля и парализовать его усилія можно было только движеніемъ нашихъ войскъ на встрѣчу отряду изъ укрѣпленія Куринскаго. Но командовавшій тамъ подвижнымъ резервомъ полковникъ Баклановъ не зналъ о внезапномъ движеніи князя Барятинскаго. Задача состояла въ томъ, чтобы передать ему нужное приказаніе. Тутъ-то Бата́ оказалъ неоцѣнимую услугу: онъ изъ среды непріятеля нашелъ молодаго Чеченца, который въ теченіи ночи взялся доставить записку Бакланову и до разсвѣта привезти отвѣтъ.

Князь Мирскій разсказываетъ, что, въ ожиданіи этого спасительнаго посланца, онъ всю ночь заснуть не могъ. Вѣдь съ этимъ Чеченцемъ мало ли что́ могло случиться? А безъ движенія Бакланова положеніе становилось критическимъ и могло кончиться катастрофой. Но князь Барятинскій, обыкновенно поздно засыпавшій и дурно проводившій ночи, въ этотъ разъ отлично поужиналъ и спалъ въ эту ночь лучше обыкновеннаго.... Нельзя было не любоваться его хладнокровіемъ!

За часъ до разсвѣта явился посланецъ съ отвѣтной запиской Бакланова, что все будетъ исполнено согласно приказанію. Разбудили князя. Чеченецъ, награжденный 20-ю полуимперіалами, былъ совершенно счастливъ...

Сталъ брезжить свѣтъ; многіе офицеры и солдаты спали, положивъ головы на тѣла убитыхъ товарищей, привезенныхъ, по обычаю, въ лагерь для погребенія... Цѣпь второй смѣны оказалась тоже спящею... Она легко могла быть перерѣзанною, еслибы непріятель, въ свою очередь страшно утомленный, тоже не спалъ за оврагомъ. И нечего было ни негодовать, ни удивляться такой безпечности: есть предѣлъ всему и даже выносливости Русскаго солдата. Съ 3-хъ часовъ утра до 9-ти часовъ вечера быть на ногахъ, подъ ружьемъ, подъ походнымъ вьюкомъ, двигаться по грязной, глинисто-скользкой дорогѣ, переходить въ бродъ рѣки, бросаться то впередъ, то назадъ, пробиваться сквозь чащу, поддерживая перестрѣлку, вынося убитыхъ и раненыхъ товарищей, слушая свистъ пуль и ядеръ, гики непріятеля, грознаго ударами острыхъ шашекъ, успѣвая за все время проглотить размоченный въ водѣ сухарь,—вѣдь никакіе нервы, никакіе мускулы дальше этого идти не могутъ!...

Къ 7-ми часамъ люди похлебали каши, отрядъ оставилъ пылающій Маюртупъ и двинулся къ орѣшнику. Многотысячная толпа непріятеля открыла по войскамъ со всѣхъ сторонъ адскій огонь... Въ это время раздался условный залпъ изъ 4-хъ орудій, возвѣстившій, что Баклановъ находится на указанномъ мѣстѣ. Успѣхъ былъ обезпеченъ.

Колонна Бакланова, состоявшая изъ пяти ротъ и шести сотенъ Донцовъ съ конною артилеріею, рано утромъ поя-

вилась предъ изумленнымъ непріятелемъ со стороны Качкалыковскаго хребта; она остановилась на открытой полянѣ предъ густымъ орѣшникомъ, изъ котораго дебушировалъ отрядъ князя Барятинскаго. Главныя части отряда скоро соединились съ Баклановымъ; но аріергарду и боковымъ цѣпямъ приходилось сильно отбиваться отъ насѣдавшихъ Чеченцевъ.

Тотъ кто не участвовалъ въ подобныхъ движеніяхъ едва можетъ представить себѣ ихъ трудности съ соблюденіемъ порядка, не теряя связи съ цѣпями, по такой мѣстности, въ которой ничего не видно въ десяти шагахъ; нерѣдко цѣпи сбиваются съ направленія, незамѣтно уходятъ въ сторону отъ тропы, по которой тянутся сомкнутыя части артилеріи, обозы, раненые и проч., вмѣсто того, чтобы идти паралельно; тогда все это остается не прикрытымъ и можетъ подвергнуться неожиданному нападенію ловкаго непріятеля, умѣющаго замѣтить и воспользоваться такими случайностями, и придти въ замѣшательство, а отъ этого до паники одинъ шагъ. Подобные примѣры бывали нѣсколько разъ, и результаты оказывались крайне-печальными.

При проходѣ чрезъ Маюртупскій орѣшникъ, цѣпи нашей случилось нѣсколько разорваться, были люди изрубленные шашками; однако безпорядка не произошло, и отрядъ благополучно вышелъ изъ чащи. Послѣ непродолжительнаго привала, приказано продолжать движеніе къ Куринскому; но тутъ предстояла вторая часть трудной задачи: нужно было переправиться чрезъ обрывистый, обледенѣлый глубокій оврагъ, въ которомъ протекаетъ р. Мичикъ, обстрѣливаемый съ командующихъ лѣсистыхъ высотъ четырьмя орудіями непріятеля, столпившагося здѣсь подъ начальствомъ Шамиля, въ числѣ не менѣе шести тысячъ человѣкъ. Онъ выжидалъ лишь удобнаго момента, малѣйшаго замѣшательства или столпленія на переправѣ, особенно когда до сумерекъ оставалось ужъ немного времени, чтобы обрушиться на какую-нибудь часть отряда и нанести ей пораженіе. „Барятинскій молодъ, онъ смѣлъ, потому что еще не узналъ что̀ такое пораженіе; я ему дамъ урокъ“. Такъ, по словамъ лазутчиковъ, говорилъ Шамиль. Онъ однако ошибся: молодой (ему, впрочемъ, было тогда 37 лѣтъ) князь Барятинскій, кромѣ

смѣлости, обладалъ замѣчательнымъ врожденнымъ военнымъ талантомъ, необыкновеннымъ хладнокровіемъ и даромъ мгновенно придумывать способы выходить изъ затруднительнаго положенія. И въ этотъ разъ, понимая опасность перехода чрезъ Мичикъ при данныхъ условіяхъ, онъ рѣшился употребить въ дѣло массу своей кавалеріи и послать ее въ атаку на оба непріятельскія крыла, открывъ въ это время сосредоточенный огонь всѣхъ нашихъ батарейныхъ орудій по центру непріятельскаго расположенія, гдѣ стояли ихъ пушки. Привести этотъ маневръ въ исполненіе оказалось тѣмъ болѣе возможнымъ, что Бата́ увѣрялъ, что лѣсъ, въ которомъ расположены непріятельскія силы, только издали кажется сплошнымъ, но что въ немъ кавалерія можетъ удобно и быстро двигаться.

Полковникъ Баклановъ съ 11 сотнями понесся на правый флангъ, а командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка князь Чавчавадзе съ 4 эскадронами и 5 сотнями на лѣвый. За первымъ бѣгомъ слѣдовалъ одинъ батальонъ, за вторымъ два батальона. Шамиль сначала не придалъ особаго значенія движенію кавалеріи, въ увѣренности, что это демонстрація, что казаковъ въ лѣсъ не пустятъ, а думаютъ его испугать, чтобы онъ убралъ свои пушки; онъ, поэтому, приказалъ усилить изъ нихъ огонь по подходившей къ переправѣ колоннѣ, и дѣйствительно ядра вырвали изъ нея нѣсколько человѣкъ, такъ что приказано было людямъ лечь на отлогости спуска къ Мичику. Но когда Шамиль увидѣлъ, что казаки втягиваются въ лѣсъ, а съ лѣвой стороны движутся на рысяхъ драгуны, когда вся эта конница, наконецъ, пустилась маршъ-маршъ, когда въ толпахъ непріятеля началась суматоха, а по его орудіямъ открылся адскій огонь, унесшій нѣсколько человѣкъ и лошадей, повредившій лафеты: тогда онъ, еще за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ упорствовавшій въ намѣреніи оставаться на своей позиціи и назвавшій своего наиба Геху трусомъ за совѣтъ поспѣшно отступать, даже приказывавшій стрѣлять въ своихъ бѣгущихъ, самъ, наконецъ, вынужденъ былъ послѣдовать за ними, чтобы спасти свои едва двигавшіяся, подбитыя орудія. А драгуны въ это время успѣли ворваться въ непріятельскій редутъ Шуанибъ-

Капа, еще прежде устроенный горцами какъ опорный пунктъ при защитѣ переправы чрезъ Мичикъ. Спѣшившись, драгуны поддерживали перестрѣлку до прибытія батальоновъ; а Баклановъ, доскакавъ до только что оставленной непріятелемъ батареи, тоже прочно устроенной, зажегъ ее и порубилъ немало отставшихъ людей. Погромъ былъ сильный.

Между тѣмъ совершалась переправа съ чрезвычайными затрудненіями. Крутые берега оврага были покрыты ледяной корой; пришлось прорубать колеи и спускать каждое орудіе, каждый ящикъ и повозку на веревкахъ, руками людей; даже однѣ лошади съ трудомъ переходили; легко себѣ представить, что̀ произошло бы здѣсь, еслибы непріятель не былъ разбитъ кавалеріей и громилъ переправу изъ орудій, окруживъ насъ тучами своихъ стрѣлковъ. Какъ мы ни торопились, все же стемнѣло; толкотня и неизбѣжный безпорядокъ задерживали дѣло.

Наконецъ, перешли всѣ; оставалось переправить аріергардные три батальона съ частью казаковъ; а между тѣмъ уже сюда успѣла опять собраться большая толпа Чеченцевъ, ожидавшая минуты отступленія. Впередъ двинули казаковъ, за ними ихъ конныя орудія, которыя, сдѣлавъ повзводно залпы картечью, быстро спустились къ рѣкѣ, перешли на ту сторону и стали на позицію, приготовясь стрѣлять чрезъ головы нашихъ егерей. Было уже совсѣмъ темно, а успѣлъ перейти лишь одинъ Эриванскій гренадерскій батальонъ; вскорѣ за нимъ, по условленному свистку, бросились быстро внизъ Кабардинскій и Куринскій батальоны; въ туже минуту чрезъ ихъ головы брызнула картечь, раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, послышались крики, стоны, и все смолкло.

Отправивъ обозы и артилерію впередъ, подъ прикрытіемъ наименѣе утомленныхъ батальоновъ, князь Барятинскій съ остальными войсками чрезъ часъ тронулся къ подъему на Качкалыковскій хребетъ, провожаемый легкой перестрѣлкою нѣсколькихъ сотъ Чеченцевъ и пушечными выстрѣлами оправившагося непріятеля. Зрѣлище всего этого движенія было великолѣпное! Темная беззвѣздная ночь; окрестность освѣщалась заревомъ горѣвшихъ редута и батареи; ружейные выстрѣлы, пересѣкаемые пушечными, сверкали въ воздухѣ, раз-

нося эхо по горамъ. Какой-то особый, трудно объяснимый гулъ стоялъ въ воздухѣ, и вся картина представлялась чѣмъ-то торжественно-могучимъ, гармонирующимъ съ окружащею природою. Съ радостными сердцами увидѣли, наконецъ, войска привѣтливые огоньки въ укрѣпленіи Куринскомъ, костры раскинувшагося кругомъ бивуака авангардныхъ войскъ. Побѣдителями вступили мы въ укрѣпленіе; всѣ были въ восторгѣ, сознавая, что совершили дѣло славное, казавшееся въ то время невозможнымъ. Одинъ князь Барятинскій оставался по прежнему хладнокровнымъ...

Потери наши ограничились 8-ю офицерами и около 160 человѣками нижнихъ чиновъ; у непріятеля, какъ говорили, была она въ нѣсколько разъ больше. Но дѣло это, кромѣ матеріальнаго урона, нанесло непріятелю большое нравственное пораженіе. Не говоря о потерѣ людей, о сожженныхъ аулахъ и хуторахъ, важнѣе всего было убѣжденіе Шамиля, что въ Чечнѣ дальнѣйшая борьба безнадежна и что его упрямство сможетъ удержать ее отъ окончательнаго покоренія Русскими развѣ весьма непродолжительное время. Сами Чеченцы должны были рѣшительно подумать о средствахъ спасенія... 19-го Февраля, во время дневки, князь Барятинскій объѣхалъ весь лагерь, благодаря войска за ихъ подвиги. Общее ликованіе, въ сознаніи совершеннаго дѣла, было вполнѣ естественно и выражалось неподдѣльно всѣмъ отрядомъ: каждый солдатъ сознавалъ, что достигнутъ важный успѣхъ, что съ Большой Чечни сорвана таинственная завѣса, и считавшіяся заколдованными мѣста раскрыты.

Отсюда князь Барятинскій написалъ князю Воронцову слѣдующее: Укрѣпленіе Куринское, 19-е Февраля 1852 г.

„Вслѣдъ за окончаніемъ рубки лѣса въ Тепли и послѣ того какъ я узналъ, что Шамиль, собравъ все, что только могъ въ Дагестанѣ и Чечнѣ, думаетъ помѣшать нашимъ дѣйствіямъ на Куринской дорогѣ, я рѣшилъ 17-го числа сего мѣсяца со всѣмъ своимъ отрядомъ отправиться изъ Тепли черезъ Гельдыгенъ и Маюртупъ въ Куринское, оставивъ на защиту лагеря три батальона. Подробности объ этомъ движеніи я вамъ сообщаю въ моемъ рапортѣ; но онъ можетъ дать вамъ лишь слабое понятіе о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя противупоставляли намъ въ теченіе двухъ дней и природа, и

непріятель. Мое предпріятіе вполнѣ удалось, и потеря очень мала. Всѣмъ я обязанъ моимъ храбрымъ офицерамъ и солдатамъ; начальники были превосходны. „Въ моемъ рапортѣ я поименовалъ только начальниковъ отдѣльныхъ частей; мнѣ невозможно указать на тѣхъ, кто отличился больше: дрались всѣ одинаково, и одинаково на долю всѣхъ пала блестящая слава этихъ двухъ дней. „Завтра утромъ я уѣзжаю черезъ Умаханъ-Юртъ въ Грозную. Беру съ собою весь отрядъ; онъ мнѣ будетъ еще нуженъ въ теченіи 12 дней, которые мнѣ остаются до окончанія экспедиціи. Я расчитываю перенести мой лагерь еще ниже на Аргунъ, чтобы открыть съ этой стороны проходы на поля, которыя находятся между Гельцыгеномъ, Аргуномъ и Сунжею. Эта рубка не займетъ болѣе недѣли, и можно будетъ еще вырубить лѣсъ на Урусъ-Мартанѣ и на Гойтѣ, а къ 4-му Марта соединить отрядъ въ Урусъ-Мартанѣ для той рубки, которую предложилъ баронъ Вревскій“.

Затѣмъ уже изъ Грозной, 24-го Февраля, онъ писалъ:

„Послѣ большаго перехода, сдѣланнаго войсками, и послѣ того какъ они вернулись частью черезъ Умаханъ-Юртъ, частью черезъ Брагуны въ Грозную, я далъ имъ два дня отдыха, чтобы завтра начать новую рубку отъ Аргуна до Джалки въ другомъ направленіи. Какъ только мой лагерь будетъ расположенъ, я подробно опишу вамъ мѣстность. Въ одну изъ моихъ рекогносцировокъ этого лѣта, я былъ тамъ и нашелъ необходимымъ очистить проходъ чрезъ лѣсъ, который прикрываетъ большую долину и всѣ поля ауловъ, сосредоточенныхъ на Джалкѣ. Мои движенія помѣшали мнѣ написать передовое представленіе, которое вы мнѣ позволили переслать прямо къ вамъ; я отправлю его вамъ съ княземъ В. Орбеліани. Я прибавилъ тамъ нѣсколько лицъ наиболѣе отличившихся и осмѣливаюсь просить васъ ничего тамъ не уменьшать, такъ какъ въ данномъ случаѣ трудно представить себѣ, кто былъ бы скупѣе меня.

„Вы знаете сами, какую большую награду заслуживаетъ Бата, и я прошу у васъ для него прощенія *), затѣмъ за Автуръ возвратить ему чинъ и пенсію въ 400 рубл. въ годъ;

*) За побѣгъ отъ насъ къ Шамилю.

также прошу у васъ для его сына, прекраснаго мальчика, который часто служилъ намъ проводникомъ, офицерскаго чина. Мы можемъ тогда расчитывать, что онъ всегда будетъ служить намъ съ такимъ же усердіемъ. Такъ какъ съ тѣми силами, какими я располагаю, я не могу построить въ этомъ году укрѣпленіе на Автурѣ, то я прошу васъ отложить это до будущаго года.

„По моемъ прибытіи въ Тифлисъ, послѣ экспедиціи, я представлю вамъ на усмотрѣніе мои планы на будущее лѣто и зиму, въ теченіи которыхъ я надѣюсь навѣрное довершить полное покореніе Большой Чечни. Буду ожидать генерала Вольфа, чтобы переговорить съ нимъ относительно дѣлъ Малой Чечни. Запасясь тѣми свѣдѣніями, которыхъ мнѣ недостаетъ, я, по моемъ пріѣздѣ въ Тифлисъ, лично представлю вамъ мои взгляды относительно этого дѣла.

„Чтобы ободрить переселеніе, вамъ слѣдуетъ, князь, дать полное прощеніе всѣмъ абрекамъ и тѣмъ подозрительнымъ семействамъ, которыя могутъ оказаться между мирными и немирными“.

—

Опять, изъ лагеря, отъ 25-го Февраля 1852 года, князь Барятинскій писалъ въ Тифлисъ князю Воронцову.

„Новое положеніе моего лагеря имѣетъ цѣль уничтожить большой лѣсъ, находящійся между Аргуномъ и Сунжею въ треугольникѣ Тепли, Грозной и Тепли-Кичу. Хотя и невозможно въ тотъ короткій промежутокъ времени, который мнѣ остается пробыть на этой позиціи, очистить все, тѣмъ не менѣе я могу открыть тѣ луга и поля, которые находятся за Аргуномъ и съ правой стороны Сунжи, по направленію къ Умаханъ-Юрту. Я послалъ Бакланова рубить лѣсъ со стороны Умаханъ-Юрта, чтобы мало по малу установить прямое сообщеніе между Умаханъ-Юртомъ, Грозной и Воздвиженской.

„Перваго числа будущаго мѣсяца я посылаю три батальона и нѣсколько кавалеріи, чтобы Льяшенко*) сдѣлалъ нѣсколько необходимыхъ рубокъ въ Малой Чечнѣ, которыя не входятъ въ инструкцію Вревскаго. 3-го или 4-го

*) (Замѣститель князя С. М. Воронцова по командованію Куринскимъ полкомъ).

Марта вѣроятно я снимусь съ лагеря, чтобы сдѣлать еще нѣсколько отдѣльныхъ рубокъ въ окрестностяхъ Грозной, необходимыхъ для открытія проходовъ къ непріятелю и для того, чтобы помѣшать нападенію на обывательскій скотъ и чтобы можно было увеличить покосъ для Грозной.

„Семенъ находится въ Воздвиженской, устраивая дѣла своего полка, и какъ только экспедиція окончится, онъ уѣдетъ въ Тифлисъ. Я очень счастливъ, зная, какъ онъ будетъ радъ представиться вамъ съ тѣмъ крестомъ, который онъ вполнѣ заслужилъ".

Размѣстивъ всѣхъ раненыхъ, похоронивъ убитыхъ и умершихъ въ теченіе сутокъ отъ ранъ, отрядъ 20-го числа выступилъ въ Грозную чрезъ Умаханъ-Юртъ и Брагуны; 22-го, при разгулявшейся погодѣ, войска вступили въ Грозную, встрѣченные восторженнымъ пріемомъ.

Послѣ двухъ дней отдыха, отрядъ 25-го Февраля опять выступилъ по правому берегу Сунжи и нижнему теченію Аргуна и расположился лагеремъ у раззореннаго аула Устарь-Гордой. Затѣмъ приступили къ рубкѣ просѣкъ, очищавшихъ дорогу дальше къ уцѣлѣвшимъ еще частямъ населенія, до впаденія Аргуна въ Сунжу. Лѣсъ былъ вѣковой; встрѣчались чинары въ четыре обхвата; одинъ бѣлолиственный тополь имѣлъ $1^3/_4$ аршина въ діаметрѣ.

29-го Февраля пріѣхалъ изъ Тифлиса ротмистръ Лорисъ-Меликовъ съ Георгіевскими крестами для отличившихся солдатъ, которые тутъ же раздавались, при торжественной обстановкѣ, крикахъ ура и общемъ ликованіи.

2-го Марта, отрядъ слабо преслѣдуемый, выступилъ обратно въ Грозную. Зимняя экспедиція 1852 г. была окончена.

Императоръ Николай вполнѣ оцѣнилъ ея значеніе и на военномъ журналѣ, представленномъ княземъ Барятинскимъ *),

---

*) Въ этомъ журналѣ, впрочемъ, движенію изъ Гельдыгена на Маюртупъ и въ Куринское не былъ приданъ тотъ характеръ случайности, какое оно въ дѣйствительности имѣло: движеніе представлялось какъ задуманное впередъ. Это довольно странно; ибо, вопервыхъ, оно было совершено съ блистательнымъ успѣхомъ и важнымъ результатомъ; вовторыхъ, сознаніе въ ошибочномъ взглядѣ на свойства Гельдыгенской позиціи не только не могло служить къ какому-нибудь порицанію дѣйствій князя Барятинскаго, а напротивъ давало ясное представленіе о его замѣчательномъ военномъ талантѣ измѣнять быстро планъ и о его рѣшимости—приводить его въ исполненіе безъ колебаній.

написалъ: „успѣхи весьма важные". И дѣйствительно успѣхи были важны; это былъ фундаментъ тѣхъ рѣшительныхъ результатовъ, которые проявились въ 1859 году и завершили безконечное дѣло. Чеченцы еще семь лѣтъ продолжали сопротивленіе, но уже болѣе слабое, поддерживаемое жестокими мѣрами Шамилевской администраціи, стоившее почти поголовнаго раззоренія горцевъ. Да, впрочемъ, еслибы не вспыхнувшая Восточная война, отвлекшая съ 1853 г. и князя Барятинскаго, и наши силы, и наше вниманіе отъ этого театра дѣйствій, то едвали сопротивленіе длилось бы и семь лѣтъ.

Между тѣмъ князь Воронцовъ, еще не зная о совершившемся движеніи чрезъ Чечню, отъ 18-го Февраля писалъ: „Не успѣваю благодарить васъ за тѣ интересныя новости, которыя вы мнѣ доставляете. Я въ восхищеніи отъ блестящей атаки казаковъ подъ начальствомъ нашего храбраго Лорисъ-Меликова: онъ постоянно ищетъ и находитъ случай отличиться; это настоящій рубака и, съ Божіею помощью, онъ сдѣлаетъ прекрасную карьеру въ кавалеріи. Я сейчасъ же пошлю въ Петербургъ представленіе, которое вы о немъ сдѣлаете.

„Позвольте теперь мнѣ отвѣчать вамъ на то, что́ вы говорите о своемъ повышеніи. Чинъ генералъ-лейтенанта принадлежалъ вамъ по праву; я просилъ его для васъ еще осенью, и Государь, давъ его вамъ теперь, поступилъ вполнѣ по справедливости, къ удовольствію всего Кавказскаго корпуса, и сдѣлалъ громадную пользу для той части, которая вамъ довѣрена. Да сохранитъ васъ Господь, чтобы вы могли продолжать вашу блестящую службу, въ которой вы уже такъ значительно выдвинуты! Я въ восторгѣ отъ представленныхъ вами предположеній о дѣйствіяхъ лѣтомъ послѣ окончанія зимней экспедиціи; я хотѣлъ бы, чтобы это исполнилось, и ничего отъ себя вамъ предложить не могу. Мы рѣшили послать генерала Вольфа, чтобы онъ на мѣстѣ сообразилъ и представилъ мнѣніе по предметамъ, требующимъ соглашенія съ вами и Вревскимъ. Его поѣздка будетъ полезна для согласованія различныхъ мнѣній и выясненія подробностей о дѣлахъ меньшей важности, въ сравненіи съ великою цѣлью переселенія Карабулаковъ и Чеченцевъ въ Малую Чечню, а

также для обезпеченія границы между Лѣвымъ флангомъ и Владикавказскимъ округомъ. Р. Фортангу я считаю наилучшею границею. Во всякомъ случаѣ, ничего не будетъ рѣшено ранѣе возвращенія Вольфа и вашего прибытія сюда.

„Что касается рѣшенія, въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ, вопроса на счетъ постройки форта въ окрестностяхъ Автура, я не буду слушать никого и здѣсь только съ вами я рѣшу это. Пока представляю на ваше размышленіе нѣсколько вопросовъ: вопервыхъ, можете ли вы выстроить этотъ фортъ вашими собственными средствами, оставляя у себя, сверхъ Эриванскаго батальона, можетъ быть и одинъ Кабардинскій; вовторыхъ, въ какомъ состояніи, по вашему мнѣнію, будетъ находиться послѣ вашей экспедиціи та часть Большой Чечни, которая лежитъ между Аргуномъ съ западной стороны до Тепли-Кичу, до Сунжи на Сѣверѣ и на Востокѣ до Мичика? Можетъ ли эта страна быть покорена и защищаема отъ нападеній и атакъ Шамиля во время постройки укрѣпленія и послѣ окончанія экспедиціи? Въ третьихъ, покидая вашъ лагерь, пройдете ли вы по направленію къ Тепли-Кичу или къ Умаханъ-Юрту?

„Опасаюсь, что Шамиль, для обезпеченія покорности, потребуетъ выдачи ему заложниковъ отъ жителей между линіею, которая ведетъ отъ Герменчука черезъ Автуръ, Гельдыгенъ, Маюртупъ до Куринскаго и Аксая, гдѣ уже начинаются поселенія Ичкеринцевъ, а также отъ деревень къ Сѣверу отъ этой линіи до Сунжи; онъ вѣроятно это сдѣлаетъ, если у васъ не будетъ возможности защищать ихъ хотя бы однимъ или двумя подвижными батальонами, которые перемѣнялись бы каждые 8—15 дней. Я говорю объ этомъ гадательно и предоставляю вамъ рѣшить, что́ будетъ возможно.

„Я также хотѣлъ бы, какъ и вы, чтобы ваши дѣйствія продолжались до перваго Апрѣля; но эти дѣйствія не могутъ быть рѣшительными безъ кавалеріи, которая у васъ есть, а кавалерія не можетъ существовать безъ того количества сѣна, котораго у васъ нѣтъ.

„Но если вы найдете возможнымъ прокормить вашу кавалерію нѣсколькими днями долѣе, нежели мы предполагали. то, понятно, что каждый лишній день за Аргуномъ будетъ

полезнымъ. Теперь я вамъ скажу нѣсколько словъ на счетъ Малой Чечни и въ особенности на счетъ Гехи, на которую я смотрю, какъ на пунктъ наиболѣе важный въ этой странѣ. Когда я настаивалъ на устройствѣ укрѣпленія въ Гехѣ преимущественно предъ Бумутомъ или въ другихъ пунктахъ ближе къ Чернымъ Горамъ, это было лишь отвѣтомъ на то, что́ вы говорили по этому поводу, ранѣе чѣмъ возникъ вопросъ о возможности твердо упрочиться въ Большой Чечнѣ. Я предпочтительнѣе отношусь къ Гехѣ, чѣмъ къ какому-либо другому пункту въ этихъ окрестностяхъ, потому что это прямая линія къ „Русской дорогѣ", на полпути между Ачхоемъ и Урусъ-Мартаномъ. Это намъ предоставитъ то сообщеніе, котораго я всегда желалъ и которое намъ необходимо. Теперь между Ачхоемъ и Урусъ-Мартаномъ скверное сообщеніе, невполнѣ обезпеченное для маленькихъ оказій; но, ставъ твердою ногою въ Большей Чечнѣ, я никогда не думаю сравнивать важность и пользу Гехи со всѣмъ тѣмъ, что́ мы завоевали въ эту зиму, благодаря вашимъ дѣйствіямъ. Я думаю, что мы можемъ совершить и обѣ эти постройки, конечно поставивъ на первомъ планѣ, по важности значенія, укрѣпленіе въ Большой Чечнѣ и начавъ эту постройку какъ только вы найдете возможнымъ. Есть способъ воспользоваться мѣстностью Гехи безъ необходимости собирать для этого строительный отрядъ. Нужно поставить тамъ, какъ только время позволитъ, двѣ или три роты (я думаю, что двухъ совершенно достаточно, если прибавить сотню казаковъ), и пусть эти двѣ-три роты окопаются хорошимъ рвомъ и станутъ тамъ лагеремъ, смѣняясь каждые 10 или 15 дней. Этотъ маленькій укрѣпленный лагерь замѣнитъ намъ небольшую крѣпость даже въ теченіи будущей зимы, перемѣняя лишь гарнизонъ каждые 10 или 15 дней и не дѣлая никакихъ построекъ, кромѣ палатокъ или легкихъ балагановъ или сараевъ. Такъ вѣдь поступали съ 1845 года наши отряды каждую зиму. Въ будущемъ году мы увидимъ, что́ намъ нужно будетъ сдѣлать; но пока мы достигнемъ той же цѣли какъ и построивъ укрѣпленіе; постройка же здѣсь невозможна, если мы займемся этимъ же въ Большой Чечнѣ. Сообщаю вамъ только мою мысль; дѣло же рѣшимъ, когда вы

сами пріѣдете сюда. Спасибо за то хорошее, что́ вы сдѣлали для бѣднаго Давида Грузинскаго; я буду очень радъ получить объ немъ скромное представленіе.

„Хаджи-Муратъ вернулся съ Лезгинской линіи и такъ нетерпѣливъ быть ближе къ новостямъ, что мнѣ трудно задержать его здѣсь долѣе нѣсколькихъ дней. Послѣ завтра напишу, что́ будетъ рѣшено на счетъ его. Посылаю вамъ крестъ, котораго вы просили для молодаго Перовскаго. Я просилъ генерала Коцебу послать вамъ еще 15—20 крестовъ, которые вы раздадите какъ предварительную закуску между храбрыми казаками, Навагинцами, Тенгинцами и отрядомъ храбраго Бакланова, что́, конечно, не будетъ имѣть никакого вліянія на будущія представленія.

„Ждемъ отъ васъ подробностей на счетъ пятидневной работы Бакланова на Мичикѣ“.

Отъ 20-го Февраля: „Пишу вамъ сегодня на счетъ Хаджи-Мурата. Когда онъ уѣхалъ на Лезгинскую линію, я надѣялся, что князь Орбеліани будетъ въ состояніи удержать его недѣли двѣ, проводивъ его въ Элису и другія окрестности. Онъ говорилъ, что вернется сюда въ концѣ этого мѣсяца и возвратится такимъ образомъ въ Грозную къ тому времени, когда вы окончите вашу зимнюю экспедицію. Но это предположеніе было разстроено отвратительною погодою, которая продолжалась въ теченіи двухъ недѣль въ Закаталахъ и во всей этой мѣстности. Хаджи-Муратъ, проведя шесть дней въ Закаталахъ, вернулся сюда и умоляетъ дать ему позволеніе отправиться къ вамъ, такъ какъ онъ тамъ надѣется получать вѣрныя извѣстія о своей матери и женѣ, двухъ дорогихъ ему существахъ, и узнать, нѣтъ ли какихъ надеждъ ихъ снова увидѣть посредствомъ обмѣна на плѣнныхъ, или какимъ-нибудь другимъ образомъ освободить ихъ. Я повторилъ, что не могу разрѣшить ему пребываніе въ Грозной во время вашего тамъ отсутствія.

„Узнавъ о вашемъ намѣреніи провести съ нами нѣсколько дней, что́ отдалитъ его пріѣздъ въ Грозную, мы придумали устроить дѣло иначе: пока онъ отправится въ Ташъ-Кичу; это для него очень подходящее мѣсто, такъ какъ тамъ онъ можетъ лучше отправлять свои религіозные обряды, чѣмъ

гдѣ-либо. Онъ выѣдетъ послѣ завтра и будетъ ожидать въ Червленной вашихъ распоряженій, а также ждать Лорисъ-Меликова, который будетъ его оттуда сопровождать и находиться съ нимъ въ Ташъ-Кичу. Прошу васъ сообщить эти подробности Майделю и Камкову. Отправьте съ нимъ тоже самое число казаковъ съ надежнымъ офицеромъ, а Камковъ пусть приметъ со своей стороны всѣ предосторожности во время прогулокъ Хаджи-Мурата и озаботится исправнымъ доставленіемъ намъ свѣдѣній обо всемъ, что̀ онъ будетъ дѣлать. Пишу вмѣстѣ съ симъ два слова Лорисъ-Меликову, съ просьбой принять на себя это тягостное порученіе. Онъ не можетъ отказаться отъ этого, тѣмъ болѣе, что провелъ нѣкоторое время въ военныхъ дѣйствіяхъ и имѣлъ случай, какъ того самъ хотѣлъ, отличиться, чѣмъ и воспользовался съ успѣхомъ. Прошу васъ сейчасъ же отправить Лориса въ Червленную, гдѣ онъ долженъ ожидать Хаджи-Мурата и сдѣлать всѣ нужныя приготовленія. Князь Тархановъ проводитъ его до Червленной и сдастъ на руки Лориса; а если вы пожелаете, то Тархановъ пріѣдетъ къ вамъ, гдѣ бы вы ни находились. Никто лучше Тарханова не можетъ васъ поставить въ извѣстность обо всемъ, что̀ касается до Хаджи-Мурата, и онъ будетъ очень счастливъ вамъ представиться“.

Отъ 25-го Февраля: „Я уже началъ письмо къ вамъ, которое хотѣлъ отправить съ Тархановымъ, какъ самъ Лорисъ-Меликовъ является къ намъ съ прекрасными отъ васъ извѣстіями. Вы поймете, какой радостью и благодарностью мы обязаны вамъ и вашимъ храбрымъ войскамъ, такъ хорошо выполнившимъ ваше движеніе на Маюртупъ и Куринское. Какъ я уже говорилъ и писалъ вамъ много разъ, вы дѣлаете всегда болѣе, чѣмъ можно расчитывать; и я не понимаю, какая надежда остается теперь у бѣдныхъ Чеченцевъ спасти свою страну и у Шамиля поддерживать свое вліяніе на людей, которые находятся внѣ всякой возможности защищаться. Никогда онъ не получалъ столь сильныхъ уроковъ, какіе даете ему вы, благодаря вашей опытности, благоразумію и особенно умѣнію удержать въ секретѣ ваши предпріятія, чему нельзя не удивляться.

„Зная, какъ пріятно нашимъ храбрымъ солдатамъ получить какъ можно скорѣе тѣ кресты, которые они вполнѣ заслужили, я поручилъ генералу Коцебу отправить извѣстное количество крестовъ для войскъ, участвовавшихъ въ вашемъ движеніи, и вы ихъ получите вмѣстѣ съ этимъ письмомъ.

„Буду ждать извѣстій о вашемъ возвращеніи въ лагерь при Тепли и о томъ впечатлѣніи, которое произведено вашимъ блестящимъ дѣломъ на Шамиля и на народъ. Я очень радъ узнать, что Чавчавадзе имѣлъ случай для удачной атаки. Послѣдній разъ, когда я его видѣлъ и поздравлялъ съ прекрасною выдержкою его драгунъ, онъ мнѣ отвѣчалъ со вздохомъ, что ему, какъ командиру полка, очень пріятно слышать это, но слишкомъ грустно, что съ тѣхъ поръ какъ онъ командуетъ этимъ славнымъ полкомъ, онъ ни разу еще не слыхалъ ни одного свиста пули.

„Снова благодарю васъ за Семена, которому вы довѣрили авангардъ и позволили отправиться изъ Куринскаго прямо въ Грозную повидать свою жену, находящуюся въ страшномъ безпокойствѣ каждый разъ, когда мужъ бываетъ въ дѣлѣ. Ея тревога тѣмъ естественнѣе и живѣе, что она слышитъ каждый выстрѣлъ пушки, не зная, съ которой онъ стороны и какія жертвы онъ унесетъ.

„Все, что вы мнѣ говорите относительно вашихъ намѣреній и тѣхъ дѣйствій, которыя вы можете предпринять на Гойтѣ и Мартанѣ, мнѣ кажется вполнѣ разумнымъ и полезнымъ для окончательной цѣли. Ожидаю васъ здѣсь съ нетерпѣніемъ; вы войдете въ соглашеніе съ Вревскимъ и Вольфомъ, который долженъ былъ выѣхать въ эту ночь къ вамъ, и только послѣ вашего пріѣзда сюда мы разсмотримъ все это дѣло и составимъ проектъ на остальное время года. Я объяснилъ Вольфу свое рѣшительное мнѣніе, о которомъ я писалъ вамъ послѣдній разъ, на счетъ серьезной важности нашихъ возможныхъ дѣйствій въ Большой и Малой Чечнѣ. Отдавая полную справедливость Вревскому, я вижу, что онъ слишкомъ увлекается мѣстными соображеніями; напримѣръ, ложными разсчетами дѣленія той земли, которая можетъ предназначаться Карабулакамъ и Чеченцамъ. Я очень бы хотѣлъ,

чтобы вы выслушали и распросили ихъ и потомъ, пріѣхавъ сюда, вошли бы со мною въ полное соглашеніе: тогда мы, сообразно нашимъ взглядамъ, рѣшимъ это дѣло. Пока я прошу васъ дать инструкцію Меллеру на счетъ пріема, ободренія и, если нужно, помощи всѣмъ Чеченцамъ, въ какомъ бы числѣ они ни были, желающимъ выселиться къ намъ. Я съ удовольствіемъ вижу, что это и ваше мнѣніе.

„Трудно ожидать, чтобы цѣлые аулы тотчасъ покорялись, ибо теперь можетъ быть трудно было бы ихъ защищать; но чѣмъ болѣе жителей переходитъ къ намъ, даже по одиночкѣ, тѣмъ болѣе врагъ ослабѣваетъ и тѣмъ менѣе окажетъ онъ сопротивленія въ будущемъ.

„Возвращаюсь еще разъ къ положенію Хаджи-Мурата. Я рѣшилъ послать его въ Ташъ - Кичу, гдѣ онъ останется до того времени, когда вы вернетесь отсюда въ Грозную. Князь Тархановъ долженъ былъ проводить его до Червленной и сдать на руки Лорисъ-Меликову; но такъ какъ послѣдній между тѣмъ самъ пріѣхалъ сюда, то онъ и проводитъ его къ вамъ. Я хотѣлъ бы, чтобы Лорисъ-Меликовъ изъ Червленной отправился къ вамъ въ Грозную на одинъ день, чтобы получить ваши приказанія и необходимыя письма къ Майделю и Камкову. Но если бы ему нельзя было отлучиться изъ Червленной, онъ вамъ отправитъ это письмо и будетъ ждать вашихъ приказаній. По вашемъ прибытіи сюда, мы войдемъ съ вами въ соглашеніе на счетъ всего остальнаго. Кстати, относительно слуха о враждѣ Хаджи-Мурата съ Батою, я понимаю, что это могло бы вамъ доставить много затрудненій; но правда ли это? Хаджи-Муратъ здѣсь никогда не произносилъ ни слова противъ Баты. Однако, на всякій случай, прошу васъ взять Бату съ собою въ Тифлисъ. Я хотѣлъ бы самъ поблагодарить его за все, что онъ сдѣлалъ для васъ и для насъ вообще, и повторяю вамъ свою просьбу сдѣлать о немъ представленіе, какое вы найдете справедливымъ. Кромѣ того, что все это такъ естественно и должно быть пріятно для Баты, я очень хотѣлъ бы познакомиться съ нимъ лично. Я думаю, что вы не предвидите въ этомъ никакихъ затрудненій и, если понадобится что-нибудь устроить для встрѣчи Хаджи-Мурата съ Батóю, мы можемъ это сдѣлать здѣсь вмѣ-

стѣ. Такъ какъ главное заключается въ томъ, чтобы Камковъ былъ въ Ташъ-Кичу ко времени прибытія Хаджи-Мурата, то необходимо, чтобы вы ему приказали (если еще этаго не сдѣлали), чтобы онъ отправился изъ Андреевскаго въ Ташъ-Кичу и оставался бы тамъ все время, пока прибудетъ Хаджи-Муратъ. Наконецъ, все дѣло въ вашихъ рукахъ, и то, что̀ вы сдѣлаете, будетъ хорошо".

Отъ 27-го Февраля. „Сегодня я получилъ ваше письмо отъ 24-го и за все, что̀ вы мнѣ въ немъ сообщаете, тысячу разъ благодарю васъ. Мнѣ кажется, что ничего не можетъ быть полезнѣе въ настоящую минуту, какъ рубка лѣса, которую вы произведете между Аргуномъ и Джалкою; это довершитъ наилучшимъ образомъ ваши блестящія дѣла, важнѣе которыхъ у насъ не было со времени первой рубки лѣса генераломъ Фрейтагомъ въ 1845 году".

„Вы говорите о моей добротѣ и моемъ поощреніи; скажу вамъ на это, что преслѣдую лишь дѣло правды и справедливости. Невозможно сдѣлать болѣе, чѣмъ сдѣлали вы знаніемъ дѣла, энергіею и въ тоже время благоразуміемъ".

„Я не знаю, что̀ творится въ сердцѣ у Шамиля; но мнѣ кажется, онъ долженъ быть очень удрученъ и обезкураженъ. Съ живымъ нетерпѣніемъ я буду ждать васъ сюда, чтобы рѣшить съ вами, что̀ мы можемъ еще сдѣлать въ этомъ году. Будьте увѣрены, я сдѣлаю все, что̀ зависитъ отъ меня для успѣха вашего передоваго представленія объ отличившихся, тѣмъ болѣе, что вы не очень щедры; я буду также ходатайствовать обо всемъ, что̀ вы пожелаете для Баты и его сына и увѣренъ, что въ Петербургѣ не встрѣтится въ этомъ затрудненій. Я согласенъ объявить прощеніе всѣмъ абрекамъ и также выборнымъ отъ семействъ между *мирными* и *немирными*, которые захотятъ перейти на нашу сторону. Разумѣется, это поможетъ дѣлу переселенія, въ особенности если между ними не представится затрудненій, истекающихъ изъ правилъ шаріата или обычаевъ страны. Не сомнѣвайтесь, что я былъ бы очень доволенъ прибавить вамъ на это лѣто нѣсколько Дагестанскихъ батальоновъ, но не вижу возможности сдѣлать это безъ того, чтобы не ослабить нашу важную границу съ той стороны и въ особенности сдѣлать это во время отсут-

ствія настоящаго начальника Дагестана, который пробудетъ болѣе трехъ мѣсяцевъ въ Тифлисѣ и на водахъ. Въ это время въ Дагестанѣ намъ многое надо сдѣлать, можетъ быть не для сраженій, но для приведенія всего въ порядокъ послѣ событій прошлаго года; а также придется поработать надъ проведеніемъ дорогъ, чтобы упрочить наше положеніе въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя не всегда можно положиться. Хорошо имѣть возможность являться туда во всякое время безъ потребности въ большомъ количествѣ войскъ".

Отъ 3-го Марта: „Третьяго дня я получилъ ваше письмо съ извѣстіемъ о вашемъ новомъ лагерѣ въ низовьяхъ Аргуна. Мнѣ кажется, невозможно было бы найти лучше позицію, чтобы дополнить то, что̀ вамъ оставалось сдѣлать послѣ двухъ мѣсяцевъ, которые вы какъ нельзя лучше употребили. Я надѣюсь, что Шамиль не будетъ въ состояніи ничего предпринять, чтобы вредить вамъ на вашей настоящей позиціи и будетъ разбитъ снова, если осмѣлится васъ атаковать. Жду съ нетерпѣніемъ новостей о томъ, что̀ предприметъ нашъ почтенный имамъ, когда вы покинете Большую Чечню. Наберетъ ли онъ заложниковъ у бѣдныхъ Чеченцевъ, или вы успѣете заставить ихъ перейти въ большемъ или меньшемъ числѣ на нашу сторону?"

„Надежда видѣть васъ здѣсь радуетъ меня безконечно; есть многое, о чемъ намъ нужно съ вами поговорить, и вы мнѣ сообщите не только о подробностяхъ совершенныхъ вами дѣлъ, но и о томъ, что̀ остается сдѣлать. Къ вашимъ мнѣніямъ я отнесусь съ искреннимъ уваженіемъ".

Отъ 5-го Марта: „Пишу къ вамъ съ еженедѣльнымъ курьеромъ, который вѣроятно будетъ послѣднимъ въ эту зиму. Согласно вашего послѣдняго письма, я жду прибытія Вахтанга. Сегодня я напишу вамъ лишь объ одномъ дѣлѣ, относительно котораго мнѣ нужны нѣкоторыя разъясненія, и я съ своей стороны посвящу васъ въ свои соображенія. Послѣдній прибывшій сюда казакъ увѣряетъ меня, что онъ встрѣтилъ Хаджи-Мурата въ самой Грозной. Это мнѣ кажется нѣсколько страннымъ; я говорилъ Лорисъ-Меликову, что я не хотѣлъ бы, чтобы онъ былъ въ Грозной, если это только не случилось по вашему приказу или приглашенію. Если же у

него нѣтъ ни вашего приказа, ни приглашенія, то я не понимаю, зачѣмъ позволили ему посѣтить Грозную. Я часто говорилъ вамъ о томъ, какъ я думаю о Хаджи-Муратѣ и съ того времени я не измѣнялъ своего взгляда; я вѣрю въ искренность его ненависти къ Шамилю. Сильное желаніе увидѣть свою семью, его постоянныя просьбы, его усилія достигнуть этой цѣли, все это мнѣ служитъ доказательствомъ его расположенія. Какъ только удастя намъ освободить его семью, или только ту ея часть, къ которой онъ болѣе привязанъ, не останется сомнѣнія, что онъ могъ бы служить намъ усердно и съ большою пользою".

„Съ другой стороны невозможно скрыть того обстоятельства, что пока его семейство въ рукахъ Шамиля, и зная его умѣніе дѣйствовать и просьбами, и угрозами, было бы крайне неблагоразумно съ нашей стороны довѣряться вполнѣ Хаджи-Мурату. Слѣдуетъ быть осторожнымъ, но какъ можно менѣе ему это показывать. Я уже началъ было письмо въ Петербургъ, что, по моему мнѣнію, для полной увѣренности въ Хаджи-Муратѣ, слѣдуетъ его арестовать и удалить отсюда; но послѣ зрѣлаго обсужденія этого вопроса я пришелъ къ убѣжденію, что это было бы крайне неполитично и произвело бы дурное впечатлѣніе въ горахъ, гдѣ Хаджи-Муратъ такъ любимъ и уважаемъ за мужество и военные подвиги. Эта мѣра остановила бы готовность къ изъявленію покорности у многихъ, болѣе или менѣе значительныхъ лицъ, или удержала бы ихъ отъ соглашенія съ нами, заставивъ принять участіе въ дѣйствіяхъ противъ насъ".

„Разъ это рѣшено, я уже не могу дѣлать иначе, какъ я дѣлаю, зная отлично, какой отвѣтственности я подвергаюсь. Эту отвѣтственность, какая бы она ни была, я одинъ долженъ взять на себя, и я беру ее. Не имѣя возможности далѣе оставить здѣсь Хаджи-Мурата, я отправилъ его въ мѣста, которыя находятся подъ вашимъ начальствомъ; но все таки я остаюсь одинъ отвѣтственнымъ за все, что можетъ случиться. Съ другой стороны, обращаюсь къ вамъ съ просьбою объ его содержаніи и наблюденіи надъ нимъ и, не слагая съ себя отвѣтственности, даю вамъ полномочіе дѣйствовать сообразно текущимъ обстоятельствамъ и такъ, какъ

можетъ быть вызвано необходимостью. Вамъ предоставляю рѣшить, гдѣ онъ долженъ оставаться, въ особенности въ то время, когда вы будете здѣсь. Можетъ ли онъ находиться въ Ташъ-Кичу съ Лорисъ-Меликовымъ и съ тѣми казаками, которыхъ онъ самъ просилъ для его сопровожденія повсюду? Если вы находите неудобнымъ оставлять его тамъ, то пошлите его къ генералу Меллеру, котораго Хаджи-Муратъ немного побаивается, послѣ обстоятельства, случившагося съ Семеномъ по прибытіи его въ Воздвиженскую *). Вообще, князь, дѣлайте все, что́ найдете нужнымъ; я имѣю полное къ вамъ довѣріе и, какъ я уже нѣсколько разъ вамъ говорилъ, что́ бы ни случилось, я буду одинъ въ отвѣтѣ".

„Хайдаръ-бека, одного изъ болѣе значительныхъ пришедшихъ съ Хаджи-Муратомъ горцевъ, я нашелъ нужнымъ удержать здѣсь по причинамъ, которыя я вамъ послѣ объясню; я его пошлю въ Дагестанъ, куда онъ самъ хочетъ ѣхать и гдѣ онъ надѣется быть намъ полезнымъ. Шамиль убилъ его мать, и онъ только и думаетъ какъ бы отомстить ему, служа преданно намъ. Это человѣкъ извѣстной рѣшительности, и я отправлю его сначала къ храброму Али-хану, который командуетъ Аварскими всадниками и замѣчательно служитъ намъ въ теченіи уже многихъ лѣтъ".

„Если вы найдете еще время написать мнѣ ранѣе, чѣмъ сами пріѣдете сюда, то пишите мнѣ подробно, что́ думаете на счетъ Хаджи-Мурата и какъ думаете съ нимъ поступить".

8 Марта изъ Грозной князь Барятинскій писалъ слѣдующее:

„Пользуюсь послѣднимъ курьеромъ, котораго еще застаю здѣсь, чтобы донести вамъ, что всѣ рубки, которыя я хотѣлъ сдѣлать прежде чѣмъ распустить войска, покончены вполнѣ и безъ выстрѣла. Баклановъ, съ своей стороны, вырубилъ все, что̀ я расчитывалъ на Гудермесѣ около Умаханъ-Юрта. Лѣса, которые оставались на Гойтѣ, для входа на Устархановское поле, и на Урусъ-Мартанѣ со стороны послѣдняго убѣжища

*) Генералъ Меллеръ-Закомельскій сдѣлалъ выговоръ Семену Воронцову за то, что онъ вышелъ на встрѣчу Хаджи-Мурату безъ разрѣшенія.

Чеченцевъ совершенно расчищены, благодаря дѣятельности Ляшенки, которому я далъ 4 батальона и 400 казаковъ. Съ этой стороны приближеніе къ Чернымъ горамъ внѣ всякой опасности для нашихъ войскъ. Теперь остается колонизировать всѣхъ, кто захочетъ перейти на нашу сторону, и устроить надъ ними управленіе изъ лицъ, которыхъ бы они уважали, любили, боялись и были бы намъ полезны. Я нѣсколько разъ повергалъ на ваше усмотрѣніе мои взгляды на этотъ счетъ, и вы изъявляли удовольствіе относительно того способа, которымъ я хотѣлъ соединить и устроить въ Грозной все Чеченское управленіе. Теперь настало время, вполнѣ согласное съ обстоятельствами для того, чтобы создать новый порядокъ".

„Бата́ отправится въ Куринское выводить аулы, которые ему обѣщали переселиться. Я смотрю на него какъ на своего лучшаго помощника во время моего отсутствія, и я хотѣлъ бы, чтобы онъ возвратился сюда, когда я буду въ Тифлисѣ. Его высшее желаніе — представиться вамъ, что́ вы ему и позволили; поэтому я отправляю его къ вамъ одного на нѣсколько дней, съ тѣмъ чтобы онъ возвратился ко времени засѣва Чеченцами полей. До того времени я сдѣлаю всѣ необходимыя распоряженія на этотъ счетъ, а около Пасхи буду имѣть честь лично явиться за вашими приказаніями".

„Семенъ уѣзжаетъ завтра съ княгинею Маріею Васильевной въ Тифлисъ".

12 Марта князь Барятинскій послалъ князю Воронцову еще письмо:

„Въ настоящую минуту я очень занятъ окончаніемъ тѣхъ дѣлъ, которыя накопились во время нашихъ зимнихъ дѣйствій, и необходимыми распоряженіями на время моего отсутствія".

„Сегодня утромъ Бата́ уѣхалъ въ Тифлисъ; онъ просилъ меня отправить съ нимъ четверыхъ изъ его семейства. Когда онъ вернется, я пошлю его въ Куринское перевести на нашу сторону тѣ изъ деревень, которыя ему преданы".

„Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ письмо отъ Майделя, который мнѣ пишетъ, что Лорисъ-Меликовъ боленъ; климатъ Ташъ-Кичу въ это время года очень опасенъ, и я бо-

юсь за него. Отправляясь въ Ташъ-Кичу, Хаджи-Муратъ не проѣзжалъ черезъ Грозную; но Лорисъ, оставивъ его въ Слѣпцовской, заѣхалъ ко мнѣ въ отрядъ, гдѣ пробылъ всего нѣсколько часовъ и затѣмъ уѣхалъ, чтобы сопровождать Хаджи-Мурата далѣе черезъ Магометъ-Юртъ".

„Каждый день я принимаю многочисленныя депутаціи изъ Большой и Нагорной Чечни, которыя хотятъ отдаться подъ наше покровительство. Жители деревни Ханкале частью уже перешли къ намъ; также нѣсколько сотенъ изъ тѣхъ деревень, гдѣ мы были нынѣшней зимою. Но все это еще не имѣетъ никакого значенія; положительныхъ результатовъ я ожидаю черезъ мѣсяцъ или полтора. Если буду въ состояніи уѣхать отсюда около конца будущей недѣли, то пріѣду въ Тифлисъ еще постомъ".

„Князь Воронцовъ отвѣчалъ князю Барятинскому 17-го Марта: „Сегодня утромъ я получилъ ваше письмо отъ 12-го и благодарю васъ отъ всего сердца за подробности, которыя вы мнѣ въ немъ сообщаете. Утромъ я видѣлъ Бату, который пріѣхалъ вчера вечеромъ; я принялъ его, какъ вы можете представить, съ открытыми объятіями. Онъ мнѣ очень нравится, и я вполнѣ согласенъ со всѣмъ, что́ вы мнѣ о немъ говорили. Онъ торопится возвратиться къ вамъ, и изъ вашего письма я вижу, что вы хотите его видѣть какъ можно скорѣе. Сегодня вечеромъ онъ будетъ у насъ слушать музыку, завтра утромъ придетъ побесѣдовать со мною и затѣмъ уѣдетъ, когда захочетъ. Квартира и содержаніе его здѣсь хорошо устроены, и съ нимъ будутъ обращаться не хуже, чѣмъ обращались съ Хаджи-Муратомъ. Я очень радъ съ нимъ поговорить и вамъ напишу обо всемъ подробно черезъ него же".

„Благодаря вашему позволенію и вашей постоянной добротѣ къ Семену, онъ къ намъ пріѣхалъ прошлую Среду со своею женою въ полномъ восторгѣ отъ переѣзда черезъ горы. Вы можете себѣ представить, какъ намъ было пріятно увидѣть ихъ и какъ я и жена вамъ благодарны за проявленія вашей искренней дружбы".

„Теперь я поговорю съ вами о Хаджи-Муратѣ, послѣ всего, что́ мнѣ говорилъ Семенъ, потомъ Николаи, а главное послѣ того, что́ мнѣ сообщилъ Лорисъ-Меликовъ. Онъ находится въ Ташъ-Кичу въ очень ложномъ положеніи, и я не понимаю какъ ему долѣе оставаться въ этомъ аулѣ; а если онъ переберется въ тамошнюю крѣпость, то какимъ образомъ онъ будетъ выполнять свои религіозныя обязанности? Нужно же рѣшить—останется ли онъ тамъ, или слѣдуетъ ему отправиться (до вашего возвращенія отсюда) въ Кизляръ, либо въ Ставрополь? Предоставляю вамъ рѣшить этотъ трудный вопросъ. Я просилъ генерала Коцебу написать вамъ объ этомъ формально, и разумѣется отвѣтственность за все что̀ вы рѣшите и предпримите будетъ лежать на мнѣ. Отъ васъ зависитъ заставить его (или скорѣе одного Лорисъ-Меликова) пріѣхать въ Червленную, чтобы переговорить съ вами и рѣшить дѣло послѣ полученія бо́льшихъ подробностей".

„Здоровье Лорисъ-Меликова меня безпокоитъ; но, несмотря на нехорошій климатъ въ Ташъ-Кичу, можетъ быть особенной опасности для его груди не представляется. Вы сдѣлаете все, что́ вы найдете лучшимъ, чтобы сохранить намъ этого славнаго молодаго человѣка; къ тому же мнѣ кажется, что Ставрополь мѣсто наилучшее какъ для него, такъ и для Хаджи-Мурата. Разъ это будетъ рѣшено, вы пріѣдете къ намъ какъ можно скорѣе; съ истиннымъ нетерпѣніемъ я ожидаю минуты свиданія, чтобы обнять васъ и переговорить обо всѣхъ дѣлахъ, которыя насъ съ вами занимаютъ".

Отъ 21-го Марта: „Это письмо вамъ доставитъ Бата̀, котораго я видѣлъ здѣсь каждый день. Съ нимъ я два раза разговаривалъ подолгу; онъ мнѣ очень нравится по своему уму и обширнымъ свѣдѣніямъ; при всемъ томъ это человѣкъ замѣчательной скромности".

„Я долженъ былъ часто благодарить его за тѣ славныя услуги, которыя онъ намъ оказалъ во время вашей прекрасной зимней экспедиціи, и ни разу я не слыхалъ, чтобы онъ тщеславился или говорилъ о себѣ. Мы много говорили съ нимъ о колонизаціи Чеченцевъ за Качкалыкомъ. Я очень

радъ, что уже совершенно уполномочилъ васъ на этотъ счетъ и послѣ тѣхъ подробностей, которыя онъ мнѣ сообщилъ, я окончательно убѣдился въ громадной важности этой мѣры. Мнѣ кажется совершенно яснымъ, что Кумыки не имѣютъ никакого права на тѣ земли, которыми мы хотимъ располагать, начиная съ трехугольника между Герзель-ауломъ, Умаханъ-Юртомъ и Амираджи-Юртомъ, далѣе до Аксая, исключая одного или двухъ ауловъ, построенныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на лѣвомъ берегу этой рѣки. Я убѣжденъ въ чрезвычайной пользѣ этой мѣры, на которую уполномочіе, просимое вами, послано, и я хотѣлъ бы, чтобы эту мѣру привели теперь же въ исполненіе, сдѣлавъ переселенцамъ всевозможныя облегченія. Необходимо (буде предоставится въ этомъ надобность) снабдить новыхъ колонистовъ съѣстными припасами, если только наши магазины будутъ въ состояніи это сдѣлать. Я просилъ Бату настоятельно твердить жителямъ сѣверной части Большой Чечни, что мы имъ не позволимъ ни сѣять, ни косить, если они не изъявятъ покорности на мѣстѣ и не перейдутъ зя Качкалыкъ. Послѣ сильныхъ пораженій, которыя вы имъ нанесли, вся эта часть Большой Чечни въ нашемъ распоряженіи, и жители должны это чувствовать. Кажется, Бата́ уѣзжаетъ отсюда довольнымъ. При семъ я прилагаю вамъ списокъ всего, что́ я ему далъ, а также его сыну и тремъ его спутникамъ. Я увѣренъ, что этотъ человѣкъ еще будетъ намъ очень полезенъ, и вы оказали большую услугу, такъ ободривъ его и употребивъ его съ такою пользою въ теченіи зимы. Я надѣюсь, что въ Петербургѣ не представится никакахъ трудностей для утвержденія всего, что̀ вы испрашиваете для Баты. Я напишу объ этомъ князю Чернышову возможно убѣдительнѣе“.

„P. S. Мы говорили съ Батою еще о двухъ вещахъ, которыя я предоставляю на вашъ судъ, чтобы вы ихъ прослѣдили и согласились бы въ этомъ съ нимъ. Первое, это стѣснить болѣе или менѣе торговлю, которую ведутъ немирные въ нашихъ крѣпостяхъ, покупая у насъ соль, преимущественно для выгодъ Шамиля, предъявляющаго на нее свои большія права, да и имъ соль необходима; можетъ быть, от-

казывая имъ въ ней, мы будемъ много способствовать къ ихъ покоренію. Второе, это дѣло, о которомъ я уже говорилъ съ вами, но мнѣ показалось, что вы имѣете причины быть противъ него: дѣло идетъ объ основаніи аула около бывшаго Большаго Чеченя. Бата́ полагаетъ, что вы ничего не имѣете противъ и если это такъ, то я опять буду стоять за это дѣло, которое мнѣ кажется очень хорошимъ. Можно было бы выстроить тамъ аулъ и поселить нѣсколько сотенъ семействъ, которые были бы способны самизащищаться, находясь въ разстояніи, близкомъ и отъ Грозной, и отъ Воздвиженской, откуда, въ случаѣ нужды, наши войска могутъ имъ оказать помощь. Мнѣ кажется, что съ этимъ новымъ ауломъ, выстроеннымъ вблизи Большаго Чеченя, затѣмъ съ колоніею въ Качкалыкѣ и съ тою поддержкою, какую они могли бы имѣть отъ насъ, поселяясь на правомъ берегу Сунжи, между Грозной и напротивъ Тепли-Кичу, мы въ состояніи поставить въ безопасность почти всѣхъ жителей Большой Чечни, которые захотятъ дѣйствительно покориться“.

Глава XVI.

Письмо князя Барятинскаго.—Письмо князя Воронцова о катастрофѣ съ Хаджи-Муратомъ.—Письмо князя Барятинскаго. — Устройство управленія Чеченцами. — Письма князя Воронцова о предпріятіяхъ Шамиля и Даніель-бека, о поѣздкѣ въ Крымъ и проч. Письма князя Барятинскаго о дѣлахъ на Лѣвомъ флангѣ.

По возвращеніи изъ Тифлиса, гдѣ князь Барятинскій былъ принятъ съ большимъ почетомъ и искреннимъ уваженіемъ, онъ изъ Червленной 19-го Апрѣля 1852 года отправилъ къ главнокомандующему слѣдующее письмо:

„По возвращеніи моемъ на Лѣвый флангъ, я нашелъ болѣе 300 семействъ Чеченцевъ, перешедшихъ на нашу сторону и водворенныхъ въ нашихъ мирныхъ аулахъ на Кумыкской и Чеченской плоскостяхъ. Я велю составить подробный имъ списокъ и представлю вамъ его при слѣдующемъ письмѣ. Отправляюсь теперь на Кумыкскую плоскость, чтобы устроить тамъ все на этотъ счетъ. Шамиль съ своей стороны принимаетъ самыя энергичныя мѣры, чтобы защитить Мичикъ и держать населеніе въ повиновеніи. Онъ строитъ преграды и завалы съ цѣлью продать свои владѣнія по возможности дороже. Наиба Гиху онъ прогналъ и замѣстилъ его извѣстнымъ Иски, котораго я давно знаю за человѣка болѣе предпріимчиваго, нежели его предшественникъ. Во время моего отсутствія, Талгикъ также успѣлъ частью перейти въ Мезеинъ, но это не особенно важно. Дѣла въ общемъ идутъ хорошо, и я надѣюсь, что въ этомъ году переселеніе нашихъ непріятелей будетъ очень значительно. Надѣюсь также, что устройство Чеченскаго управленія будетъ крайне полезно для покоренія страны. Возвратясь изъ Хасавъ-Юрта, я отправлюсь осмотрѣть часть Сунженской линіи, которую вы мнѣ недавно довѣрили. Меня всегда поражало большое количество ночныхъ постовъ, требуемыхъ станицами Алханъ-Юртъ и Самашки; я посмотрю, не будетъ ли возможно замѣнить ихъ хотя отчасти, собаками, какъ это дѣлается на восточномъ берегу Чернаго моря“.

Въ Апрѣлѣ 1852 года съ Хаджи-Муратомъ произошла катастрофа, о которой я уже упоминалъ. Вотъ два послѣднихъ письма князя Воронцова, отъ 28-го и 29-го Апрѣля, по этому поводу.

1) „Генер. Коцебу писалъ вамъ уже о печальномъ концѣ похожденій Хаджи-Мурата; но чтобы вамъ знать подробности, я прилагаю здѣсь копію съ рапорта полковн. Корганова [1]. Бучкіевъ, который замѣстилъ нашего храбраго Лорисъ-Меликова, не сумѣлъ во̀ время принять предосторожности и позволялъ Хаджи-Мурату прогуливаться съ недостаточнымъ конвоемъ; однако превосходныя мѣры, принятыя Коргановымъ, все сгладили и, вмѣсто непріятныхъ для насъ послѣдствій, катастрофа съ Хаджи-Муратомъ оказалась счастливою и полезною для насъ, и въ особенности для меня, такъ какъ на моихъ плечахъ лежала громадная отвѣтственность. Ожидаю съ большимъ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Мансурадзева, и если съ этой стороны ничто не измѣнитъ моихъ убѣжденій, то я останусь увѣреннымъ, что только одна невозможность освобожденія его семейства и то ложное положеніе, въ которое онъ былъ у насъ поставленъ, вынудили его на роковой для него поступокъ. Онъ умеръ храбрецомъ. Съ четырьмя пулями въ тѣлѣ, шатаясь, онъ съ однимъ изъ своихъ людей бросился съ шашкой въ рукѣ впередъ и былъ изрубленъ саблями и кинжалами. Пять головъ были отправлены въ Нуху, а голова Хаджи-Мурата будетъ прислана сюда, гдѣ Андріевскій [2]) хочетъ ее препарировать и отослать въ Академію. Посылаю вамъ два оттиска печатей, найденныхъ на его трупѣ [3]). Это будетъ предметомъ любопытства для вашихъ ученыхъ“.

2) „Я писалъ вамъ вчера черезъ Богдановича, а сегодня пишу черезъ Бартоломея, ѣдущаго къ вамъ съ искреннею готовностью исполнять ваши приказанія и содѣйство-

---

[1]) Начальникъ Нухинскаго уѣзда.

[2]) Докторъ Андріевскій, одно изъ весьма близкихъ и вліятельныхъ лицъ при князѣ Воронцовѣ.

[3]) Т.-е. въ карманѣ его архалука. У каждаго Азіатца, занимающаго болѣе или менѣе видное положеніе, есть печать, которую онъ вмѣсто подписи прикладываетъ къ письму.

вать, на сколько можетъ, успѣху важнаго дѣла, вами предпринятаго. Мнѣ очень хотѣлось бы знать о результатѣ тѣхъ мѣръ, которыя вы употребите по части переселенія и администраціи уже поселившихся у насъ выходцевъ и какъ все это примутъ Чеченцы вообще".

„Ожидаю съ живымъ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Мансурадзева *). Можетъ быть, мы узнаемъ что нибудь, какъ себя вели личности, которыхъ Мансурадзевъ отправился отыскивать: была ли между ними и Хаджи-Муратомъ связь и къ какому времени относится его рѣшеніе намъ измѣнить? Надѣюсь, вы мнѣ сообщите все, что̀ узнаете о толкахъ въ горахъ на счетъ катастрофы съ Хаджи-Муратомъ. Было бы любопытно узнать, какой оборотъ съ самаго начала придастъ Шамиль этому дѣлу? Есть люди, которые утверждаютъ, будто бѣгство Хаджи-Мурата было заранѣе устроено между нимъ и Шамилемъ. Хорошо было бы узнать навѣрное, кѣмъ онъ въ дорогѣ былъ преслѣдуемъ за сутки до его пріѣзда въ Воздвиженскую, и вѣрно ли, будто наканунѣ прибытія къ намъ одинъ изъ его людей былъ убитъ преслѣдующими? Если только это была одна комедія, устроенная между нимъ и Шамилемъ,—то тѣмъ лучше для насъ и тѣмъ хуже для Шамиля, который, потерявъ своего лучшаго помощника, не получилъ отъ этой затѣи никакой выгоды".

Между тѣмъ князь Барятинскій писалъ князя Воронцову слѣдующее изъ Грозной отъ 2-го Мая 1852 года.

„Богдановичъ мнѣ только что сообщилъ о болѣзни Семена. На мнѣ очень грустно отозвалась эта новость. Впрочемъ, время его болѣзни крайне удобно, потому что для его полка до половины Іюня работы положительно никакой не предстоитъ, и Ляшенко отлично выполнитъ всѣ порученія и приказанія своего начальника. 6-го или 8-го я думаю отправиться въ Воздвиженскую и напишу Семену, въ какомъ положеніи я найду его полкъ".

„Въ санитарномъ отношеніи эта весна была роковая для

*) Мансурадзевъ, войсковой старшина изъ Моздокскихъ Грузинъ, былъ начальникомъ конвоя главнокомандующаго; онъ былъ посланъ въ Нуху и Воздвиженское для разслѣдованій обстоятельствъ выхода къ намъ Хаджи-Мурата.

войскъ: цынга приняла грандіозные размѣры, и доктора объясняютъ это чрезмѣрною засухою, которая длилась до настоящаго времени; но теперь, вотъ уже нѣсколько дней, идутъ дожди, и больныхъ гораздо меньше. Наличное состояніе Кабардинскаго полка уже съ нѣкотораго времени уменьшилось въ общемъ на цѣлый батальонъ, и Майдель очень проситъ о подкрѣпленіи; я съ своей стороны нахожу его требованіе вполнѣ справедливымъ и буду имѣть честь представить вамъ его въ оффиціальномъ рапортѣ".

„Больница на водахъ въ Старомъ-Юртѣ будетъ открыта къ 4-му числу этого мѣсяца, и если я найду кого-нибудь оставить въ Грозной на случай тревоги, то по возвращеніи изъ Воздвиженской и Сунженской линіи расчитываю отправиться туда, т.-е. въ Старый-Юртъ, на нѣкоторое время, полечиться, относительно чего я уже испрашивалъ вашего разрѣшенія. Состояніе моего здоровья серьезно требуетъ этого лѣченія".

„Прежде я думалъ на это время перевести въ Грозную Бакланова; но онъ болѣе необходимъ на Мичикѣ, гдѣ переселеніе, хотя и частями, все болѣе и болѣе увеличивается. Въ Истису насчитывается уже болѣе 80-ти домовъ, и Куринское также мало-по-малу разрастается".

„Соображаясь съ вашимъ разрѣшеніемъ, я выдалъ переселенцамъ провіантъ, безъ котораго на этой выдвинутой линіи они не могли бы существовать. По моему мнѣнію, эта мѣра чрезвычайной важности и крайне полезна въ видахъ будущаго переселенія Чеченцевъ. Здѣсь я узналъ, что полковникъ Майдель, который былъ тяжело раненъ при Дахинъ-Ирзау, представленъ къ производству въ генералы. Этотъ офицеръ вполнѣ заслуживаетъ поощренія, тѣмъ болѣе, что по старшинству и заслугамъ это повышеніе почти принадлежитъ ему по праву".

„Такимъ образомъ мѣсто въ полку освободится для барона Николаи, который будетъ намъ очень полезенъ въ управленіи Кумыками. Баклановъ же будетъ командовать войсками на всей плоскости. Майдель, кажется, хочетъ остаться еще нѣкоторое время на Кавказѣ и получить егерскую бригаду 20-й дивизіи. Если у васъ нѣтъ никого другаго

въ виду, я буду очень радъ видѣть его въ Грозной, хотя мое настоящее желаніе было всегда просить у васъ Кишинскаго, какъ только онъ будетъ генераломъ. Онъ прекрасно знаетъ страну и по своимъ способностямъ былъ бы очень полезенъ во всѣхъ случаяхъ".

„Смерть Хаджи-Мурата есть утѣшительное событіе, которое произвело здѣсь прекрасное впечатлѣніе. Вы до самаго конца обращались съ нимъ великодушно, и вотъ какою неблагодарностью онъ отплатилъ вамъ. Я вполнѣ раздѣляю общій взглядъ по этому поводу. Если бы онъ былъ болѣе терпѣливъ и дождался, пока мы бы освободили его семейство, онъ могъ бы быть намъ очень полезенъ. Но онъ не могъ ждать и сдѣлался жертвою своей натуры. Всѣ, также и мусульмане, поняли это и видятъ тутъ перстъ Божій. Во всякомъ случаѣ, съ нимъ было много затрудненій, и теперь однимъ смѣлымъ врагомъ у насъ меньше. Шамиль, потерявъ въ немъ своего лучшаго помощника, не можетъ впрочемъ считать эту потерю единственною съ 1845 года. Его звѣзда съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе меркнетъ".

„Мансурадзе прекрасно выполнилъ данное ему порученіе: всѣ аресты были сдѣланы безъ малѣйшихъ затрудненій. Мнѣ остается просить у васъ позволенія обмѣнять плѣнныхъ, задержанныхъ ради семейства Хаджи-Мурата, на нашихъ плѣнныхъ Чеченцевъ и Русскихъ".

Дѣла Лѣваго фланга идутъ прекрасно; встрѣчалось нѣсколько небольшихъ партій Тавлинцевъ отъ 2-хъ до 300 человѣкъ, посланныхъ Шамилемъ въ Большую и Малую Чечню; но въ общемъ ничего не было серьезнаго. Являлись фальшивые лазутчики съ извѣстіями о какихъ-то громадныхъ сборищахъ, но я прогналъ ихъ. Это ихъ обычай приходить каждую весну и стараться поставить насъ на сторожѣ, чтобы помѣшать нашимъ работамъ".

По этому же поводу князь Барятинскій изъ Алханъ-Юрта, 7-го Мая 1852 года, писалъ главнокомандующему:

„Вы желали знать о тѣхъ слухахъ, которые ходятъ относительно бѣгства и смерти Хаджи-Мурата. Ихъ такъ много и такъ они различны, что я затрудняюсь передать ихъ всѣ. Ограничусь нѣкоторыми. Говоря откровенно, я ду-

маю, что мусульмане жалѣютъ о немъ, исключая Шамиля (который, впрочемъ, показываетъ видъ, что оплакиваетъ его) и затѣмъ нѣкоторыхъ его личныхъ враговъ: они очень довольны теперь, избавясь отъ Хаджи-Мурата. Онъ былъ очень популяренъ не столько по своему религіозному фанатизму, сколько по ненависти къ Русскимъ, ненависти, вошедшей въ пословицу въ горахъ, гдѣ смотрѣли на него какъ на преемника Шамиля. Прежде всего хотѣли распустить слухъ, будто бы его побѣгъ и смерть есть дѣло вымысла, чтобы ослабить надзоръ за его семействомъ, которое вслѣдствіе этого можно было бы легче освободить. Но такъ какъ этой хитрости Шамиль не повѣрилъ и уже публично молился по случаю смерти Хаджи-Мурата, то этотъ слухъ исчезъ самъ собою. Теперь говорятъ, что это было дѣломъ Русскихъ, обдуманнымъ заранѣе, что Хаджи-Муратъ никогда не хотѣлъ бѣжать, но что за городомъ, на охотѣ, на него напали и, заставивъ бѣжать, убили, такъ чтобы повидимому все приняло законный видъ. Тѣмъ которые полагаютъ, что между нимъ и Шамилемъ было соглашеніе, я не имѣю никакого основанія вѣрить. И много еще другаго слышится по этому поводу. Если я узнаю что-нибудь положительное, то не премину немедленно вамъ о томъ сообщить". „Возвращаюсь восхищенный отъ Куринцевъ, осмотръ которыхъ я сегодня кончилъ. Въ Воздвиженской я вмѣстѣ со всѣми искренно сожалѣлъ объ отсутствіи хозяина *), который самъ бы остался очень доволенъ своимъ полкомъ".

„Сегодня я прибылъ въ Алханъ-Юртъ, чтобы осмотрѣть новую линію, которую вы мнѣ довѣрили, а завтра уѣду въ Самашки. Переселеніе хотя и медленно, но идетъ впередъ какъ въ Малой, такъ и въ Большой Чечнѣ; но семейства переселяются малыми партіями, въ виду того, что надзоръ за ними очень усилился, и 300—400 Тавлинцевъ зорко сторожатъ ихъ. Необходимо будетъ устроить осенью двѣ башни на Кумыкской плоскости, одну въ Гошкельди, другую въ Истису, такъ какъ невозможно постоянно держать тамъ войска, и жители изъ боязни, что не могутъ сами защищаться, никогда не согласятся тамъ оставаться. Ходатайствую пе-

*) Т.-е. князя Семена Михаиловича Воронцова.

редъ вами имѣть эту постройку въ виду къ осени. Позвольте мнѣ представить рапортъ съ планами и все относящееся къ этому". „Бартоломей, который пріѣхалъ третьяго дня (ранѣе чѣмъ вступить въ должность) мало-по-малу будетъ привыкать къ дѣламъ Чечни, такъ какъ необходимо прежде всего составить управленіе, что въ сущности говоря, дѣло довольно трудное; а слишкомъ торопиться я не хочу, чтобы не упустить чего нибудь; но разъ все устроится, я извѣщу васъ и буду ждать вашихъ приказаній".

*

Послѣ военныхъ дѣйствій 1851 года, особенно 1852-го, выселеніе Чеченцевъ изъ непокорныхъ мѣстностей приняло вдругъ такіе усиленные размѣры, что пришлось серьезно позаботиться на счетъ устройства управленія и особенно хорошаго суда, примѣненнаго къ ихъ обычаямъ. Князь Барятинскій, какъ уже было упомянуто, за долго до этого установилъ свои взгляды на управленіе горцами и придавалъ особо важное значеніе этому дѣлу. Онъ въ данномъ случаѣ выказалъ замѣчательную прозорливость и вѣрность сужденій.

Шамиль стремился къ рѣшительной нивелировкѣ всего подвластнаго ему населенія; онъ не допускалъ никакихъ мѣстныхъ особенностей, строго преслѣдовалъ всякія преданія и легенды, уничтожилъ суды по обычаямъ и все подчинилъ одному общему для всѣхъ шаріату, т.-е. духовному суду по Корану. Стремясь обратить всѣхъ горцевъ въ родъ особаго духовнаго ордена, помыслы котораго были бы преимущественно посвящены укрѣпленію мусульманской религіи, въ исключительной идеѣ борьбы съ невѣрными, онъ требовалъ забвенія всего, не-неизбѣжно необходимаго для поддержанія жизни и отрѣшенія отъ всякихъ матеріальныхъ удобствъ. Онъ запретилъ, подъ страхомъ жестокихъ казней, курить табакъ, употреблять шелковыя матеріи и всякія украшенія въ одеждѣ (только оружіе позволялось украшать съ желаемою роскошью), пѣть пѣсни, вообще все, что могло считаться нѣкоторымъ признакомъ довольства, жизненной радости...

Князь Барятинскій задумалъ какъ разъ противоположное этому, стремясь возрождать Чеченскій народъ, какъ пле-

менную особь, имѣющую свой языкъ, свои нравы, обычаи, черты характера и даже наружность. Это тѣмъ болѣе было умѣстно, что Чеченцы, отличаясь отъ всѣхъ другихъ горцевъ Кавказа, считали себя нѣкоторымъ образомъ аристократами и называли Тавлинцевъ, т.-е. Дагестанскихъ горцевъ, Лезгинскими мужиками.

Положеніе объ управленіи Чеченцами и судъ (мехкеме) сразу заслужили полное одобреніе населенія. Вліяніе этой мѣры вообще было благотворно, тѣмъ болѣе, что избранные княземъ Барятинскимъ для руководства учрежденіемъ штабъ-офицеры Бартоломей, послѣ Бѣликъ, съ полнымъ сознаніемъ пользы и съ усердіемъ стремились къ наилучшему осуществленію мысли князя. Положеніе было утверждено императоромъ Николаемъ, при чемъ онъ повелѣлъ имѣть въ виду постепенное сближеніе покоряющихся съ кругомъ обязанностей казачьей службы, пріучая ихъ подчиняться одному съ казаками начальству. Тогда же, при князѣ Барятинскомъ, изъ Чеченцевъ формировались сотни милиціи, приносившей намъ несомнѣнную пользу, и вообще только что покорившіеся люди неоднократно вступали въ бой съ своими единоземцами.

Въ этомъ политическо-административномъ дѣлѣ, къ которому казалось, князь Барятинскій вовсе не былъ подготовленъ, онъ однако показалъ, что въ немъ таится не одна лишь чисто-военная доблесть: тутъ уже ясны были задатки ума и соображеній болѣе обширнаго, государственнаго круга дѣятельности. Неудивительно, поэтому, что князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ и генералъ Коцебу относились къ нему не только какъ къ лихому, смѣлому, молодому генералу и пророчили ему блестящую будущность, не исключительно вслѣдствіе близкихъ отношеній его къ Наслѣднику Престола, какъ усиливались увѣрять и тогда и впослѣдствіи завистники, или мало знавшіе князя Барятинскаго люди...

*

Въ Маѣ 1852 г. Шамиль дѣлалъ попытку вторженія въ Владикавказскій округъ, съ цѣлью возмутить противу насъ тамошнее мирное населеніе. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе,

князь Барятинскій тотчасъ же, съ собранными наскоро войсками, поспѣшилъ на помощь сосѣду своему, барону Вревскому. Но все обошлось благополучно, и вообще тревога оказалась преувеличенною. По этому поводу князь Барятинскій послалъ князю Воронцову нѣсколько писемъ, которыя приводятся здѣсь почти вполнѣ:

От 27-го Мая 1852, изъ Грозной.

„Дѣла Лѣваго фланга во всѣхъ отношеніяхъ какъ нельзя болѣе тихи и удовлетворительны. Непріятель насъ оставляетъ въ покоѣ. Это большое счастье, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи, какъ вы знаете, теперь, до сѣнокоса, очень мало войска,—батальонъ Куринцевъ у Вревскаго и двѣ роты этого же полка на все лѣто на водахъ въ Старомъ Юртѣ; въ Грозной и Воздвиженской едва хватаетъ того, что ихъ остается, для ежедневной службы. На Кумыкской плоскости двѣ роты Кабардинскаго полка въ Истису и двѣ другія роты для устройства новой линіи по Тереку".

„Вотъ что я узналъ изъ Веденя: Шамиль хочетъ сдѣлать нападеніе на Дагестанъ; говорятъ даже, что онъ немедленно начнетъ кампанію. Если это такъ, то дѣло принимаетъ серьезный характеръ и, можетъ быть, будетъ необходимо послать туда подкрѣпленіе. Меня очень стѣснитъ, когда придется посылать также и отъ себя. Если вы меня уполномочите вновь соединить на моей линіи все что̀ Владикавказскій округъ можетъ дать, тогда я могу собрать хорошую кавалерію и два Кабардинскихъ батальона для Дагестана. Жду съ нетерпѣніемъ вашего пріѣзда, чтобы представить много вопросовъ крайней важности относительно моей мѣстности. Все это я желалъ бы передать вамъ лишь словесно. До тѣхъ поръ я надѣюсь устроить Чеченское управленіе и когда вы пріѣдете въ Грозную, я буду въ состояніи все подробно представить вамъ. Бартоломей съ рѣдкимъ усердіемъ мнѣ много помогаетъ".

Назрань, 3-го Іюня 1852 г.

„30-го Мая я узналъ черезъ лазутчиковъ, что сборы Шамиля не подлежатъ болѣе никакому сомнѣнію. Мы думали, что онъ въ Дагестанѣ; а оказывается, что, спустясь съ горъ, онъ двинулся на Вревскаго, отъ котораго я получилъ 31-го числа рапортъ съ этою новостью. Вслѣдствіе этого я, собравъ 1-го числа въ Самашкахъ три батальона пѣхоты, 10

орудій и 11 сотенъ казаковъ, прибылъ сюда, вопервыхъ, чтобы защитить эту страну, гдѣ нѣтъ никакихъ войскъ, а во вторыхъ, чтобы успокоить жителей, которыхъ я нашелъ въ большомъ волненіи. Вотъ тѣ новости, которыя я узналъ здѣсь и въ силу которыхъ я принялъ вышесказанныя мѣры. Вревскій мнѣ пишетъ, что Шамиль, видя свою попытку поднять Галашки неудавшеюся, началъ отступать и что онъ, Вревскій, преслѣдуетъ его; но лазутчики говорятъ, что Шамиль хочетъ частью своей пѣхоты завлечь Вревскаго и въ это время пройти съ своею кавалеріею (которая составляетъ большую часть его войска) въ ущелье Терека. Таковы причины, заставляющія меня остаться пока здѣсь и не распускать войскъ по квартирамъ. Говорятъ, Шамиль дѣйствуетъ въ соглашеніи съ Магомедъ-Эминомъ, который, развлекая войска Праваго фланга и центра, далъ бы ему возможность соединиться съ Осетинами и Дигорцами, заранѣе подговоренными. Передаю вамъ эти слухи, только что доставленные мнѣ лазутчиками. Не имѣя никакихъ сношеній ни съ Правымъ флангомъ, ни съ Центромъ, я не могу провѣрить эти свѣдѣнія; но въ виду важности обстоятельствъ, ранѣе чѣмъ не узнаю положительно намѣреній непріятеля,—моя обязанность оставаться здѣсь".

„Лѣвый флангъ значительно ослабленъ; но покамѣстъ для обороны его будетъ достаточно того, что̀ я тамъ оставилъ; надѣюсь, черезъ нѣсколько дней все войдетъ въ свою обычную колею".

Камбилеевка, 4 Іюня 1852 г.

„Шамиль дѣйствительно отступилъ, и Вревскій, преслѣдовавшій его насколько было возможно, возвратился и сталъ лагеремъ въ Мужичи, на Ассѣ; это мѣсто онъ считаетъ лучшимъ стратегическимъ пунктомъ и центромъ, откуда онъ можетъ получать отвсюду свѣдѣнія и, оставаясь тамъ нѣсколько дней, положительно узнать, распустилъ ли Шамиль свой сборъ. Что касается меня, я расчитываю сегодня отправиться тихимъ шагомъ назадъ, чтобы не утомлять войскъ и быть готовымъ, смотря по обстоятельствамъ, двинуться впередъ. Мой отрядъ совершаетъ невозможное: Куринцы пришли

изъ Воздвиженской въ Назранъ, сдѣлавъ только два привала, по часу каждый *). Пока у нихъ всего только двое больныхъ. Бата̀ мнѣ передалъ много интереснаго относительно секретныхъ происковъ Шамиля у Осетинъ. Онъ надѣялся вполнѣ возмутить ихъ и занять Военно-грузинскую дорогу; но жители оказали ему большое сопротивленіе, такъ какъ видятъ кругомъ себя одни лишь Русскія войска, и отказали выдать ему заложниковъ. Я думаю, что онъ не возобновитъ болѣе своихъ попытокъ".

„Какъ только вернусь въ Грозную, я пришлю вамъ рапортъ о томъ состояніи, въ которомъ я найду дѣла Лѣваго фланга. Мой авангардъ, составленный изъ 4 сотенъ Моздокскихъ казаковъ, находится уже въ Алханъ-Юртѣ, и одинъ батальонъ съ двумя пушками ушелъ отсюда сегодня утромъ. Ночевать мы будемъ въ Назранѣ".

Слѣпцовская, 5 Іюня 1852 г.

„Слухи о рѣшительномъ отступленіи Шамиля подтверждаются. Съ разсвѣтомъ направляюсь къ Грозной, строя батальоны эшелонами, какъ хвостъ змѣи, дабы мнѣ удобно было переноситься, смотря по обстоятельствамъ, съ одной стороны на другую. Я думаю, что все еще слѣдуетъ быть осторожнымъ и имѣть войска хорошо отдохнувшими. Въ настоящее время мое пребываніе въ Слѣпцовской, гдѣ и бо́льшая часть моей кавалеріи съ 4 конными орудіями; въ Алханъ-Юртѣ 4 сотни Моздокцевъ, съ двумя другими орудіями. Мой послѣдній батальонъ покинетъ Назранъ завтра, если не будетъ ничего новаго. Вревскій оставляетъ сегодня свою позицію въ Мужичи, чтобы занять ее на Алгузали. Если отступательное движеніе Шамиля не болѣе какъ ложное, сдѣланное только чтобы запастись провіантомъ и затѣмъ начать наступленіе снова, Вревскаго и меня будетъ совершенно достаточно, чтобы ему помѣшать, или совершенно разбить его, буде онъ настойчиво станетъ преслѣдовать свое намѣреніе. Если же, съ другой стороны, видя свой проэктъ неудавшимся, онъ двинется на Лезгинскую линію или въ Дагестанъ, я заставлю его вернуться тѣмъ, что проникну въ

*) Разстояніе около ста верстъ.

центръ Большой Чечни. По всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я могъ получить по дорогѣ и по наблюденіямъ, которыя я сдѣлалъ раньше, Шамиль сумѣлъ привлечь на свою сторону нѣсколько вліятельныхъ людей между народомъ намъ покорившимся, особенно среди Осетинъ; легко предвидѣть, что можетъ изъ этого выйти, и потому, какъ я думаю, нужны немедленное дознаніе и жестокій урокъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, цѣль Шамиля занять Военно-грузинскую дорогу, возмутивъ горцевъ, которые живутъ по ея сторонамъ, и въ то время когда онъ будетъ у Тагаурцевъ, Махомедъ-Эминъ долженъ будетъ съ своей стороны поднять Карачай и населеніе Кабарды".

„Планъ смѣлъ и хорошо составленъ; тѣмъ не менѣе я думаю, что его исполненіе невозможно, принимая во вниманіе наши славныя войска и ихъ расположеніе. Необходимо, и какъ можно скорѣе, освободиться отъ нѣкоторыхъ скверныхъ личностей. Одинъ изъ тѣхъ кого подозрѣваютъ—полковникъ Муса-Кундуховъ, затѣмъ Тугановъ и др."

На эти письма князь Воронцовъ, изъ Боржома, 9-го Іюня отвѣчалъ: „Не могу не поблагодарить васъ отъ всего сердца за тѣ новости, которыя вы мнѣ сообщаете и въ особенности за ту скорость, съ которою вы прибыли на помощь вашему сосѣду Вревскому, какъ только узнали, что онъ будетъ атакованъ. Кажется, что все это предпріятіе Шамиля, если оно дѣйствительно такъ важно, какъ вы полагаете, благодаря Бога, обрушилось на него же и послужитъ ему новымъ и сильнымъ доказательствомъ его возрастающей слабости и того, какъ мало наши мирные расположены въ его пользу. Что касается до Махомедъ-Эмина, то еще не выяснилось, чтобы кто-нибудь двинулся съ этой стороны и были ли у него намѣренія соединиться съ Шамилемъ, для занятія нашей главной военной дороги. Я не расположенъ этому вѣрить, ибо дѣло было бы труднымъ и даже нелѣпымъ. Вотъ уже пять-шесть дней какъ не имѣю никакихъ извѣстій отъ нашихъ начальниковъ Центра и Праваго фланга. Жду рапорта отъ Вревскаго на счетъ окончательнаго заключенія по всему этому дѣлу".

„Пока Шамиль былъ занятъ съ вами, Даніель-бекъ хотѣлъ сдѣлать нападеніе со стороны Лезгинской линіи; но оттѣсненный на всѣхъ пунктахъ, онъ держится еще въ нашихъ горныхъ магалахъ и думаетъ тамъ укрѣпиться“.

„Около 15-го числа баронъ Врангель пойдетъ, чтобы вытѣснить его и оттуда, для чего ему князь Орбеліани поможетъ 4-мя батальонами. Между тѣмъ, воюя, султанъ Даніель-бекъ началъ переговоры, чтобы добиться прощенія и возвращенія къ намъ, но подъ нелѣпымъ условіемъ остаться жить въ Цахурѣ. Когда Врангель мнѣ сообщилъ это предложеніе, я ему отвѣчалъ, что султанъ насмѣхается надъ нами; но Врангель, до полученія моего отвѣта, безразсудно прислалъ ко мнѣ одного назыря (казначея) отъ Даніель-бека, все съ тѣмъ же предложеніемъ. Послѣ продолжительнаго разговора, я отправилъ его вчера съ такимъ же отвѣтомъ; я ему объяснилъ подробно, что намъ невозможно вѣрить Даніель-беку, уже разъ измѣнившему, и что если онъ хочетъ получить прощеніе, то долженъ сдаться безъ условій“.

„Все это доказываетъ, что дѣла ихъ идутъ плохо, и что вліяніе Шамиля съ каждымъ днемъ слабѣетъ. Мы будемъ продолжать нашу систему осторожности и настойчивости, и съ Божіею помощью, по немногу, достигнемъ добраго конца. Я думаю, что Вревскій сумѣетъ отличить настоящихъ виновниковъ, если они есть въ его округѣ, и тогда надо будетъ для примѣра нѣсколькихъ наказать“.

Привожу еще слѣдующія три письма князя Барятинскаго:

Слѣпцовская, 6 Іюня 1852 года.

„Всѣ лазутчики единогласно говорятъ, что Шамиль положительно отступилъ и распустилъ свое войско. Уже нѣсколько дней идетъ сильный дождь, такъ что всѣ ручейки въ горахъ превратились въ потоки и дороги вездѣ стали непроходимы. Мои войска возвратятся завтра. Ожидаю здѣсь сегодня Вревскаго, чтобы поговорить съ нимъ о событіяхъ минувшихъ и грядущихъ. Завтра отправлюсь въ Грозную и снова займусь тамъ дѣлами. Въ моемъ будущемъ письмѣ я напишу вамъ подробно о новомъ Чеченскомъ управленіи, открывшемъ уже свои дѣйствія; туземцы, кажется, имъ очень довольны. Я

очень вамъ благодаренъ, что вы прислали мнѣ гененала Багговута, человѣка съ истиннымъ мужествомъ, который горитъ желаньемъ отличиться. Такъ какъ мое здоровье требуетъ, чтобы я отправился въ Старый-Юртъ, то теперь я могу остаться спокойнымъ на случай тревогъ въ Грозной. При послѣднемъ движеніи я поручалъ Багговуту кавалерію. Всѣ войска пришли по моему требованію съ замѣчательной быстротой, и смѣю у васъ ходатайствовать для нихъ благодарности, въ особенности для Гребенскихъ казаковъ и Куринцевъ, которые сдѣлали 106 верстъ въ 33 часа".

Воды Стараго-Юрта, 9 Іюня 1852 г.

„Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ ваши два письма, одно доставленное мнѣ Іедлинскимъ и другое, гдѣ вы говорите о счастливой случайности, заставившей Семена уѣхать въ Ноябрѣ въ Тифлисъ. Радуюсь мысли скоро увидать Семена, во-первыхъ изъ за удовольствія его видѣть и во-вторыхъ потому, что мнѣ необходимо поговорить съ нимъ о дѣлахъ его полка".

„Будущее назначеніе Іедлинскаго въ Моздокскій полкъ меня очень радуетъ. Съ нѣкотораго времени носятся глухіе слухи на счетъ приготовленій, которыми занимается Шамиль, собираясь въ дальній путь. Одни говорятъ, что онъ идетъ на помощь къ Даніель-беку; другіе, что онъ еще не покинулъ свой планъ поднять Осетію и соединиться съ Махомедъ-Эминомъ. На Лѣвомъ флангѣ все идетъ отлично, солдаты заняты уборкою сѣна, чѣмъ я и пользуюсь: беру ванны въ Старомъ-Юртѣ, которыми очень доволенъ".

Воды Стараго-Юрта, 21 Іюня 1852 г.

„Въ теченіи послѣднихъ дней я оставался въ Ташъ-Кичу, гдѣ мнѣ надо было покончить съ нѣкоторыми дѣлами, и теперь я нахожусь здѣсь, въ Старомъ-Юртѣ, и беру ванны. Въ Грозной я оставилъ генерала Багговута съ надлежащими инструкціями, на случай тревоги; самъ же занимаюсь здѣсь вообще всѣми дѣлами. Вотъ нѣкоторыя подробности о Чеченскомъ управленіи. Судъ составленъ изъ предсѣдателя (Бартоломей), двухъ офицеровъ, его помощниковъ, одинъ по

административной, другой по исполнительной части и для начальства надъ милиціею (Машковъ и Бѣликъ); два переводчика, одинъ ученый и другой словесный (Касимъ и Бата), главный кади (Али-Мурза) и три старика для совѣта и для тѣхъ дѣлъ, которыя должны разбираться по адату (обычному праву). Весь персоналъ составленъ мною изъ самыхъ лучшихъ людей по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, какихъ я только могъ выбрать среди Русскихъ и Чеченцевъ. По случаю уразы (постъ у мусульманъ) на нѣкоторое время засѣданія этаго собранія закрыты; поэтому не могу еще подвергнуть окончательному обсужденію, какихъ дополненій или измѣненій потребуетъ эта организація. Это составитъ предметъ небольшой записки, надъ которой я теперь работаю и которая будетъ закончена къ вашему пріѣзду сюда; тогда я повергну на ваше усмотрѣніе мои дальнѣйшіе планы относительно этаго управленія. Чеченцы имѣютъ очень довольный видъ; имъ нравится, что о нихъ заботятся, а Кумыки просятъ теперь устроить и у нихъ тоже самое".

22-го Іюня изъ Боржома князя Воронцовъ отвѣчалъ:

„Пока нѣтъ ничего новаго, но черезъ день или два жду рапорта генерала Врангеля на счетъ его вступленія въ горы и, надѣюсь, что съ Божіею помощью, при содѣйствіи войскъ изъ Дагестана, онъ скоро прогонитъ Даніель-бека изъ нашихъ верхнихъ магаловъ. Сильный отрядъ горцевъ сдѣлалъ серьозное нападеніе на границы Нухинскаго уѣзда; но, благодаря хорошимъ распоряженіямъ и быстрому движенію полковника Корганова и подполковника Жукова, командира рабочаго отряда Военно-Ахтинской дороги, горцы были отовсюду оттиснуты, не имѣвъ возможности нанести намъ какой-либо вредъ".

„Надѣюсь, у васъ все спокойно; ожидаю вашихъ сообщеній о свѣдѣніяхъ отъ вашихъ лазутчиковъ относительно происходящаго въ Дагестанѣ и что дѣлаетъ Шамиль. Былъ слухъ, что онъ самъ хотѣлъ прибыть на помощь Даніельбеку и сдѣлать нападеніе на Кахетію; но я этому не вѣрю. Очень хотѣлъ бы я знать, куда онъ направился послѣ отступленія изъ вашихъ мѣстностей, пошелъ ли въ Андію собирать наибовъ и людей изъ Дагестана, или же уѣхалъ пре-

спокойно домой? Одинъ изъ лазутчиковъ генерала Граматина увѣрялъ, будто видѣлъ Шамиля и его свиту въ Назранѣ, гдѣ жители возмутились, и что это произошло какъ разъ въ то время, когда вы были тамъ съ храбрыми Куринцами. Я очень радъ, что вы довольны, имѣя въ своемъ распоряженіи ген. Баговута; это храбрый человѣкъ, и я прошу васъ передать ему мой привѣтъ, также и Бартоломею. Ожидаю съ нетерпѣніемъ подробностей, которыя вы мнѣ обѣщали насчетъ начала вашихъ мѣръ по администраціи мирными Чеченцами".

Слѣдующее письмо было отъ 27-го Іюня: „Около 15-го Іюля я покидаю Боржомъ и отправляюсь въ Ахалцыхъ и Ахалкалаки, оттуда поѣду въ Тифлисъ. Недѣли полторы я отдохну въ Коджорахъ и около 1-го Августа поѣду во Владикавказъ, а оттуда къ вамъ, гдѣ бы вы ни находились. У насъ будетъ время переговорить обо всѣхъ нашихъ дѣлахъ и о моихъ предположеніяхъ относительно зимнихъ предпріятій. Разумѣется, я ничего не рѣшу, не выслушавъ вашего мнѣнія и не согласившись вполнѣ съ вами. Послѣ моего посѣщенія Праваго фланга, если ничто мнѣ не помѣшаетъ, я отправлюсь черезъ Ейскъ и Бердянскъ въ Крымъ, куда надѣюсь прибыть въ началѣ Сентября. Я не хотѣлъ бы пробыть въ Крыму долѣе одной недѣли, или самое большое двухъ; но это будетъ зависить вполнѣ отъ рѣшенія, которое приметъ Государь въ своей поѣздкѣ на Югъ, для осмотра войскъ 5-го корпуса въ Вознесенскѣ. Генералъ Коцебу мнѣ пишетъ изъ Петербурга, что Императоръ имѣетъ намѣреніе быть тамъ въ концѣ Сентября. Такъ какъ мнѣ нѣтъ надобности одному быть въ Крыму долѣе 8 или 10 дней, то я, какъ только узнаю навѣрное о путешествіи Государя около конца Сентября, буду очень радъ пробыть нѣкоторое время съ вами, а на Правомъ флангѣ, можетъ быть, проѣду даже до Шуры. Во всякомъ случаѣ, если послѣ моего свиданія съ Государемъ, я ничего не узнаю въ Тамани о васъ, что меня могло бы удержать, то возвращусь въ Тифлисъ по Восточному берегу и черезъ Имеретію, такъ какъ мнѣ многое нужно осмотрѣть въ этой сторонѣ, гдѣ я не былъ съ 1849 года. Впрочемъ, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ рас-

полагаетъ; но это не мѣшаетъ все-таки составлять заранѣе, на сколько возможно, планы для будущаго".

„Въ общемъ ничего новаго нѣтъ. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ генерала Врангеля, который теперь долженъ быть въ горахъ. Съ Праваго фланга Евдокимовъ, которому все представляется въ преувеличенномъ видѣ, пишетъ мнѣ, что Магомедъ-Эминъ далекъ отъ того, чтобы предпринять что-нибудь, будучи покинутъ всѣми Абадзехами и другими племенами, которыхъ онъ созвалъ, такъ что возвратился почти одинъ. Прощайте, князь; письмо вышло довольно длиннымъ *), но это благодаря нашему доброму Мирскому: онъ пишетъ точно Англійскій адвокатъ, которому платятъ постранично и даже построчно, и потому старается растянуть письмо елико возможно длиннѣе".

Затѣмъ изъ Коджоръ, отъ 23-го Іюля, князь Воронцовъ писалъ: „Хочу сообщить вамъ о разговорѣ, который я имѣлъ въ Боржомѣ съ Хассаемъ относительно исторіи между Гиналъ-Гебекомъ, нашимъ бывшимъ другомъ Хаджи-Муратомъ и бывшимъ полковникомъ, а теперь генераломъ Майделемъ. Я обѣщалъ ему написать обо всемъ вамъ, такъ какъ не получилъ отъ васъ никакихъ извѣстій объ этомъ дѣлѣ, послѣ того какъ вы сами были на мѣстѣ. Онъ утверждаетъ, что его двоюродный братъ былъ причиною несправедливаго ареста Гиналъ-Гебека и другихъ, и что не всѣ князья были согласны съ этимъ, и такимъ образомъ все раздѣлилось на двѣ партіи. Хассай говорилъ, что Асланъ-ханъ Уцміевъ служитъ отлично и очень полезенъ на настоящемъ своемъ посту старшаго князя; но, быть можетъ, вы найдете справедливымъ дать ему маленькій урокъ за то оскорбленіе, которое онъ причинилъ Гиналъ-Гебеку, человѣку испытанному и служащему намъ такъ преданно. Затѣмъ онъ говоритъ, что никто не могъ бы разсудить этого дѣла такъ справедливо, какъ вы, и что всѣ должны подчиниться вполнѣ вашему рѣшенію. Вотъ все, дорогой князь, что я хотѣлъ вамъ сказать по этому поводу, и я прошу васъ увѣдомить меня,

*) Въ этомъ письмѣ было много подробностей о семейныхъ дѣлахъ князя Семена Михайловича и т. п...

какъ вы разрѣшите всю эту путаницу. Я съ живымъ интересомъ отношусь къ Гиналъ-Гебеку, такъ какъ онъ служилъ болѣе семи лѣтъ при мнѣ вѣрою и правдою, и это доказалъ въ особенности въ теченіи неудачныхъ 1843 и 1844 годовъ. Я припоминаю теперь разсказъ генерала Гурки, что когда онъ шелъ на помощь Пассеку, въ самый критическій моментъ, онъ вдругъ замѣчаетъ, что покинутъ всѣми туземцами и даже лучшими людьми Шамхала, исключая Гиналъ-Гебека, который одинъ остался съ нимъ, какъ это сдѣлалъ бы благороднѣйшій изъ Русскихъ".

„Вы вѣрно уже узнали, какъ удачно окончилась славная экспедиція противъ Даніель-бека на Лезгинской линіи, изгнаніемъ его изъ нашихъ верхнихъ магаловъ, причемъ мы не потеряли ни одного человѣка. Но, что болѣе всего важно, это устраненіе трудности переселенія всѣхъ жителей этихъ магаловъ, со всѣми семействами и съ ихъ имуществомъ, на плоскость. Еще въ 1850 году, когда я былъ на мѣстѣ и въ Лучекѣ, и когда мы рѣшили укрѣпить этотъ пунктъ, я былъ увѣренъ, что мы не будемъ имѣть ни мира, ни перемирія на Правомъ флангѣ Лезгинской линіи и во всей долинѣ Алазани, пока верхніе магалы не будутъ покинуты ихъ жителями; да это было необходимо и для нихъ самихъ: они сами не могли защищаться противъ непріятеля, защищать же намъ ихъ нѣтъ возможности по причинѣ суроваго климата; и такимъ образомъ они вынуждены были принимать и кормить всѣ отряды непріятеля, помогая ему въ набѣгахъ на насъ. Но въ 1850 году находившійся со мною генералъ Бельгардъ былъ вполнѣ неспособенъ ни понять, ни выполнить этой мѣры; затѣмъ другія важныя дѣла отвлекли меня отъ этого вопроса. И только теперь, благодаря глупому предпріятію Даніель-бека, мы могли взять на себя это дѣло, да и были достаточно сильны, чтобы переселить 15 ауловъ и болѣе 1500 семействъ, которыя, вслѣдствіе движенія Даніель-бека, ради собственнаго спасенія, почти всѣ, безъ исключенія, желали этой перемѣны въ своемъ существованіи. Шамиль долженъ быть крайне недоволенъ Даніель-бекомъ, который, имѣвъ безумное намѣреніе укрѣпиться и держаться въ странѣ намъ принадлежащей, кончилъ тѣмъ, что вынужденъ ее по-

кинуть, окончательно передавъ ее въ наши руки, и тѣмъ лишить Шамиля немалой пользы, приносимой ему населеніемъ верхнихъ магаловъ въ видѣ значительнаго денежнаго оброка“.

„Врангелю въ этомъ дѣлѣ была оказана сильная помощь вопервыхъ, четырьмя баталіонами, посланными ему княземъ Григоріемъ Орбеліани, и затѣмъ переговорами и сношеніями съ жителями, которые велъ нашъ храбрый Илико *), бывшій тамъ съ своими гренадерами, и наконецъ разумнымъ усердіемъ князя Тарханова. Теперь батальоны, посланные княземъ Григоріемъ, уже возвращены и, я думаю, его первая забота должна быть о возстановленіи порядка между подданными Шамхала, изъ которыхъ въ особенности аулъ Губденъ вышелъ совсѣмъ изъ повиновенія и постоянно производитъ разбои противъ насъ“.

„Несмотря на предсказаніе относительно конца байрама, Шамиль и его сподвижники во всѣхъ пунктахъ теперь остаются спокойными, и всеобщее уныніе съ каждымъ днемъ возрастаетъ въ Дагестанѣ“.

„Я не могу еще съ точностью опредѣлить время моего пріѣзда въ Владикавказъ; недѣля жары въ Боржомѣ мнѣ доказала сильнѣе, чѣмъ въ прошломъ году, что я болѣе не въ состояніи долгое время переносить подобную температуру, и теперь мнѣ необходимо, во что бы ни стало, возстановить свои силы въ болѣе свѣжемъ воздухѣ Коджоръ. Объ этомъ я вамъ напишу вѣроятно съ Семеномъ и надѣюсь дней черезъ 12 буду въ состояніи подумать объ отъѣздѣ. Очень хотѣлось бы васъ повидать, чтобы переговорить и согласиться съ вами насчетъ дѣлъ Чечни и вашихъ будущихъ предпріятій. Я пока ничего болѣе объ этомъ вамъ говорить не буду, но, думаю, вы сами видите, что теперь мы не можемъ вамъ дать подкрѣпленія, какъ вы прежде этого желали, изъ отрядовъ Вревскаго или Дагестанскихъ безъ того, чтобы не поставить въ опасность наши границы. Невозможно также

*) Орбеліани, командиръ Грузинскаго гренадерскаго полка.

обезсилить начальниковъ резервовъ, такъ какъ они должны быть всегда готовы слѣдить за непріятелемъ, который изъ своей центральной позиціи можетъ переноситься въ ту, или другую сторону нашихъ отдѣловъ и въ особенности къ тому или другому племени, гдѣ ему обѣщаютъ помощь или содѣйствіе. Если непріятель до сихъ поръ и не добился ничего, то это потому, что мы всегда готовы и достаточно сильны, чтобы его встрѣтить".

„Со стороны Праваго фланга, въ населеніи за Кубанью, господствуютъ также утомленіе и уныніе: тамъ часто сопротивляются и открыто не повинуются Магомедъ-Эмину. Кажется, это человѣкъ дѣятельный и разсудительный; онъ хотя воинъ и не важный, но пользуется симпатіею молодежи и вообще тѣхъ, которые живутъ только грабежами и безпорядками. Это обстоятельство, можетъ быть, будетъ мѣшать нѣкоторое время покоренію многихъ обществъ, гдѣ люди болѣе пожилые и благоразумные почти всѣ склонны подчиниться".

„Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ; о подробностяхъ же мы переговоримъ, когда я буду имѣть удовольствіе васъ видѣть. Отъ всего сердца желаю, чтобы воды Стараго-Юрта принесли вамъ пользу. Но пишите, какъ вы себя чувствуете и сообщите мнѣ подробности о ходѣ гражданскаго управленія мирными, и что̀ думаютъ объ этомъ немирные, въ особенности переселившіеся съ Мичика. Эти деревни на Мичикѣ очень меня занимаютъ, и послѣ всего, что̀ вы мнѣ говорите, я хотѣлъ бы надѣяться, что въ теченіи зимы мы съ этой стороны освободимся отъ сосѣдства непріятеля".

И опять оттуда же, 31-го Іюля: „Письмо это передаетъ вамъ Семенъ и сообщитъ, что наконецъ я опредѣлилъ свой маршрутъ на столько, на сколько можно опредѣлять что-нибудь на этомъ свѣтѣ. Уѣзжаю отсюда 11-го, два дня пробуду въ Тифлисѣ и 14-го надѣюсь быть на освященіи и открытіи моста въ Дарьялѣ, гдѣ мы съ Наслѣдникомъ положили первый камень. Въ этотъ же день, или на другой утромъ, мы думаемъ прибыть во Владикавказъ, гдѣ останемся до 18-го, и этого числа будемъ ночевать или въ станицѣ Михайлов-

ской или въ Алханъ-Юртъ; прибудемъ 19-го въ Воздвиженскую и останемся тамъ до 20-го или 21-го, 22-го думаемъ быть въ Грозной, а 23-го въ Червленной. Если ходъ леченія въ Старомъ-Юртѣ позволитъ вамъ встрѣтить меня во Владикавказѣ, это будетъ очень хорошо; мы можемъ тамъ переговорить и условиться о многихъ дѣлахъ съ Вревскимъ, Вольфомъ и др. Чтò меня особенно обрадовало бы, это пробыть все время съ вами, начиная съ 14-го и до 22-го или 23-го. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я говорилъ вамъ о своемъ мнѣніи относительно вашей зимней экспедиціи; Семену я передалъ объ этомъ лишь слегка. Надо держать наши планы въ полномъ секретѣ; это впрочемъ никѣмъ такъ хорошо не исполняется какъ вами".

„Теперь я прибавлю только, что ваши послѣдніе рапорты меня еще болѣе убѣждаютъ въ правильности предполагаемаго въ эту зиму движенія, которое принесетъ намъ много пользы и много вреда непріятелю. И вотъ на чемъ опять я основываю свое мнѣніе: во первыхъ, на продолжающихся хищныхъ происшествіяхъ около Алханъ-Юрта и Тепли-Кичу, затѣмъ на послѣдовательныхъ атакахъ непріятеля на Истису и, наконецъ, на безпокойствѣ мирныхъ въ Умаханъ-Юртѣ, которые хотятъ даже покинуть эту столь важную для насъ мѣстность. Все это заставляетъ меня думать, что самое главное для насъ—покорить или, вѣрнѣе, разорить до основанія все, чтò остается на Мичикѣ, и сдѣлать тоже самое съ непріятелемъ въ четырехугольникѣ долины, которая окружена съ Юга лѣсами и лѣсистыми частями Большой Чечни, съ Востока—Мичикомъ, съ Сѣвера—Сунжей и съ Запада—рѣкою Бассъ или Аргуномъ. Затѣмъ окончательно установить нашъ авторитетъ и спокойствіе на нашей линіи по Сунжѣ, уничтоживъ все, чтò могло бы остаться подозрительнаго, и съ небольшимъ количествомъ людей хорошенько осмотрѣть линію между Сунжею, Ачхоемъ, Урусъ-Мартаномъ и Воздвиженскою. Я думаю, что, по примѣру прошлаго года, въ два мѣсяца можно все это совершенно окончить и если даже Шамиль соберетъ опять значительныя силы, чтобы противустоять намъ, то его игра будетъ неудачна въ этихъ малолѣсистыхъ мѣстностяхъ,

гдѣ вы будете всегда имѣть удобное сообщеніе и находиться въ небольшомъ разстояніи отъ нашихъ укрѣпленій, съ той или другой стороны. Подумайте объ этомъ хорошенько, и, не говоря никому ни слова, сообщите мнѣ ваши мысли вообще; а о подробностяхъ мы согласимся, когда я буду имѣть удовольствіе видѣть васъ и пробыть съ вами нѣсколько дней. Если исполненіе всего этого возможно, какъ я надѣюсь, то наше общее положеніе значительно улучшится и то, что̀ насъ укрѣпитъ — ослабитъ непремѣнно непріятеля. Между тѣмъ, ваше гражданское управленіе должно идти впередъ".

„Мы только что упрочили нашу Лезгинскую линію, обративъ въ пустыню тѣ мѣста, по которымъ непріятель могъ всегда приходить къ намъ и которыя мы не могли защищать зимою. Я думаю, что мы также можемъ укрѣпить вашу позицію на Лѣвомъ флангѣ, разрушивъ все, что̀ не можетъ быть покорено въ главной части Большой Чечни и на Мичикѣ".

Глава XVII.

Мѣры Шамиля противъ выселенія Чеченцевъ.—Набѣгъ на Гурдали.—Письма объ этомъ князя Барятинскаго.—Пріѣздъ князя Воронцова и движеніе въ Шали.—Квасной анекдотъ.—Неудачный набѣгъ Чеченцевъ и письмо объ этомъ князя Барятинскаго.—Замыселъ Чеченскаго наиба убить князя Барятинскаго.—Письмо князя Воронцова.—Разореніе аула Хапкале.—Письмо объ этомъ князя Барятинскаго.—Еще письмо князя Воронцова.—Конецъ дѣйствій 1852 года.

Когда выселеніе къ намъ Чеченцевъ приняло, наконецъ, еще болѣе усиленные размѣры, Шамиль рѣшился прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ средствамъ противъ этого, крайне ему непріятнаго, обстоятельства. Онъ приказалъ собрать какъ можно больше тѣхъ Чеченскихъ семействъ, которыя были особенно озлоблены ихъ разореніемъ и пылали ненавистью къ Русскимъ, и поселить ихъ въ удобномъ мѣстѣ на берегу Мичика, съ тѣмъ, чтобы они, пользуясь близостью Кумыкской площади, безпрестанными набѣгами тревожили наши войска, наносили имъ, и особенно переселенцамъ изъ Чечни, какъ можно больше вреда, а вмѣстѣ съ тѣмъ составляли бы родъ прибрежной стражи, для пресѣченія выходцамъ кратчайшаго, удобнѣйшаго пути къ Русскимъ укрѣпленіямъ.

Распоряженіе Шамиля было исполнено, и въ аулѣ Гурдали, лежащемъ на самомъ берегу Мичика, было сосредоточено значительное число собранныхъ изъ разныхъ разоренныхъ нами ауловъ семействъ, которыя и принялись исполнять съ усердіемъ возложенную на нихъ задачу.

Князь Барятинскій рѣшилъ уничтожить этотъ притонъ враждебныхъ намъ людей. Въ Августѣ самъ онъ, по примѣру предыдущаго года, предпринялъ изъ Грозной движеніе въ Чечню, чтобы пожать плоды своихъ зимнихъ дѣйствій и по широкимъ просѣкамъ выдти на засѣянныя Чеченцами поля, истребить ихъ посѣвы, лишить средствъ существованія и способовъ продовольствовать зимою вспомогательныя горскія сборища. Въ тоже время князь приказалъ полковнику Бакланову, какъ старшему на Кумыкской плоскости, собравъ безъ огласки отрядъ, не менѣе трехъ батальоновъ, напасть

11 Августа на Гурдали и, по истребленіи его, возвратиться въ укрѣпленіе Куринское. Въ тотъ же день князь выступилъ изъ Грозной къ Шали, предполагая, что одновременное движеніе двухъ отрядовъ облегчитъ каждому исполненіе ихъ задачи, развлекая силы непріятеля и ставя его между двухъ огней.

Къ сожалѣнію, расчетъ не совсѣмъ оправдался. Тогда какъ Грозненскій отрядъ благополучно выполнилъ свою задачу и, почти безъ потерь, уничтожилъ много Чеченскихъ посѣвовъ, отрядъ Бакланова, хотя и ворвался въ Гурдали, сжегъ часть его и угналъ 300 штукъ скота, но при отступленіи чрезъ густой лѣсъ, при страшной въ 40° жарѣ, понесъ громадную потерю, весьма и весьма не соотвѣтствовавшую ни достигнутому результату, ни самой цѣли. У насъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными 14 офицеровъ и болѣе 250 нижнихъ чиновъ, 16 тѣлъ нашихъ было брошено въ лѣсу; были минуты, когда положеніе казалось безвыходнымъ....

И опять подтвержденіе высказанному мною выше, по поводу дѣлъ въ Малой Чечнѣ въ Январѣ 1852 года, что набѣги съ ничтожными результатами, а нерѣдко и вовсе безъ результатовъ, поглощали громадныя напрасныя жертвы, особенно, когда неосторожно рисковали предпринимать ихъ лѣтомъ въ лѣсистыхъ мѣстахъ; Чеченцы же, когда хотѣли и, по условіямъ, могли защищаться, безъ всякой поддержки Шамиля и его орудій, дѣлали это съ большимъ успѣхомъ. Впрочемъ, нужно сказать, что въ этотъ разъ опытный и смѣтливый Баклановъ весьма неудачно распоряжался движеніемъ отряда; а Бата̀, оказывавшій столько пользы, находясь при князѣ Барятинскомъ, здѣсь Бакланову не только не былъ полезенъ, но своими совѣтами наводилъ на сомнѣніе въ его искренности. Но война остается войною; безъ жертвъ, иногда и лишнихъ, она не обходится; неизбѣжны въ ней и ошибки, и непредвидимыя случайности; главное—конецъ вѣнчаетъ дѣло, а конецъ, именно благодаря князю Барятинскому, его соображеніямъ, рѣшимости и настойчивости, вскорѣ увѣнчалъ дѣло, какъ можно будетъ убѣдиться изъ дальнѣйшаго фактическаго изложенія хода событій на Кавказѣ.

Князь Барятинскій написалъ главнокомандующему слѣдующее письмо:

Старый-Юртъ, 16 Августа 1852.

„Чтобы помѣшать населенію Мичика переходить на нашу сторону и не допустить утвердиться тамъ равнодушному отношенію къ движеніямъ нашихъ войскъ, Шамиль нѣсколько времени тому назадъ вздумалъ вторично населить разоренный аулъ Гурдали людьми изъ самыхъ горячихъ фанатиковъ и наиболѣе ненавидящими Русскихъ. Это тѣже самые, которые съ новымъ наибомъ Иски производили всѣ набѣги, упомянутые въ вашемъ послѣднемъ ко мнѣ письмѣ. Они мнѣ причинили много непріятнаго; я видѣлъ, что упавшій было воинственный духъ Мичиковцевъ поднимается и что плоды моей зимней экспедиціи, если не потеряны совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ ослаблены. Надо было совершенно разрушить ихъ надежды однимъ ударомъ, выбравъ удобный моментъ, когда ихъ сѣно и хлѣбъ не были еще свезены въ аулы. Вотъ почему я рѣшился 11-го, 12-го и 13-го числа этого мѣсяца предпринять рѣшительную экспедицію, до основанія разрушить Гурдали и уничтожить сѣно и жатву въ Большой Чечнѣ. Успѣхъ превзошелъ мои ожиданія, благодаря храбрости нашихъ войскъ и разумной смѣлости ихъ начальниковъ. Гурдали болѣе не существуетъ; жители, послѣ сильнаго сопротивленія (причемъ мы понесли немало жертвъ) были всѣ перебиты, исключая 52 плѣнныхъ, отправленныхъ вмѣстѣ съ скотомъ въ Куринское. Сѣно и хлѣба на Мичикѣ, въ аулахъ Мезеинѣ, Шали, Зармай-Юртѣ, близъ Тепли, совершенно уничтожены. Потеря непріятеля громадна, но мы также многихъ лишились: у насъ болѣе 200 раненыхъ, изъ нихъ 10 офицеровъ и около 40 убитыхъ, въ томъ числѣ два офицера.“

„Могу смѣло сказать, что ни зимой, ни лѣтомъ непріятель не испытывалъ столь жестокихъ потерь и такого смертельнаго удара. На слѣдующій день погрома въ Гурдали, болѣе 30 семействъ Мичиковцевъ перешли на нашу сторону и присоединились къ населенію аула Истису. Я надѣюсь, что къ вашему пріѣзду число переселенцевъ еще значительно увеличится. Я не могу нахвалиться войсками, принимавшими участіе въ этомъ дѣлѣ. Генералы Баговутъ и Майдель, полковники Баклановъ, князь Семенъ и Николаи были мнѣ глав-

ными помощниками. Два послѣдніе, во главѣ своихъ храбрыхъ полковъ, снова покрыли себя честью и славою, и оба остались цѣлы и невредимы. Подъ Николаи только была убита лошадь; но его полкъ, къ несчастью, очень пострадалъ. Хотя я и далъ Бакланову въ проводники Бату; но думаю, что они лучше сдѣлали бы, выбравъ для отступленія болѣе дальнюю дорогу, именно ту, по которой я проходилъ зимою, вмѣсто того, чтобы двигаться по лѣсистой сторонѣ Мичика, подобной Ичкеринскимъ лѣсамъ. Если я вамъ теперь не посылаю еще подробнаго офиціальнаго рапорта обо всемъ этомъ дѣлѣ, то это лишь потому, что я не получалъ еще таковаго отъ Бакланова. Черезъ нѣсколько дней я перешлю вамъ его. Смѣю просить васъ оцѣнить жертвы и тяжелые труды офицеровъ и солдатъ, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ, вновь поощрить ихъ вашимъ милостивымъ словомъ и разрѣшить мнѣ сдѣлать представленіе о наградѣ наиболѣе отличившихся".

„P. S. Въ то время, когда я кончалъ письмо, пріѣхалъ князь Семенъ съ донесеніемъ о новой побѣдѣ, славной и необыкновенной по своей смѣлости и какъ нельзя болѣе кстати совершенной. Вчера съ разсвѣтомъ онъ проникъ въ Аргунское ущелье съ пятью ротами своего полка, овладѣлъ тремя аулами и сжегъ ихъ. Жители не хотѣли сдаться, дрались какъ львы и почти всѣ были перебиты. Его потеря очень незначительна: 50 раненыхъ и 10 убитыхъ, въ томъ числѣ одинъ убитый и 7 раненыхъ офицеровъ. Генералъ Пулло былъ тамъ когда-то съ 8-ю батальонами и потерялъ 500 человѣкъ. „Побѣдителя не судятъ", какъ говорила Екатерина Великая; но я не могу скрыть отъ васъ, что этотъ черезъ чуръ смѣлый ударъ былъ нанесенъ безъ моего вѣдома; стало-быть поступокъ не совсѣмъ правиленъ, что я, какъ начальникъ, и высказалъ князю Семену. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я не могъ скрыть отъ него мое удивленіе, съ какимъ умомъ, смѣлостью и энергіею было произведено это дѣло, которое стоило такой незначительной потери" *).

*) Ради исторической истины не могу скрыть, что князь Барятинскій въ этомъ письмѣ счелъ нужнымъ пощадить самолюбіе главнокомандующаго-отца и

Вскорѣ послѣ Августовскаго движенія князя Барятинскаго изъ Грозной за р. Бассъ, на Лѣвый флангъ пріѣхалъ главнокомандующій черезъ Заканъ-Юртъ, Урусъ-Мартанъ, въ Воздвиженскую. Отсюда князь Барятинскій устроилъ ему прогулку на Шали, въ окрестности Герменчука и Автура. Отрядъ состоялъ изъ всѣхъ пяти батальоновъ Куринскаго имени князя Воронцова полка, подъ командою сына его, князя Семена, при нѣсколькихъ сотняхъ казаковъ и множествѣ вновь покорившихся Чеченцевъ. У Автура, стоя на курганѣ, старый ветеранъ Наполеоновскихъ войнъ пропустилъ церемоніяльнымъ маршемъ свой полкъ съ развѣвающимися знаменами, подъ звуки полковой музыки, подъ громъ пушечныхъ выстрѣловъ. Мы торжествовали покореніе значительной части Большой Чечни, дальнѣйшее сопротивленіе которой было очевидною невозможностью: нищета ея замѣтно усиливалась, хлѣба уже не хватало для собственнаго продовольствія, вывозъ въ горы прекратился. Непріятель издали пикетами слѣдилъ за этимъ Русскимъ торжествомъ, по всей обстановкѣ едва-ли не единственнымъ на Кавказѣ, и въ тотъ день не раздалось ни одного съ его стороны выстрѣла. Само собою, главнокомандующій былъ въ восхищеніи и не могъ не сознавать, что онъ обязанъ этимъ кратковременной дѣятельности князя Барятинскаго.

Къ этому времени относится забавный случай, о которомъ не могу не разсказать здѣсь. По возвращеніи въ Грозную, князь Воронцовъ за обѣдомъ попросилъ напиться квасу. Квасъ чрезвычайно понравился. Князь Михаилъ Семеновичъ, выпивъ два-три стакана, говорилъ, что пилъ такой только въ Одессѣ и то рѣдко, и спросилъ у князя Александра Ивановича, откуда онъ его добываетъ? Князь затруднился

скрыть истину о полковомъ командирѣ-сынѣ. Попытка проникнуть въ Аргунское ущелье съ нѣсколькими ротами была одна изъ тѣхъ безцѣльныхъ выходокъ, которыя позволяли себѣ иногда на Кавказѣ частные начальники, не подвергаясь, къ сожалѣнію, строгой карѣ. Никакого результата подобное вторженіе въ тѣснину Аргуна имѣть не могло, а къ крупной потерѣ, по условіямъ мѣстности, слѣдовало быть готовыми; 60 солдатъ и 8 офицеровъ были совершенно напрасною жертвой, а фраза, что „жители почти всѣ перебиты“ есть только реторическая фигура, одна изъ тѣхъ, къ которымъ принято прибѣгать въ военныхъ реляціяхъ.

отвѣтомъ (самъ никогда квасу не пилъ), но стоявшій тутъ камердинеръ его сказалъ: „изъ госпиталя".

— За такое лакомство и я, и всѣ больные въ госпиталѣ обязаны вамъ, князь, и единственно вашему попеченію.

Князь Александръ Ивановичъ поклонился...

На другой день главнокомандующій, осматривая госпиталь, потребовалъ квасовара, благодарилъ его, похвалилъ за искусство, спросилъ, какой онъ губерніи, и когда тотъ сказалъ: „Кіевской, ваше сіятельство", князь Воронцовъ удивился и спросилъ:—гдѣ же ты научился такой квасъ дѣлать?

„Самоучкой, ваше сіятельство".

— Ну, молодецъ; а подай-ка намъ квасу.

Приносятъ стаканъ; князь Воронцовъ глотнулъ,—плюнулъ, передалъ князю Барятинскому; тотъ сдѣлалъ тоже. Главнокомандующій разсердился, сдѣлалъ выговоръ госпитальному начальству, а комисара приказалъ посадить на гауптвахту, тѣмъ болѣе, что замѣтилъ еще какіе-то безпорядки.

Князь Александръ Ивановичъ былъ сконфуженъ и серьезно огорченъ. Возвратясь домой, онъ призвалъ камердинера и спросилъ, откуда онъ взялъ квасъ, что подавалъ за обѣдомъ.

— Изъ госпиталя.

„Почему же въ госпиталѣ мы пробовали, квасъ оказался отвратительною мерзостью?"

— Очень просто; я его мѣшалъ пополамъ съ шампанскимъ...

Это не анекдотъ, а фактъ. Не отвѣчаю, впрочемъ, за вѣрность хронологическую; можетъ быть, это случилось и не въ другой пріѣздъ князя Воронцова въ Грозную. Послѣдствій, конечно, никакихъ это квасное приключеніе не имѣло.

—

Шамиль, какъ бы желая уничтожить впечатлѣніе, произведенное торжественнымъ проѣздомъ князя Воронцова и показать, что до покорности Чеченцевъ еще далеко, вскорѣ приказалъ собрать двѣ тысячи конныхъ и одною частью, появясь со стороны Ханкальскаго ущелья, отвлечь туда войска изъ Грозной, а другою въ это время ударить на мирный аулъ подъ Грозной, угнать весь скотъ и вообще наказать жителей за покорность Русскимъ.

Планъ былъ составленъ хорошо, партіи собраны лихія, исправныя, и по всей вѣроятности онѣ достигли бы полнаго успѣха, еслибы не тотъ же прошлогодній лазутчикъ, сообщившій ночью князю Барятинскому всѣ подробности. Такимъ образомъ, когда рано утромъ появилась для демонстраціи со стороны Ханкале партія, войска выскочили противъ нея, но сейчасъ же за крѣпостью повернули внизъ по Сунжѣ и встрѣтили на переправѣ преслѣдуемую съ другой стороны партію, гнавшую огромное стадо скота. Непріятель отъ такой неожиданной встрѣчи растерялся и тутъ-то, сжатый съ двухъ сторонъ казаками и мирными Чеченцами-хозяевами скота, былъ жестоко наказанъ: около 200 человѣкъ было изрублено и заколото, большая половина потеряла своихъ лошадей, спасаясь въ кусты, въ обрывы къ Сунжѣ. Повторилась, однимъ словомъ, исторія, бывшая ровно годъ тому назадъ. Уныніе распространилось по Чечнѣ всеобщее, а наибъ Талгикъ долгое время не рѣшался никуда выходить, опасаясь мщенія со стороны родственниковъ тѣхъ людей, которые погибли въ набѣгѣ подъ его начальствомъ. Отъ Шамиля, кромѣ того, досталось ему жестоко, и онъ выслушалъ отъ Имама всенародное названіе трусомъ.

Объ этомъ происшествіи князь Барятинскій послалъ князю Воронцову слѣдующее письмо:

Грозная, 19-го Сентября 1852 года.

„Послѣ смотра, который вы произвели въ Шали и послѣ нашихъ побѣдъ въ Августѣ мѣсяцѣ, вліяніе Шамиля въ Чечнѣ очевидно ослабѣло. 15-го числа Имамъ собралъ въ Веденѣ всѣхъ наибовъ и порѣшилъ съ общаго согласія нанести здѣсь рѣшительный ударъ нашимъ войскамъ, дабы удержать свою власть, отомстить и поднять нравственный духъ жителей. Предупрежденный объ этомъ лазутчиками, я могъ прослѣдить все шагъ за шагомъ“.

„17-го числа, въ три часа пополудни, болѣе 2000 всадниковъ съ семью наибами окружили со всѣхъ сторонъ Грозную. Въ одно мгновеніе весь нашъ скотъ былъ захваченъ, и жители, находившіеся въ полѣ, забраны. Но одна рота вашего полка (Куринскаго), заранѣе поставленная въ засаду

чтобы защитить работавшихъ въ полѣ, бросилась на непріятеля въ штыки. Весь нашъ гарнизонъ, заранѣе подготовленный, вышелъ въ одно мгновеніе ока. Непріятельская конница пробовала атаковать его; но наши храбрые казаки и милиція, поддерживаемые пѣхотою и сильнымъ огнемъ артиллеріи, разбили всю непріятельскую колонну. Совершенно опрокинутые, они искали спасенія въ бѣгствѣ. Вся добыча до послѣдней штуки скота была отбита, и 62 тѣла остались въ нашихъ рукахъ. Потеря непріятеля значительна, какъ ранеными такъ и мертвыми; 10 плѣнныхъ, много лошадей и оружія также достались побѣдителямъ. Часть раненыхъ Чеченцевъ была унесена теченіемъ Сунжи".

„Вы позволите мнѣ умолчать относительно нравственнаго впечатлѣнія, произведеннаго этимъ дѣломъ. Вы сами отлично знаете духъ и настоящее положеніе этого народа, чтобы не предвидѣть послѣдствій такого полнаго пораженія. Съ другой стороны, я не могу умолчать о моемъ восхищеніи войсками. Обращаю особенное ваше вниманіе на казаковъ и милицію. Я надѣюсь, вы разрѣшите мнѣ сдѣлать представленіе о наиболѣе причастныхъ къ этой побѣдѣ. Позвольте мнѣ въ особенности отмѣтить генерала Майделя, полковника Бартоломея, подполковника Камкова, капитана Бѣлика, подпоручика Машкова, и многихъ другихъ, имена которыхъ находятся въ спискѣ; копію съ него я пришлю вамъ съ моимъ адъютантомъ княземъ Гагаринымъ. Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ и можетъ сообщить вамъ тѣ подробности, которыя могли отъ меня ускользнуть".

„Вообще дѣла Лѣваго фланга и, насколько я знаю, дѣла моихъ сосѣдей, Дагестана и Владикавказа, въ самомъ удовлетворительномъ состояніи. Съ весны уже, гдѣ бы непріятель ни показался, вездѣ ему наносили уронъ. Нѣсколько дней тому назадъ Баклановъ жестоко разбилъ наиба Иски при Истису, и онъ едва не былъ тамъ схваченъ. Въ Воздвиженской все идетъ превосходно. Согласно вашимъ приказаніямъ, на Кумыкской плоскости начали рыть каналы. Кромѣ той пользы, которую мы отъ этого получимъ населеніемъ пространства въ 37000 десят., мы, изборороздивъ эту плоскость, помѣшаемъ непріятелю производить здѣсь свои набѣги. Я

надѣюсь окончить эту работу ранѣе зимы. Что касается до записки, которую вы мнѣ приказали составить относительно пользы моста у Наура, я пришлю вамъ ее при слѣдующемъ письмѣ; въ настоящее время я собираю всѣ необходимыя по этому предмету свѣдѣнія. Черезъ нѣсколько дней я начну инспекторскій смотръ дивизіи".

Озлобленіе Талгика противъ князя Барятинскаго за двухкратное пораженіе и вообще за всѣ послѣднія дѣла въ Чечнѣ не имѣло границъ. Съ чисто-Азіатскою подлостью, онъ рѣшился отомстить самымъ гнуснымъ, коварнымъ образомъ. Призвавъ одного изъ своихъ родственниковъ, Чеченца лѣтъ 22-хъ, онъ убѣдилъ его взять на себя рискованное порученіе убить князя Барятинскаго. Для этого Чеченецъ долженъ былъ бѣжать, изъявить якобы покорность Русскимъ, поселиться въ аулѣ Ячинъ-Юртъ, построенномъ подъ стѣнами Грозной, и тутъ искать удобнаго случая для исполненія адскаго замысла. Молодой Чеченецъ, очень бойкій, ловкій, красивый и приличный, явился въ Ячинъ-Юртъ, и аульный старшина представилъ его князю, который очень ласково его принялъ и, по просьбѣ старшины, зачислилъ въ свой конвой, въ которомъ, кромѣ казаковъ, находилось до 25-ти человѣкъ мирныхъ Чеченцевъ. Постепенно князь полюбилъ этого молодаго джигита и оказывалъ ему особенныя ласки.

Князь Барятинскій часто выѣзжалъ верхомъ для прогулокъ за крѣпость и бралъ съ собою лишь ординарца-урядника, да 3—4 Чеченцевъ, въ числѣ которыхъ неоднократно ѣздилъ и означенный, подосланный Талгикомъ человѣкъ. Случаевъ убить князя у него, такимъ образомъ, было очень много и весьма удобныхъ; даже при неизбѣжныхъ въ такихъ происшествіяхъ замѣшательствахъ, сидя на добромъ скакунѣ, онъ могъ расчитывать и ускакать безнаказанно; но онъ не рѣшился посягнуть на жизнь человѣка, оказавшаго ему столько довѣрія и ласки: у него, полудикаго сына воинственно-хищной Чечни, не поднялась рука на такое подлое дѣло. Очарованіе, производимое княземъ на всѣхъ его окружавшихъ, было настолько сильно, что ему не могъ не подчиниться и этотъ человѣкъ, пришедшій съ злымъ намѣреніемъ... Много времени спустя, когда князь уже уѣхалъ съ Лѣ-

ваго фланга, преступный замыселъ Талгика былъ открытъ: подкупленный имъ Чеченецъ самъ сознавался начальнику Чеченцевъ Бѣлику и говорилъ, что сразу почувствовалъ такое уваженіе къ князю Барятинскому, какое можно чувствовать только къ отцу, и потому отказался отъ исполненія взятаго на себя порученія. Неизвѣстно, узналъ ли объ этомъ когда-нибудь самъ князь Александръ Ивановичъ.

Привожу опять нѣсколько интересныхъ писемъ князя Воронцова.

Изъ Ейска, отъ 13-го Сентября:

„Я не хочу покинуть Кавказъ, хотя бы и на короткое время, безъ того чтобы не написать вамъ нѣсколько словъ. Но прежде всего я долженъ поблагодарить васъ отъ всего сердца за все, что́ я видѣлъ у васъ и въ особенности за ту очаровательную прогулку, которую вы устроили намъ изъ Воздвиженской и которая никогда не будетъ забыта ни однимъ изъ участвовавшихъ въ ней“.

„Я думаю, она произвела немалое впечатлѣніе въ горахъ. Очень прошу васъ сообщить мнѣ все, что̀ касается до этого, а въ особенности о нашемъ другѣ Шамилѣ. Съ тѣхъ поръ какъ я васъ покинулъ, я имѣю только однѣ хорошія извѣстія со всѣхъ сторонъ. На Правомъ флангѣ я нашелъ все спокойнымъ, а Евдокимова болѣе довольнымъ и ободреннымъ, чѣмъ онъ обыкновенно бываетъ. Это вполнѣ военный человѣкъ и очень разумный; но событія 1843 года вселили въ него полное недовѣріе ко всему и заставили его смотрѣть на непріятеля всегда въ преувеличенномъ свѣтѣ“.

„Не менѣе удовольствія доставили мнѣ дѣйствія князя Эристова по новой должности атамана линейныхъ казаковъ и генерала Граматина по дѣламъ центра“.

„Генералъ Реадъ не могъ слѣдовать сюда за мною; онъ все еще помнитъ про свое столкновеніи съ нашимъ добрымъ Викентіемъ Михайловичемъ (Козловскимъ). Онъ возвратился на воды въ Пятигорскъ, и если совершенно поправится, то присоединится къ намъ въ Тамани, послѣ рѣшенія маршрута моей поѣздки обратно въ Грузію сухимъ путемъ, или по восточному берегу Чернаго моря. Здѣсь, въ Ейскѣ, я былъ удивленъ преуспѣяніемъ этого новаго города;

я скорѣе назвалъ бы его *Чародѣевъ* (фамилія мѣстнаго начальника), такъ какъ дѣйствительно нужна была его сила воли, чтобы достигнуть такого успѣха".

„Вчера былъ сильный вѣтеръ, и мы не въ состояніи были сѣсть на пароходъ. Сегодня утромъ погода стихла. Я надѣюсь быть на „Эльборусѣ", ранѣе заката и увидѣть восходъ солнца уже въ Бердянскѣ. Адмиралъ Серебряковъ отправился къ мысу Адлеру, такъ какъ распространился слухъ о нѣкоторыхъ движеніяхъ Магометъ-Эмина съ Убыхами; но мнѣ сказали, что онъ надѣется быть въ Керчи къ моему прибытію".

Въ письмѣ изъ Алупки, отъ 18-го Сентября, князь прибавляетъ: „Князь Григорій Орбеліани мнѣ пишетъ, что наша прогулка 28-го Августа въ Большой Чечнѣ поразила и обезпокоила настолько Шамиля, что онъ послалъ собирать отряды по всему Дагестану. Надѣюсь, вы мнѣ сообщите обо всемъ, чтò узнаете относительно этого и вообще чтò дѣлается въ горахъ".

6-го Октября изъ Грозной князь Барятинскій писалъ князю Воронцову:

„Князь Семенъ имѣлъ на дняхъ, около Воздвиженской, блестящее дѣло, гдѣ непріятелю нанесено сильное пораженіе; я не получалъ еще отъ него рапорта и все чтó знаю пока не болѣе какъ слухи, доставленные мнѣ лазутчиками. Послѣ завтра самъ поѣду въ Воздвиженскую. Вчера я возвратился съ Кумыкской плоскости, гдѣ все находится въ полномъ порядкѣ. Теперь тамъ заняты работами по проведенію канавъ. Кабардинскій полкъ очень ослабленъ потерями, которыя онъ понесъ за послѣднее время: тамъ не хватаетъ цѣлаго баталъона. Пополнить составъ этого прекраснаго полка до начала зимней кампаніи, дѣло крайней важности; безъ этого я боюсь, чтобы онъ не разстроился; офицеровъ тамъ также очень мало".

„Если я найду свободное время, то, съ вашего позволенія, пріѣду въ Тифлисъ на 8 или 10 дней передъ началомъ зимней экспедиціи, чтобы офиціально переговорить съ вами. Еслибы Майдель не возвратился, я хотѣлъ бы имѣть Кишинскаго на его мѣстѣ; онъ въ тоже время могъ бы замѣ-

пить Бартоломея. Съ его энергiею и знанiемъ туземцевъ онъ могъ бы быть намъ очень полезенъ, и кромѣ того на время моихъ отсутствiй я имѣлъ бы всегда человѣка, который меня замѣститъ и на котораго я могу вполнѣ положиться. На этихъ дняхъ я пришлю вамъ записку, которую вы мнѣ велѣли составить относительно важности моста чрезъ Терекъ у Наура; ожидаю справокъ о линiи отъ Сунжи до Моздока и Наура. За тѣмъ, посовѣтовавшись съ Ивановымъ, могу представить уже всѣ собранныя мною заключенiя. Если вы найдете нужнымъ сдѣлать нѣсколько возраженiй или замѣчанiй, по поводу разныхъ подробностей,—я прошу васъ написать мнѣ объ этомъ, чтобы я могъ пополнить свою записку".

Между тѣмъ князь Воронцовъ отправилъ князю Барятинскому слѣдующее письмо изъ Алупки, отъ 5-го Октября:

„Не теряю ни минуты, я посылаю вамъ сегодня же чрезъ Гагарина копiю съ приказа отъ 1-го Октября, гдѣ вы увидите: 1) что вы утверждены въ вашихъ настоящихъ должностяхъ начальника 20-й дивизiи и Лѣваго фланга; 2) благодаря вашей благосклонности, Семенъ и Баклановъ произведены въ генералъ-маiоры. Никто изъ насъ не забудетъ, что это вамъ обязаны мы такимъ повышенiемъ по службѣ Семена. Да благословитъ и сохранитъ его Господь, какъ это было до сихъ поръ! Затѣмъ вы увидите, что онъ зачисленъ въ свиту съ оставленiемъ командиромъ Куринскаго полка. Чавчавадзе обязанъ также вамъ своимъ повышенiемъ; я писалъ и говорилъ Государю, что вы были имъ очень довольны въ теченiе всей вашей зимней кампанiи. Государь самъ пожелалъ подписать этотъ приказъ 1-го Октября, отложивъ производство за отличiе по службѣ до Николина дня".

„Въ теченiе 10-ти дней, предъ отъѣздомъ въ Севастополь и во время моего тамъ пребыванiя, я былъ очень разстроенъ и слабъ. Теперь я поправляюсь, но долженъ былъ всетаки отказаться отъ поѣздки въ Одессу и отдохнуть здѣсь. Я разсчитываю выѣхать отсюда 12-го и съ Божiею помощью прибыть въ Тамань не позже 14-го или 15-го. Надѣюсь получить тамъ извѣстiя отъ васъ и выѣхать оттуда въ Тифлисъ, какъ мнѣ хотѣлось бы и какъ мнѣ необходимо, т.-е. по восточному берегу и черезъ Имеретiю".

„Кончаю тѣмъ, съ чего мнѣ нужно было бы начать: благодарю васъ горячо за ваши новости, которыя вы мнѣ прислали черезъ Гагарина. Вамъ будетъ пріятно узнать, что Государь читалъ вашъ рапортъ съ крайнимъ удовольствіемъ и говорилъ о немъ со всею свитою, такъ какъ я его послалъ Адлербергу ранѣе, чѣмъ самъ увидѣлъ Государя. Сохраненіе тайны и разумность вашихъ распоряженій (отъ чего вполнѣ зависѣли успѣхи) не могли быть иначе оцѣнены".

Изъ Тамани, отъ 17-го Октября. „Вчера я нашелъ здѣсь ваше письмо отъ 6-го; благодарю васъ горячо за все, что́ вы мнѣ пишете. Семенъ меня также увѣдомляетъ объ удачномъ дѣлѣ, которое онъ имѣлъ и о неуспѣхѣ Талгика близъ Воздвиженской. Я всегда радуюсь, когда наши мирные такъ хорошо защищаются противъ своихъ единовѣрцевъ, предводимыхъ лучшими наибами Шамиля. Вообще, вы съумѣли поставить Чеченцевъ почти въ отчаянное положеніе. Шамиль долженъ быть очень опечаленъ; но это лишній поводъ, чтобы быть осторожнѣе повсюду и, главное, имѣть всегда подъ рукою резервы. Онъ еще будетъ драться отчаянно и испытывать судьбу; можно ожидать еще нѣсколько дерзкихъ попытокъ; но, благодаря вашей бдительности, я надѣюсь, онъ нигдѣ не будетъ имѣть успѣха, и наша система терпѣнія, но терпѣнія вооруженнаго и мужественнаго, приведетъ дѣло къ концу. Обстоятельства сложатся такъ, что мы будемъ въ состояніи ослабить вліяніе Шамиля въ Дагестанѣ и на тѣхъ Чеченцевъ, которые находятся еще теперь подъ его желѣзной рукою".

„Радуюсь при мысли увидѣть васъ въ Тифлисѣ; я напишу вамъ оттуда сейчасъ же по моемъ прибытіи (что́, какъ я надѣюсь, будетъ въ первыхъ числахъ Ноября), а вы между тѣмъ опредѣлите время вашей поѣздки. Чѣмъ ранѣе она состоится, тѣмъ лучше; но надо будетъ рѣшить, кому передать начальство надъ Лѣвымъ флангомъ на время вашего отсутствія. Семенъ мнѣ пишетъ, что отношенія Чеченцевъ къ Шамилю становятся съ каждымъ днемъ все хуже. Сообщите мнѣ обо всемъ, что́ узнаете относительно Мичика и

новаго поселенія въ Истису и продолжается ли къ намъ, хотя частями, переходъ жителей изъ Большей Чечни".

Изъ Тифлиса, отъ 7-го Декабря: „Мы написали официально князю Григорію *) о великой пользѣ движенія съ его стороны въ Салатавію, въ одно время съ началомъ вашихъ зимнихъ дѣйствій. Эта диверсія послужитъ отвлеченіемъ и помѣхою для Шамиля собрать значительныя силы противъ васъ въ Большой Чечнѣ. Я написалъ ему, между прочимъ, и частное письмо, очень подробное, которое онъ покажетъ князю Аргутинскому, какъ только тотъ пріѣдетъ его смѣнить. Впрочемъ, прежде чѣмъ мы подумали ему написать, князь Григорій самъ снарядилъ экспедицію подъ начальствомъ генерала Волкова, который доходилъ до самаго Бортуная, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. По краямъ Тереггула онъ нашелъ стѣну длиною отъ 4 до 5 верстъ, которую Шамиль выстроилъ, и которая вѣроятно можетъ послужить ему также, какъ и знаменитый большой окопъ въ Шали... Волковъ не нашелъ тамъ ни единаго защитника этой стѣны и разрушилъ часть ея, чтобы показать уваженіе, которое мы къ ней имѣемъ. Оффиціальнаго и подробнаго рапорта объ этомъ маленькомъ движеніи еще не получено, но какъ только я его получу, сейчасъ же пришлю вамъ копію. Подобное дѣло непремѣнно произведетъ хорошее дѣйствіе, потому что это докажетъ Тавлинцамъ, что мы можемъ отправиться ихъ искать къ нимъ же, какъ скоро у нихъ явится желаніе идти на помощь къ Чеченцамъ. Это можетъ также служить хорошимъ предлогомъ для тѣхъ, которые не хотятъ идти въ Чечню; они могутъ объяснить Шамилю, что имъ невозможно отлучаться, когда они сами должны ожидать нападенія Русскихъ. Князь Орбеліани пишетъ также на счетъ Халатъ-еффенди, называя его Халатъ-Дебиръ, который въ настоящее время находится въ Владикавказѣ; онъ приходится братомъ извѣстному Калвацъ-Дебиру, личности очень важной въ Дагестанѣ. Князь Аргутинскій мнѣ говорилъ, что въ отношеніи религіозныхъ дѣлъ это единственный человѣкъ, могу-

*) Орбеліани, исправлявшему тогда должность отсутствующаго князя Аргутинскаго.

щій замѣнить Шамиля. Калвацъ-Дебиръ былъ долгое время наибомъ въ Карату, и Шамиль поручилъ ему съ самаго начала своего сына Кази-Магому; но затѣмъ они перессорились между собою во время недоразумѣній съ Хаджи-Муратомъ, и съ тѣхъ поръ онъ находится въ опалѣ и въ подозрѣніи. Говорятъ, что Шамиль глубоко опечаленъ отъѣздомъ Халатъ-Дебира, а также свѣдѣніями, доставляемыми ему о Даніель-бекѣ. Шамиль видѣлъ, будто бы, что Даніель-бекъ серьезно хотѣлъ перейти къ намъ, и учредилъ надъ нимъ въ Ирибѣ надзоръ чрезъ шайку людей, преданныхъ Имаму; обязанность ихъ постоянно наблюдать за поступками бывшаго султана Элисуйскаго.

*

На лѣвомъ берегу Аргуна оставался единственный непріятельскій аулъ, гнѣздившійся въ труднопроходимой лѣсной чащѣ, на восточномъ скатѣ Ханкальской горы, почти у самой дороги изъ Грозной въ Воздвиженскую. Жители его дѣлали это важное для насъ сообщеніе крайне опаснымъ; ходить можно было только подъ прикрытіемъ значительной колонны съ артилеріею, иначе подвергались безпрестаннымъ нападеніямъ; малѣйшая неосторожность, отлучка на нѣсколько сотъ саженъ отъ колонны, влекли за собою смерть или плѣнъ. Жившіе въ этомъ аулѣ Чеченцы, увѣренные въ неприступности мѣстности и невозможности внезапнаго на нихъ нападенія нашихъ войскъ, съ поразительною дерзостью, какъ бы смѣясь надъ близкимъ нашимъ сосѣдствомъ, упражнялись въ хищническихъ продѣлкахъ и долго оставались безнаказанными. Но насталъ, наконецъ, и ихъ часъ...

Князь Барятинскій, со свойственнымъ ему умѣніемъ скрыть свои намѣренія (а въ этомъ-то и заключался весь залогъ успѣха), 14-го Декабря 1852 года, собралъ самымъ незамѣтнымъ образомъ отрядъ и ночью такъ скрытно пробрался къ аулу, по едва виднымъ тропинкамъ, чрезъ лѣсъ и овраги, что жители были захвачены въ расплохъ. Тѣмъ не менѣе, они оказали отчаянное сопротивленіе. Однако это не спасло аула отъ совершеннаго истребленія и все что не успѣло бѣжать за Аргунъ, было захвачено. Потери наши

были незначительны. Князь поступилъ съ жителями самымъ великодушнымъ образомъ: оставилъ весь скотъ и уцѣлѣвшее имущество въ ихъ рукахъ и переселилъ ихъ въ мирные аулы близъ Грозной. Сообщеніе наше было съ тѣхъ поръ обезпечено. Донесеніе объ этомъ дѣлѣ князь отправилъ въ Тифлисъ съ состоявшимъ при немъ маіоромъ В. В. Зиновьевымъ, и кромѣ того въ частномъ письмѣ писалъ слѣдующее:

Грозная, 16 Декабря 1852 года.

„Согласно вашему желанію, чтобы аулъ Ханкале и занятая имъ мѣстность оказалась въ нашихъ рукахъ, я собралъ 14-го числа сего мѣсяца войска и 15-го, разрушивъ этотъ аулъ, возвратился въ Грозную съ большою добычею: 350 плѣнныхъ и болѣе 3000 головъ скота! Всѣ распоряженія были отданы согласно съ тѣмъ, что́ во время моего пребыванія въ Тифлисѣ было вами одобрено; результатъ получился полный. Наша потеря незначительна: 2 убитыхъ и 9 раненыхъ. Я остался очень доволенъ Куринскимъ полкомъ. Посылаю вамъ подробный рапортъ черезъ Зиновьева, который дастъ вамъ всѣ свѣдѣнія, какія вы пожелаете имѣть: онъ все время находился со мною и знаетъ всѣ подробности этого дѣла. Я полагаю, что такое пораженіе можетъ быть крайне важно для всей остальной Чечни, гдѣ это случилось въ первый разъ. Будьте добры дать Зиновьеву ваши секретныя приказанія какъ поступать съ плѣнниками, если подобный случай повторится, и прошу васъ также не отказать въ вашемъ согласіи на то, что́ уже сдѣлано для настоящихъ плѣнныхъ. Маіору Зиновьеву поручено представить вамъ всѣ касающіяся этого предмета подробности. Вчера я получилъ ваше письмо отъ 7-го числа; но отъ князя Григорія Орбельяни нѣтъ никакихъ извѣстій относительно диверсіи, о которой вы мнѣ говорите“.

На это письмо главнокомандующій отвѣчалъ князю Барятинскому отъ 20-го Декабря:

„Не могу достаточно отблагодарить васъ за донесенія, привезенныя Зиновьевымъ. Какъ я всегда говорилъ, вы дѣлаете все и лучше и скорѣе, чѣмъ можно ожидать. Истребленіе вами этаго разбойничьяго гнѣзда—Ханкале, было дѣломъ

вполнѣ славнымъ. Вы разрушили его совершенно и какъ нельзя болѣе разумно. Это событіе принесетъ много пользы вашей зимней кампаніи, такъ какъ, съ одной стороны, вы поселили страхъ между тѣми, которые намъ сопротивляются, а съ другой, оказываете столько преимущества покоряющимся намъ и дѣлаете имъ столько снисхожденія. Зиновьевъ вамъ передастъ, что я, не дочитавъ еще вашего письма и не выслушавъ еще словеснаго порученія, которое вы ему дали, сказалъ, что необходимо поступить какъ можно милостивѣе и разумнѣе съ жителями этаго разореннаго аула, чтобы сильнѣе нравственно подѣйствовать на тѣхъ, которые позже подвергнутся вашимъ нападеніямъ, и что это не будетъ дѣломъ труднымъ, послѣ того какъ ваши войска вели себя при взятіи этаго аула, убивая только сопротивлявшихся и щадя прочихъ. Тысячу разъ повторяю вамъ свою благодарность за этотъ новый подвигъ, свершенный непосредственно за цѣлымъ рядомъ такихъ же, которые такъ славно ознаменовали ваше начальство надъ Лѣвымъ флагомъ".

„Пишу вамъ офиціально на счетъ продовольственныхъ припасовъ, которые мы должны послать перешедшимъ на нашу сторону. Посылаю вамъ 22 Георгіевскихъ креста, по тому расчету, который мы здѣсь сдѣлали съ Зиновьевымъ и Вольфомъ, а также согласно просьбѣ Семена за его штуцерниковъ".

Отъ 21-го Декабря: „Надѣюсь, что вы пришлете намъ, какъ можно скорѣе, списокъ тѣхъ офицеровъ, которыхъ вы хотите представить къ наградѣ, и думаю вы представите Ляшенку *) къ 3-й степени Владимира. Составляя завтра рапортъ для Государя, я испрошу для васъ особенное благоволеніе Его Величества, и полагаю доставить вамъ удовольствіе, представивъ Зиновьева къ чину подполковника; надѣюсь, что, въ виду прекраснаго случая, не затруднятся утвержденіемъ, не взирая на то, что онъ еще столь короткое время въ настоящемъ чинѣ.

---

*) Полковникъ Ляшенко—правая рука князя Семена Михайловича въ Куринскомъ полку и впослѣдствіи командиръ этого полка.

„Я увѣренъ, что вы примете всѣ мѣры, какъ того требуютъ обстоятельства, чтобы аулъ Ханкале не былъ занятъ вновь непріятелемъ“.

„Ваше славное дѣло избавило насъ отъ позора имѣть непріятельскій аулъ на нашей землѣ; ибо лѣвую сторону Аргуна, послѣ постройки Воздвиженской и вообще такъ близко отъ нашей большой дороги, я долженъ считать нашею землею, или по меньшей мѣрѣ нейтральною; это пространство никогда не должно служить Шамилю и его наибамъ ни для обработки, ни для опоры въ хищничествахъ на пути нашихъ транспортовъ и оказій. Сообщите мнѣ ваше мнѣніе по этому вопросу. Также прошу васъ извѣстить, какое вліяніе произвело ваше блестящее дѣло на Чеченцевъ и на самого Шамиля; я думаю, что эфектъ въ нашу пользу во всякомъ случаѣ громадный. Вѣроятно все это много уменьшитъ затрудненія для вашихъ зимнихъ предпріятій. Можетъ быть, аулы на Мичикѣ предпочтутъ покориться, чѣмъ раздѣлить участь Ханкале. Но, можетъ быть, еще не смѣя подчиниться на мѣстѣ, они рѣшатъ перейти съ имуществомъ по ту сторону хребта, въ треугольникѣ Кумыкской плоскости, который вы назначили для покорившихся Чеченцевъ. Сообщите мнѣ обо всемъ, чтó знаете и какъ вы объ этомъ думаете“.

„Вчера я получилъ отъ князя Григорія *) письмо, копію съ котораго посылаю вамъ. Это письмо доставитъ вамъ большое удовольствіе, такъ какъ оно вполнѣ согласно съ вашимъ мнѣніемъ объ этомъ человѣкѣ, который по истинѣ такъ милъ и благороденъ, совершенно въ вашемъ вкусѣ, какъ воинъ и администраторъ“.

„Онъ говоритъ, что написалъ вамъ непосредственно; я вамъ совѣтую (впрочемъ это зависитъ отъ васъ) находиться съ нимъ въ прямыхъ сношеніяхъ для пользы вашихъ взаимныхъ дѣйствій, чтобы какъ можно вѣрнѣе обезпечить ихъ

*) Орбеліани.

успѣхъ. Надѣюсь, что, въ особенности послѣ вашего дѣла, вы не будете имѣть противъ себя много Тавлинцевъ".

„Совѣтую вамъ, когда вы будете имѣть надобность въ перепискѣ съ княземъ Григоріемъ, то посылайте письма черезъ нарочныхъ вѣрныхъ и расторопныхъ, такъ какъ на обыкновенныхъ дорогахъ теряется много времени, а дороже времени ничего не можетъ быть въ мірѣ... Каждое письмо отъ васъ важно; пусть вашему посланному снаряжаютъ нарочную, вполнѣ безопасную оказію изъ Хасавъ-Юрта черезъ Чиръ-Юртъ въ Шуру и такимъ же образомъ обратно".

„Генералъ Вольфъ сказалъ мнѣ вчера, что вамъ можетъ быть нуженъ будетъ еще батальонъ для зимней кампаніи, и что Вревскій въ своемъ настоящемъ положеніи не могъ бы послать вамъ четыре батальона; потому что одинъ батальонъ, на который онъ расчитывалъ съ Праваго фланга, долженъ тамъ и остаться, вслѣдствіе моего словеснаго согласія, которое я будто далъ Заводовскому, когда мы были въ Кисловодскѣ. Это согласіе было передано оффиціально на бумагѣ Заводовскимъ Вольфу въ Октябрѣ; но, между прочимъ, Вольфъ до вчерашняго дня мнѣ ни разу не заикался объ этомъ, хотя онъ и былъ со мною въ Кисловодскѣ и долженъ былъ бы знать, что́ могло произойти по этому поводу между мною и Заводовскимъ".

„Тутъ очевидно какая-то ошибка, и я въ этомъ дѣлѣ ничего понять не могу; отказать Заводовскому нельзя, и мы ему напишемъ сегодня же, чтобы, руководясь данными ему нами наставленіями, онъ снарядилъ одинъ батальонъ изъ Центра или изъ Ставрополя во Владикавказъ. Во всякомъ случаѣ, Вревскій имѣетъ положительное приказаніе послать вамъ необходимые четыре батальона".

*

Такъ окончился 1852 годъ, одинъ изъ блистательнѣйшихъ по дѣламъ и результатамъ на Лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи послѣ возстанія Чечни. Съ 1840 года, почти въ теченіе 12-ти лѣтъ, ни разу мы не торжествовали такихъ

частыхъ, полныхъ удачъ, какъ въ этомъ году. Удары нанесенные Чечнѣ отозвались на всемъ восточномъ Кавказѣ и сильно умалили обаяніе власти Шамиля; тутъ, едвали не въ первый разъ послѣ его изумительныхъ успѣховъ 1840—50 годовъ, пришлось ему задуматься о своемъ положеніи и усумниться въ прочности воздвигнутаго имъ зданія... И всѣмъ этимъ мы рѣшительно были обязаны князю Барятинскому. Князь Воронцовъ не льстилъ ему въ своихъ письмахъ: онъ дѣйствительно дѣлалъ больше и лучше, чѣмъ кто-либо могъ ожидать. Очевидно, самою судьбою былъ онъ предназначенъ для роли, выпавшей ему какъ бы случайно. По всѣмъ условіямъ общественнаго положенія, казалось, ему слѣдовало оставаться въ Петербургѣ, блистать при дворѣ, на парадахъ Марсоваго поля, или въ Европейскихъ столицахъ въ качествѣ дипломата, какъ блистали многіе изъ его круга; но нѣтъ: три раза возвращался онъ на тотъ же Кавказъ, который долженъ былъ послужить фундаментомъ его быстраго возвышенія, его славы, его великихъ заслугъ Россіи, и его памятника, который, рано ли, поздно ли, будетъ ему воздвигнутъ.

О СТАРИННОМЪ ДВОРЯНСКОМЪ РОДѢ ЗМѢЕВЫХЪ.

Письмо къ Н. Ѳ. Змѣеву.

(По поводу родословія, помѣщеннаго въ I томѣ „Родословнаго Сборника", изд. барономъ Руммелемъ).

Вы вполнѣ правы, многолюбезный сородичъ, что родоначальника нашего „честна мужа Льва" звали по батюшкѣ не Ивановичемъ. Это отчество приставлено въ родословной нашей (помимо моей корректуры) бар. Руммелемъ. Онъ будто взялъ его изъ родословія Козловыхъ, чего мнѣ въ старыхъ родословіяхъ однако не попадалось.

Будемте искать другаго отчества. Не знаю, сохранилось ли въ вашемъ домѣ одно преданіе, а въ нашемъ оно осталось. Изъ переписки дѣдовъ моихъ Якова и Квинтиліана съ Блудовымъ *) видно, что преданіе это гласило, будто родъ нашъ происходитъ отъ „князька Тверскаго, воспитаннаго Московскимъ княземъ".

Это легко могло быть. Первое, документально-точное указаніе мѣстности, гдѣ сидѣли Змѣевы въ концѣ XV вѣка, говоритъ: „Ѳедоръ Семеновъ Змѣевъ, Тверской землевладѣлецъ". Потомъ на свадьбѣ князя Данилы Холмскаго (6 колѣно) съ дочерью царя Ивана, 1500 года, въ числѣ близкихъ, за княземъ-женихомъ ѣхали два Змѣева (6 и 7 колѣно), и при томъ старшіе. За царевной же невѣстой въ поѣзжанахъ, уже во второмъ десяткѣ, шли двое Змѣевыхъ (7 и 8 колѣно), и при томъ младшіе (слѣдов. изъ приличія лишь, какъ придворные, а съ женихомъ были родственники). И именно это только родство могло уволить отъ необходимаго, (по службѣ и этикету) бытія за невѣстой, какъ царевной, старшихъ, а не младшихъ въ родѣ, что́ видимъ на той же свадьбѣ у другихъ фамилій. Такимъ образомъ родство съ князьми Холмскими считаю доказаннымъ.

Первый князь Холмскій Всеволодъ былъ вторымъ сыномъ (первый Ѳедоръ убитъ отрокомъ съ отцомъ въ Ордѣ) Александра Михайловича Тверскаго, а третій его сынъ Михаилъ княжилъ въ Твери. У него былъ сынъ тоже Александръ. Сопоставьте съ этимъ слѣдующее мѣсто Тверской лѣтописи: „1321 года родися князю Александру сынъ Левъ". По хронологіи онъ могъ быть только сыномъ князя Александра I-го Тверскаго, а не внука его, тоже Александра Михайловича. Кромѣ нихъ въ томъ столѣтіи было лишь два Александра, князь Суздальскій, да князь Новосельскій; но оба много позднѣе. Взгляните на крестныя имена князей Тверскихъ, Холм-

---

*) Мать графа Д. Н. Блудова, Екатерина Ермолаевна Тишина, была близкая родня матери дѣдовъ нашихъ, Авдотьѣ Тихоновнѣ Ступишиной, бывшей фрейлинѣ Высочайшаго двора.

скихъ, Дорогобужскихъ, Микулинскихъ: Семенъ, Иванъ, Андрей, Василій, Юрій, Борисъ, Ѳедоръ, Владиміръ. Исключительно тѣже имена и въ нашемъ тогда родѣ.

Теперь припомнимъ, что Иванъ Калита, княжившій въ Москвѣ съ 1328 года, перемѣнилъ политику желѣза своихъ предшественниковъ на мирную политику купли и тонкаго разсчета. Не забудьте, что князья Холмскіе изстари были близки къ царямъ Московскимъ, и вамъ покажется возможнымъ, что малолѣтокъ Левъ, послѣ убіенія въ Ордѣ отца, женатаго на родственницѣ князей Московскихъ, былъ взятъ, съ правомъ на удѣлъ, въ Москву и тамъ любовно воспитанъ. Возмужавъ онъ, вслѣдствіе тогдашней политики, не получилъ своего княжескаго удѣла и потому, княжъ сынъ, онъ не княжилъ, а слѣдовательно и княземъ не именовался. Но въ силу правъ рода и мѣстничества названъ (можетъ быть и послѣ смерти) „честенъ мужъ Левъ“. Слова же „пришедшій изъ Прусскія земли“—позднѣйшая приставка XVII вѣка. Земли его лежали вѣроятно не въ далекѣ отъ Московскихъ (по Волоку Ламскому, въ Бѣжецкомъ Верху) земель, въ нынѣшнихъ Старицкомъ иль Пошехонскомъ и Бѣжецкомъ уѣздахъ, гдѣ и донынѣ сохранились извѣчныя владѣнія Змѣевыхъ.

Въ пользу именно такого происхожденія нашего рода можно привести и еще много доказательствъ, помимо родства съ Кошкиными, Колычевыми, Захарьевыми и другими старыми княжескими фамиліями, какъ по преданію, такъ и по документамъ. Но не буду объ этомъ распространяться.

Допустивъ пріѣздъ нашего Льва не изъ Пруссъ, а съ р. Тверцы, мы получимъ наглядное и вполнѣ точное объясненіе многихъ нашихъ семейныхъ преданій, кажущихся за давностію лѣтъ баснословными. Упомяну объ одномъ изъ нихъ, благо я надъ нимъ работалъ. Въ нашемъ колѣнѣ сохранился грубой работы мѣдный тѣльникъ—нашейный, двухвершковый крестъ (теперь онъ у меня). По разсказамъ *) онъ былъ на шеѣ нашего предка въ Куликовскомъ бою. Во дни моего студенчества, въ началѣ 50-хъ годовъ, въ Москвѣ, у Натальи Николаевны Змѣевой (Дмитровской помѣщицы, урожденной тоже Змѣевой; домъ ея былъ близъ Пречистенки, по Гагаринскому иль Толстовскому переулку, не помню), я видѣлъ изображеніе небольшой церкви, въ которой монахъ, въ епитрахили у аналоя, благословляетъ двухъ колѣнопреклоненныхъ витязей (одинъ въ латахъ) образомъ Божіей Матери. На уровнѣ колѣнъ, по темному платью, желтыми буквами имена: подъ латникомъ трудно разобрать (читаю—Левъ), а подъ другимъ Иванъ. По полу же надпись въ лѣвомъ углѣ „пов. Еп. Тр. Ст.“, а въ правомъ „Инречмес“. Преданіе гласитъ, что эти два воина были Змѣевы, благословляемые св. Сергіемъ на Донскую битву. А самымъ образомъ благословилъ архіерей голову пищальниковъ Змѣева, отправлявшагося подъ Казань.

---

*) А документально отъ Данилы Степановича (1610—1705), прадѣда дѣдовъ моихъ Якова и Квинтиліана.

Много лѣтъ спустя, извѣстный Маковскій-отецъ прочиталъ, на моемъ наброскѣ карандашемъ, подпись „Сем. Черни." съ объясненіемъ, что встарь подпись живописца на копіяхъ дѣлалась обратная. Кажется, В. Е. Румянцевъ помогъ мнѣ розыскать, что въ 1344 году монастырскую церковь Спаса въ Москвѣ расписывалъ Русскій живописецъ Семенъ Черный. В. М. Ундольскій прочиталъ и лѣвую подпись „повелѣніемъ епископа Трифона (Суздальскаго) Ступишина", умершаго 1556 г. архіепископомъ Полоцкимъ. Ступишины изстари намъ сродни. Икона благословляющая оказалась Гребенской Божіей Матерью, что Гребенскіе казаки принесли въ Москву къ Дмитрію Донскому. Изображенная церковь была снимкомъ съ подземнаго храма въ Троицкой Лаврѣ. Прибавьте къ этому, что въ описи одного изъ Коломенскихъ монастырей, близъ Серпухова, основаннаго преподобнымъ Сергіемъ, мы встрѣчаемъ деревни и пустоши Змѣевы, какъ вкладъ, и передъ вами голое сказаніе о мѣдномъ крестѣ, пріобрѣтая плоть и кровь, оживаетъ въ осмысленное историческое событіе.

Читая все это, вамъ конечно придетъ въ голову, отъ чего при такомъ блестящемъ прошломъ, такое болѣе чѣмъ скромное настоящее? Гдѣ причины захуданія рода? Ихъ много, начиная съ тѣхъ поръ, когда еще не было надобности въ фамиліяхъ, а довольствовались, по духу народа, отчествомъ да прозвищемъ *), личной характерной кличкою; дѣти Змѣева напр. прозывались Несмѣяновы, и т. п. Тутъ съ дробленіемъ рода дробились имущество и родовая связь. Разселеніе: съ 1479, 1488 въ Новгородѣ, а съ покореніемъ Казани и тамъ, какъ въ Новгородѣ, и въ казакахъ даже видимъ Змѣевыхъ. Опять дробленіе и достатка, и вліянія, за дальностію, что особенно было важно въ пору „заѣзжанія пришлыхъ родовъ", когда новыхъ выходцевъ ставили выше своихъ старыхъ. Родственныя связи порывались, отъѣхавшія колѣна начинали вдали захудать. Уходы въ монашество съ имуществомъ (Нифонтъ съ 10,000 нынѣшнихъ десятинъ), дареніе туда земель на поминъ иль по обѣту (Гостунскому и мн. др.), исключительно-военная служба и ранняя смерть въ бою, или отъ ранъ и болѣзней, давали численный перевѣсъ женскому потомству, а съ нимъ имущество уходило изъ рода, ослабляя его тѣмъ. Начиная съ Казани (въ поминальникѣ Ивана Грознаго 5 человѣкъ Змѣевыхъ), если не съ Мамаева побоища, едва ли найдемъ хоть одну болѣе замѣтную битву, гдѣ бы не были наши сродичи въ числѣ убитыхъ или раненыхъ. На стѣнахъ Московскаго Спаса (храма Христа въ память 1812 г.), вы прочтете имена пяти изъ нихъ. И такъ до самыхъ послѣднихъ времянъ. Изъ пяти напр. сыновей дѣда моего Якова, старшій дядя и отецъ мой ранены подъ Цюрихомъ, 2-й дядя плѣнный, калѣка отъ ранъ подъ Аустерлицемъ, 3-й умеръ отъ раны подъ Измаиломъ, а 4-й тамъ же умеръ отъ чумы. Даже въ самый расцвѣтъ нашего рода, въ 1640—1690 годахъ, когда въ немъ скоп-

*) Въ одномъ историческомъ романѣ Кукольника довольно правдоподобно разсказано происхожденіе прозвища Змѣевыхъ.

лялись огромныя земельныя богатства, когда службы Змѣевыхъ были близки къ подножію престола, и тогда дѣйствіе сказанныхъ причинъ не прекращалось, а наоборотъ къ нимъ присоединились еще новыя и сильныя причины біологическаго и политическаго свойства.

Возьму для примѣра хоть двухъ родичей, подписавшихъ родословную, поданную 1685 г. въ Розрядъ. Венедиктъ Андреевичъ, окольничій, начальникъ надворной пѣхоты, одно время и Стрѣлецкаго съ Пушкарскимъ приказовъ (что теперь гофмаршалъ, начальникъ гвардейскаго корпуса, военный министръ и Московскій генералъ-губернаторъ) кромѣ наслѣдственной земли получалъ содержанія въ годъ 830 рубл. и 2050 четвертей земли, да въ вотчину ему жаловано 7600 четвертей. Теперь это 25,000 десятинъ земли. Да и денежное жалованіе 830 рубл. было по тогдашней жизни большое: въ началѣ царствованія Петра на весь царскій дворъ расходовалось въ годъ 430 рубл. Родные 4 брата Венедикта имѣли вмѣстѣ почти столько же. Состояніе думнаго дворянина (теперь сенатора) Василія Ивановича, близкаго къ царю Ѳедору, такъ было значительно, что когда Петръ разложилъ постройку кораблей для Азовскаго похода на собственниковъ земли, то напр. 5 епархій духовенства складывались для постройки одного корабля и т. п.; Василію же Ивановичу пришлось одному строить цѣлый корабль. Ни у Венедикта, ни у Василія не было сыновей, и потому такое громадное состояніе ушло въ приданое за дочерьми. Каждый родъ живетъ физически, какъ и отдѣльный человѣкъ, имѣя свое дѣтство, юношество, мужество, старость и отмираніе. Поздняя женитьба, многобрачіе, исключительно женское потомство—явный признакъ вымиранія. Еще въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, на пространствѣ С.-Петербургской, Псковской, Новгородской, Тверской губерній, было много и далеко не бѣдныхъ помѣщиковъ Змѣевыхъ, а теперь тамъ одинъ Бѣжецкій помѣщикъ—вы. Отъ Казанскихъ Змѣевыхъ не осталось и слѣда, а громадное состояніе ихъ ушло къ Толстымъ; какъ подъ Москвой въ родъ Вечёсловыхъ и др. Ступишинское богатство ушло въ боковую линію, помимо прямыхъ наслѣдниковъ, и немало другихъ.

Наконецъ, не осталась безъ дѣйствія и смѣна государственной политики. Извѣчные слуги старой царской идеи не могли въ нѣсколько поколѣній измѣнить въ себѣ духовный смыслъ жизни, да еще при вымираніи біологическомъ; и потому естественно, отставая отъ жизни, отодвигаясь болѣе и болѣе въ тѣнь, родъ Змѣевыхъ и силою, и связями, и вліяніемъ захудалъ. Участь, постигшая многіе старые Русскіе роды.

„Честенъ мужъ Левъ“ былъ Александровичъ, а не Ивановичъ.

Левъ Ѳ. Змѣевъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1854 годъ *).

Новый годъ! Что-то онъ дастъ? Европѣ я желаю сблизить государственную власть съ наукой: ибо она представляетъ собою лучшую часть народа, съ которою всѣ эти милліоны, Наполеоновскимъ плебисцитомъ, рано и поздно, соединятся.... Россіи я желаю поменѣе поглощаться политикой, которая, при нашемъ богатствѣ и при массѣ военныхъ силъ, всегда будетъ съ голосомъ, и прилежнѣе заняться управленіемъ и законодательствомъ, которыя заключаютъ въ себѣ существенно-вредныя начала и особенно несообразныя, вслѣдствіе заимствованія ихъ съ Запада. Безсмысленный исходъ легкомысленно-заимствованной наказательной системы (системы заключенія) есть не первое и не послѣднее тому доказательство. Къ сожалѣнію, при исключительности вліянія западныхъ ученій, по застою собственныхъ, для выраженія которыхъ цензура не представляетъ никакихъ удобствъ, управленіе дѣйствуетъ въ самомъ анти-монархическомъ направленіи. Особенно желательно, чтобъ дано было болѣе независимости церкви и чтобъ была настоящая проповѣдь, болѣе близкая народу и болѣе примѣнимая, нежели рѣчи и бесѣды Московскаго митрополита Филарета.

Судя по общему говору, и особенно по словамъ Государя, сказаннымъ на нынѣшнемъ выходѣ генераламъ и кавалергардамъ съ припоминаніемъ Кульма и Шампенуаза, судя по статейкамъ Греча въ «Сѣверной Пчелѣ» и какого-то Беднякова въ «Инвалидѣ; судя, наконецъ, по говору о наборѣ по 14 съ тысячи—должна быть война. Но гдѣ война? Развѣ придетъ флотъ въ Балтику? Подъ Одессу, подъ Севастополь? Можетъ быть, заставятъ Нѣмцевъ выдти изъ нейтралитета? Впрочемъ, если, по предположенію «Times», принудитъ Турцію дать широкія права Турецкимъ христіанамъ, мы будемъ преобладающими, ибо наша церковь тамъ сильнѣе другихъ. Война страшна всѣмъ.

---

*) См. выше, стр. 0133.

Наградъ не такъ много. Сенаторы получили: Степанъ, какъ зовутъ его въ Москвѣ «Фарисей ***—Александра Невскаго, старикъ Горголи—бриліанты; Челищевъ—членомъ Государственнаго Совѣта, Дурасовъ—Владимира 2-й ст.; Башуцкій—Бѣлаго Орла. Старикъ П. Г. Бутковъ перемѣщенъ въ 1-й департаментъ. Ко мнѣ назначенъ балагуръ кн. Дм. Эр—овъ. Графъ Панинъ съ 1846 г. не получаетъ никакой награды и теперь сравнялся съ своимъ товарищемъ Илличевскимъ, получившимъ Александра Невскаго. Графа Панина очень не любятъ; однако, общественные слухи, по случаю болѣзни канцлера гр. Нессельроде и гр. Блудова, назначаютъ его и канцлеромъ, и главнымъ начальникомъ законодательной канцеляріи. Вмѣсто кн. Эристова, оставленнаго членомъ морскаго аудиторіата, Великій Князь Константинъ Николаевичъ назначилъ князя Николая Голицына.

Вотъ огласилась и Французская нота отъ 30 Ноября о входѣ соединеннаго флота въ Черное море... Мѣра вызванная Синопскимъ дѣломъ и имѣющая цѣлью предупредить, чтобъ Османскія владѣнія и Османскій флагъ не подверглись новому нападенію со стороны Русскаго флота. Нота считаетъ эту мѣру «ручательствомъ возстановленія мира на Востокѣ на такихъ условіяхъ, которыя не измѣняли бы распредѣленія силъ великихъ Европейскихъ государствъ». У насъ ждутъ манифеста въ день Богоявленія, ждутъ набора, говорятъ о посылкѣ трехъ гвардейскихъ полковъ въ Финляндію. Страшно становится, слушая разговоры о начинающейся войнѣ. В. А. Шереметевъ, М. Н. Муравьевъ и др. приписываютъ Англіи виды истребленія нашего флота для монополіи на всѣхъ моряхъ. Они цитуютъ сочиненіе Капфига «о союзѣ съ Россіей» и по случаю слуховъ объ отъѣздѣ графа Орлова считаютъ возможнымъ сближеніе и дружбу съ Наполеономъ. Возможно-ли это? Можетъ-ли быть, чтобъ законный самодержавный Императоръ вступилъ въ союзъ съ незаконнымъ диктаторомъ?

По смѣтѣ Министерства Юстиціи на 85 судебныхъ палатъ, на 600 судовъ назначается 1,327,493 р. Графъ Панинъ рѣшился, наконецъ, усилить штаты судебнаго вѣдомства; но въ 1849 году, пишетъ онъ, помѣшала война съ Венграми, а теперь война Турецкая. Однако министръ нашелъ способы: увеличилъ крѣпостные сборы съ 4% на 5%, увеличилъ канцелярскія отъ 3 до 25 за актъ; обложилъ частныя жалобы 5-ю и 10-ю р. и судейскій штрафъ за неправую апелляцію обратилъ на суды. Всего требуется на увеличеніе штатовъ судебнаго вѣдомства не много болѣе 800 тысячъ р. Изъ такой ничтожной суммы такія хлопоты! Графу Панину и въ умъ не пришло обратить вниманіе, что спасеніе или улучшеніе судебныхъ учрежденій зависитъ не отъ 800 т., а состоитъ въ реформѣ дѣлопроизводства, въ измѣненіи

постановленій о подсудимости и въ болѣе правильномъ устройствѣ судебныхъ инстанцій.

Журналы трубятъ о войнѣ. Ожидаютъ вѣстей отъ Парламента. У насъ всюду пожертвованія, торжественныя встрѣчи и проводы, множество стиховъ, которыхъ удостоился даже воевода Пальмерстонъ. Толкуютъ о запискѣ профессора Погодина, не заключающей въ себѣ, впрочемъ, ничего замѣчательнаго; о видѣніи надъ Кавказской арміей во время схватки съ Турками, о Богородицѣ съ двумя воинами, являвшейся Туркамъ и ихъ плѣннымъ надъ нашими рядами. Объ этомъ писалъ экзархъ Грузіи Исидоръ митрополиту Московскому. Филаретъ напутствовалъ 16-ю дивизію и сказалъ слово.

Ждутъ возвращенія графа Орлова, опасаясь и отказа Нѣмецкаго, и вооруженій Шведскихъ. Положеніе наше, въ виду этихъ вооруженій, въ самомъ дѣлѣ весьма затруднительное. Эта борьба Богомъ даннаго наслѣдственнаго права съ избирательнымъ чрезвычайно сплетается съ меркантилизмомъ и реакціею, а также съ опасеніемъ усиленія демократіи. Англія, чтобы ни говорили д'Израэли и Кобдэнъ, хочетъ Чернаго моря. (Если она слишкомъ будетъ стремиться къ этому, легко, съ теченіемъ времени, можетъ быть, что она лишится и Средиземнаго моря и пожалуй вызоветъ могущество Французское)... Я увѣренъ что избирательное право отвергнется опытомъ. Страшно подумать, что, по всей вѣроятности, поплатимся мы и, каковъ бы ни былъ исходъ, нравственное вліяніе наше будетъ въ ущербѣ. Говоря поканцелярски, мы требуемъ—въ объясненіяхъ о флотахъ—указа на указъ; и даже Нѣмцы, смотря на нашу нерѣшительность и податливость, радуются униженію Московской гордыни и, смѣясь спрашиваютъ: «Was will denn Rüssland? *) Посольство графа Орлова имѣетъ видъ упрашиванія; желаніе же выиграть время порождаетъ предубѣжденіе къ нашей силѣ.

Сегодня мы смотрѣли съ Глинками (Ѳедоромъ Николаевичемъ и Авдотьей Павловной) публичную библіотеку при указаніяхъ главнаго начальника бар. Мод. Андр. Корфа. Порядокъ, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательный. Интересно, что Государь Императоръ въ этомъ храмѣ просвѣщенія представленъ на портретѣ въ казацкомъ мундирѣ, и портретъ очень дуренъ; напротивъ, портреты Государя Александра Павловича (рисовалъ Дау) и особенно Екатерины II-й, Левицкаго, очень хороши. Драгоцѣнностей много, готовности отъ начальства тоже много. Читающихъ весьма мало.

Февраль. Телеграфъ передалъ рѣчь королевы Викторіи не точно. Выраженія о противодѣйствіи «общему врагу» тамъ не было. Это

---

*) Чего, наконецъ, желаетъ Россія?

насъ нѣсколько обрадовало; но при радости, мы не замѣтили, что и безъ грубой фразы слова королевы многозначительны. Повидимому хотятъ заставить насъ согласиться на миръ и при этомъ выговорить условія, при которыхъ повтореніе настоящихъ обстоятельствъ не имѣло бы мѣста. Хотятъ нравственнаго униженія нашего. Будетъ ли война и чѣмъ можетъ кончиться война при такомъ смѣшеніи началъ нынѣшняго порядка, сказать трудно; но не подлежитъ сомнѣнію, что миръ умалитъ наше значеніе и вліяніе, и въ лицѣ господина эпохи, Наполеона III, демократическое начало получитъ новую силу. Нынче пришелъ манифестъ о наборѣ (по 9 чел. съ тысячи). Бруновъ и Киселевъ, говорятъ, уже оставили свои посты; Сеймуръ и Кастельбажакъ оставляютъ ихъ на дняхъ. Отовсюду дѣлаются пожертвованія; лицеисты посылаютъ 1500 р. Московскіе студенты вызываются вступить въ военную службу. Иванъ Яковлевъ, слышно, предложилъ заемъ безъ % въ 40 милл. По рукамъ ходитъ каррикатура. Изображенъ султанъ, котораго ведутъ подъ руки толстая дама и усастый мущина; султанъ встрѣчается съ казакомъ и проситъ «недруга» освободить его отъ «друзей», которые тащатъ его противъ его воли. Движеніе въ Москвѣ, а особенно за Москвой, очень сильно; въ газетахъ смѣлыя статьи объ Англіи и Франціи помѣщаются часто и свободно... Но возгласы Англіи и Франціи тверды. Графъ Орловъ боленъ въ Вѣнѣ... Объ отношеніяхъ къ намъ Австріи и Пруссіи носятся самые отрицательные слухи и, кажется, государства Нѣмецкія сознаютъ всю важность свою. Внѣшнія дѣла поглощаютъ теперь все и всѣхъ, а дѣла внутреннія идутъ по прежнему: безъ единства, безъ системы, почти безъ вниманія.

Я помню войну 1828 года г. и Польскую распрю 1830 г. и могу сдѣлать сравненіе расположенія умовъ и общественныхъ явленій тогдашняго и настоящаго времени. Разница большая, и она обличаетъ большіе успѣхи, сдѣланные въ двадцать лѣтъ нашимъ обществомъ. Сознаніе отдаленной опасности государства самимъ государствомъ уже замѣчательное явленіе. Благодаря участію возникающей гласности, нѣтъ лица, которое не принимало бы къ сердцу самаго мимолетнаго извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ и о журнальныхъ статьяхъ по восточному вопросу. Братъ А. А. Боборыкинъ*) и Е. И. Елагина, живущіе въ глуши Орловской губерніи, разсказываютъ, что привозъ газетъ съ почты ожидается не только господами, но и прислугою съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ ждутъ праздника, и нерѣдко газеты прочитываются прежде въ лакейской, а потомъ уже господами. Сейчасъ съ одной стороны всѣ предчувствуютъ опасность, а съ другой

*) К. Н. Лебедевъ женатъ былъ на Александрѣ Александровнѣ Боборыкиной.

боятся посрамленія—вѣрнѣе продолженія того посрамленія, которое мы все время испытываемъ: мы все уступаемъ, уступаемъ и уступаемъ. Поѣздка въ Ольмюцъ—самая огромная уступка, повлекшая за собой дальнѣйшія назойливыя требованія: поѣздка графа Орлова; Севастопольскій портъ запертъ; благородный Черноморскій флотъ бездѣйствуетъ. Кстати замѣчу, что введеніе на Западѣ винтовыхъ пароходовъ на десятки лѣтъ отбросило нашъ флотъ на задній планъ. Секретарь одного посольства въ легкомъ разговорѣ за обѣдомъ о томъ, чего хотятъ Франція и Англія, объяснилъ, что, comme disent les gazettes, elles ne veuillent qu'apprendre ce que veut la Russie (... какъ говорятъ газеты, онѣ желаютъ знать только, чего хочетъ Россія). Въ самомъ дѣлѣ, читая и перечитывая брошюры, мирный гражданинъ безотвѣтно спрашиваетъ: Что́ нарушила Турція? Чего мы отъ нея требуемъ? О какой обязательности мы говоримъ?

Сегодня родилась Великая Княжна Вѣра Константиновна. Говорятъ, что ей хотѣли дать имя Софіи, но пожелали избѣгнуть намековъ...

Между тѣмъ какъ тучи сбираются на Западѣ и внѣшняя политика поглощаетъ всѣ заботы правительства, внутреннія распоряженія идутъ своимъ чередомъ. Особенно много говорятъ о перемѣнахъ въ откупной системѣ, предполагаемой въ 1855 г. и о введеніи инвентарей. По департаменту моему я знаю и вижу изъ дѣлъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній, какъ несоотвѣтственны эти инвентарныя правила и какъ мало привычны къ нимъ и крестьяне, и помѣщики, имѣющіе теперь столько поводовъ къ столкновенію. Мѣра политическая—сокращеніе числа католическихъ владѣльцевъ—есть распоряженіе, которое портитъ самыя хорошія основанія крѣпостнаго права и переходитъ цѣль своего установленія. Нынѣ хотятъ ввести эти правила, кромѣ губерній западныхъ, во всѣ Бѣлоруссскія и потомъ въ Малороссійскія. Дурно здѣсь то, что все это дѣлается мимо Государственнаго Совѣта и Сената. Самыя правила пишутся безъ знанія особенностей мѣстныхъ и безъ спроса лицъ, которыя заинтересованы въ этомъ. Крѣпостное право наше дурно, очень дурно и особенно потому, что не организовано. Безъ патримоніальныхъ судовъ обойтись намъ нельзя, и статья 1680-я т. XV-го должна получить точнѣйшее развитіе.

Другая мѣра—свободная торговля виномъ—устрашаетъ тѣмъ, что можетъ породить непомѣрное пьянство. Это не безъ основанія, но все будетъ зависѣть отъ устройства этой части. Говорятъ, для столицъ свобода получитъ большія ограниченія, которыя уже и утверждены даже прежде введенія самой системы.

Въ Февральской книжкѣ Современника помѣщено начало біографіи Гоголя. Статья эта (гг. Кулиша и Маркевича) много дѣлаетъ шуму

въ молодомъ обществѣ и много читается. Я не нашелъ въ ней ничего новаго, кромѣ писемъ, изъ которыхъ нѣкоторыя замѣчательны, иныя по выражающейся въ нихъ суетности и легкомыслію молодаго человѣка, юноши (17 л.), не чуждаго стремленія къ модѣ и т. п., другія по прекраснымъ чувствамъ къ матери. Видно, что Гоголь учился плохо. Онъ рано бросился въ авторство. Изученіе типовъ всегда было существеннымъ условіемъ великихъ писателей. При громадной способности и талантѣ Гоголя подмѣчать дѣйствительность, изученіе могло бы довести его до значенія великаго писателя, и изображеніе его пошлостей людскихъ, можетъ быть, при высшемъ кругозорѣ, представило бы разрѣшеніе вопросовъ, которыхъ мы еще не нашли. Напрасно другъ Жуковскаго Кернеръ, при свиданіи съ Гоголемъ, въ Баденѣ, не заставилъ его выучить стихи его:

«In Tiefen unberühret
«Wächst einsam das Metall;
«Wo's nachtet und gefrieret,
«Sich bildet der Kristall» *)

Гоголь не любилъ ни Шиллера, ни Гёте, у которыхъ эта мысль выражена и сильнѣе, и прекраснѣе. Изъ многихъ мѣстъ Гоголя можно заключить, что онъ любилъ «удаленіе»—«Verlassensein». Оставленный самому себѣ, гордый писатель находитъ пищу для творчества; но эта пища тщеславія, самообольщенія и, прочтя Переписку съ друзьями, гдѣ Гоголь является всесвѣтнымъ совѣтникомъ, невольно подумаешь, что его «удаленіе» не образовало ни кристалла, ни металла. Надо замѣтить однако, что, послѣ Пушкина и его созвѣздій, Гоголь больше всѣхъ отдѣлилъ литературу отъ вліянія господствующихъ лицъ и сословій. Литература еще слаба, но она имѣетъ уже нѣкоторую самостоятельность, независимую отъ правительственныхъ школъ и меценатовъ. Къ счастію онъ попалъ въ домъ Александра Толстаго, который дышетъ оппозиціей и не сошелся съ Віельгорскимъ, гдѣ и комизмъ, и лиризмъ его приняли бы видъ общественной забавы.

Еслибы слабый Абдулъ-Меджидъ зналъ свою будущность, онъ принялъ бы Православіе и, породнясь съ нами, объявилъ бы себя христіанскимъ Восточнымъ императоромъ. Турція въ томъ переходномъ положеніи, когда Азіатскій элементъ постепенно уступаетъ Европейскому, а Европейское населеніе христіанское съ прибытіемъ Англичанъ и Французовъ усилится до той степени, что его положеніе сдѣлаетъ невыносимымъ положеніе Турецкаго управленія.

*) Металлъ растетъ неприкосновенно и одиноко въ глубинѣ; кристаллъ образуется тамъ, гдѣ нѣтъ свѣта и гдѣ морозно.

.... Съ приближеніемъ весны приближается и война. Я ей не вѣрилъ. Теперь вѣрю. Между тѣмъ, какъ «добрый другъ» печатаетъ письма и предательски понуждаетъ Австрію, между тѣмъ какъ Дж. Россель, Кларендонъ, Пальмерстонъ нападаютъ на насъ всею силою парламентской брани, а мы отвѣчаемъ то манифестомъ, то наборомъ, то нынѣ вышедшею объяснительною нотою (18 Февраля) и безпрерывными стихами въ журналахъ, напоминающими иногда остроуміе Русское: «Вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ» и т. д. (Ал. Петр. Опочинина), по городу ходятъ слухи о запрещеніи брать дачи на морскомъ берегу, о распилкѣ льда для перевода остальной дивизіи въ Свеаборгѣ. Говорятъ о чрезвычайномъ наборѣ и ополченіи, о тайныхъ сношеніяхъ съ Франціей.

Я думаю, что послѣ этой войны Франція низведется съ мѣста первенствующей державы... Когда-нибудь, не сейчасъ... Выиграетъ Англія. Но во всякомъ случаѣ потеряемъ мы. Я не вижу и не могу себѣ представить никакого счастливаго для насъ исхода. Особенно страшно то, что эти внѣшнія войны совершенно отвратятъ правительство отъ усовершенствованій внутреннихъ, и даже по окончаніи войны истощеніе казны не позволитъ приняться за необходимѣйшія улучшенія, всегда требующія денегъ. Вся Западная часть Имперіи объявлена въ военномъ положеніи. Сибирь и Кавказъ всегда въ этомъ положеніи. Указы объ этомъ громки и грозны; но прочтите 1607 ст. XV-го т. по 18-му продолженію, и вы увидите, что мы постоянно въ военномъ положеніи и поймете, какъ одолѣваютъ насъ не Англичане, не Французы, а собственное положеніе.

Мартъ. Константинъ Николаевичъ ѣздилъ въ Свеаборгъ и не нахвалится пріемомъ Финляндіи, которая предоставила ему всѣ суда и лодки, какъ говорятъ злые языки, чтобы спасти ихъ отъ Англійскихъ пушекъ. Государь Цесаревичъ, съ озабоченнымъ видомъ, неохотно говоритъ о войнѣ, и данныя ему права главнокомандующаго (вѣроятно Балтійскою или Сѣверной арміями) тяготятъ мирную и человѣколюбивую его душу.

Главнокомандующіе: князь Воронцовъ, князь Паскевичъ и Цесаревичъ. На Югѣ отдѣльные корпусные командиры; князь Горчаковъ, генералъ Хомутовъ, Остенъ-Сакенъ; на Сѣверѣ—адмиралъ Болль, генералъ Бергъ въ Эстляндіи, князь Суворовъ въ Лифляндіи, графъ Ридигеръ, намѣстникъ Паскевича, въ Курляндіи. Итакъ три арміи и семь отдѣльныхъ начальниковъ.... Князь Воронцовъ увольняется; старость Паскевича внушаетъ мало довѣрія. Гдѣ же настоящій главнокомандующій?

Объявленное военное положеніе не произвело никакой перемѣны въ нашемъ обыкновенномъ положеніи и даже въ объяснительной объ этомъ

вопросѣ статьѣ, напечатанной въ Сѣверной Пчелѣ и перепечатанной въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ 3 Марта, ученый профессоръ написалъ такую непонятную и неясную вещь (о военномъ судѣ), что невольно спросишь: «когда же мы были не въ военномъ положеніи?» (NB. Мы такъ мало въ военномъ положеніи, что бѣшеный волкъ прибѣжалъ съ Елагина острова на Литейную и окрестныя улицы и перекусалъ 36 человѣкъ).

Война все ближе и ближе. Острова наши и всѣ берега укрѣпляются.... Непріятельскій флотъ на дняхъ ожидается въ Балтикѣ. Я провелъ вечеръ у В. А Шереметева, и этотъ отставной баринъ серьезно опасается за Петербургъ и ожидаетъ всего возможнаго отъ Чарльса Непира, обѣщавшаго, передъ отъѣздомъ изъ Англіи, праздновать день рожденія королевы въ Зимнемъ дворцѣ.

Сегодня графъ Зубовъ, сотоварищъ мой по консультаціи, сидѣлъ у меня и очень критически относился къ распоряженіямъ и дѣятельности министра внутреннихъ дѣлъ Дм. Гавр. Бибикова. Къ нему такъ относятся очень многіе изъ нашихъ помѣщиковъ. Дѣло все изъ инвентарей. Мы неправильно ввели у себя крѣпостное право, неправильно его и отмѣняемъ. Объ отмѣнѣ, съ 1830 годовъ, говорили много, потомъ замолкли и дѣйствовали тайкомъ, неудачно и непослѣдовательно, главное, неоткровенно. По дѣламъ это еще ощутительнѣе. Стараются всѣми путями ограничить кругъ лицъ, имѣющихъ право крѣпостнаго владѣнія; рядомъ съ этимъ желаютъ оградить законами дѣйствіе этого права. При такомъ направленіи существующее учрежденіе какъ бы не существуетъ и въ основномъ своемъ началѣ почти совсѣмъ отвергнуто. Разумѣется, все это въ Петербургѣ, все это въ законодательствѣ, на бумагѣ; на самомъ дѣлѣ, въ Москвѣ, за Москвой право это сильно, хотя мало-по-малу ослабляется и исчезаетъ. Противъ дѣйствій правительства говорить нечего. Несостоятельное право это не можетъ быть терпимо въ благоустроенномъ государствѣ и особенно въ такомъ, гдѣ могутъ быть законы «о дворянахъ, происходящихъ изъ крѣпостныхъ» и это—en plein XIX siècle! Но нерѣшительныя и неоткровенныя дѣйствія правительства вредятъ существеннымъ выгодамъ общества, и послѣдствія принятаго, но не выраженнаго въ законахъ, начала совершенно противны Римскому правилу: quod vero contra rationem juris receptum est, non est perducendum ad consequentias *) (Dig. l. 3, de legibus XIV). Эти-то послѣдствія, неправомѣрныя и часто вопіющія, весьма часто и почти никогда не могутъ быть соглашены съ требованіемъ

*) То что̀ принято въ противность смыслу права не можетъ привести къ послѣдствіямъ.

правосудія. Со введеніемъ инвентарей крѣпостное право прекратится de jure, но de facto оно долго будетъ существовать въ прежнемъ видѣ.

Кажется, Государь, получивъ ультиматумъ о выступленіи изъ княжествъ до 30 Апрѣля, далъ приказаніе князю Горчакову перейти Дунай, и говорятъ, что корпусъ Лидерса перешелъ подъ Браиловымъ по направленію къ Троянскому валу. Константинъ опять въ Свеаборгѣ. Кромѣ слуховъ и говора о переходѣ и о флотѣ, въ городѣ читаютъ анекдотъ объ эхо въ Тюльерійскомъ саду:

Луи-Наполеонъ кричитъ:	Эхо отвѣчаетъ:
Autriche!	triche!
Prusse	russe!
Suède	aide
Paris	rit *)

Много неудовольствій съ патріотическими пожертвованіями. Докторъ Мейеръ и сенаторъ Веймарнъ внѣ себя отъ этихъ патріотическихъ предложеній пожертвовать; со стороны людей, которые съ большою щедростью дѣлаютъ налоги на другихъ. Положили съ душъ и домовъ 50 к. (это составитъ 200 т. р.) Въ Москвѣ эти собиранія доходятъ до смѣшнаго: дамы ѣздятъ по домамъ, купцовъ берутъ за бороды, подчиненнымъ приказываютъ жертвовать!

К. И. Арсеньевъ и Карамзина дочери читаютъ Императрицѣ Русскую исторію. Возстаніе Запада обращаетъ насъ на себя, и вотъ уже первое вліяніе этого. Урокъ, который намъ дадутъ, усилитъ это полезное вліяніе, а торжество, пожалуй, еще ослабитъ его.... Это дѣло, обращая насъ въ себя, сопровождается и другимъ явленіемъ, которое многіе называютъ утѣшительнымъ зрѣлищемъ: это энтузіазмъ, который проявляется не въ Нѣмецкомъ и злорѣчивомъ Петербургѣ, а въ Москвѣ и за Москвой. Тамъ бредятъ и думаютъ о взятіи Византіи и Восточной имперіи, тамъ всѣ готовы на пожертвованія, и въ проповѣдяхъ, возглашеніяхъ и пр. и пр., въ стихахъ и прозѣ, не только нѣтъ недостатка, но даже изобиліе. Какъ во всемъ, въ нашъ противурѣчивый вѣкъ, здѣсь нѣтъ ни постепенности, ни мѣры, и едвали тѣ, кто одобряетъ такое настроеніе умовъ и воспаленіе сердецъ, впослѣдствіи не раскаются въ своемъ неумѣренномъ возбужденіи: ибо очаровать молодую націю легко, но за то она легко и разочаровывается; а раздраженіе массы, какъ болѣзнь сердца, тѣмъ особенно вредно, что

**) Игра словъ непереводимая. Смыслъ тотъ, что когда Наполеонъ говоритъ: „Австрія!" эхо отвѣчаетъ: „плутуетъ!" Пруссія! — Русская! Швеція — „помогаетъ!" — „Парижъ" — „смѣется."

притупляетъ чувствительность и порождаетъ недовольство, тѣмъ болѣе тягостное, чѣмъ болѣе было дано неисполнимыхъ надеждъ и поводовъ питать неосновательныя ожиданія.

Во Франціи вмѣсто 250 милл. подписали 500. Я опасаюсь, чтобы и у насъ не вздумали, въ подражаніе, обратиться къ подобному доказательству народнаго сочувствія. Вѣдь сознались же мы, что проконсульское посольство князя Меншикова было подражаніе г. Лявалетту и графу Лейнингену. Сила народной воли удивительна и ужасна въ преодоленіи препятствій, но тѣмъ опаснѣе и рѣже надобно обращаться къ этой силѣ. Мы слишкомъ близки къ лицамъ и событіямъ и потому едва ли можемъ вѣрно обозрѣть и ихъ безпристрастно цѣнить; но и теперь очевидны, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые недостатки и противорѣчія, несообразныя съ учрежденіями благоустроеннаго государства. Угнетеніе литературы, лишающее насъ внѣ и внутри самостоятельности нравственной и усиливающее тѣмъ вліяніе ученій западныхъ; поверхностное воспитаніе; преобладаніе военнаго порядка, дурное законодательство, а особенно дурные органы его исполненія: восемь разъ Танѣевъ объявлялъ высочайшее повелѣніе не представлять прямо Государю законоположеній на утвержденіе, а вносить въ Государственный Совѣтъ.

Умеръ у меня молодой человѣкъ Голубовъ. Это уже второй случай (Штернгольмъ). Миръ праху вашему, милые, дорогіе люди! Это были юноши необыкновенно благородные, чистые, благонравные. Грустно смотрѣть на нашу молодежь; чѣмъ она даровитѣе, тѣмъ еще болѣе грустно. Особенно ощутительна разница въ дѣтяхъ нашихъ богатыхъ магнатовъ и дѣтяхъ бѣдныхъ личныхъ дворянъ. Одни бѣгутъ, другіе догоняютъ, и въ этомъ соревнованіи и тѣ, и другіе прыгаютъ и перепрыгиваютъ, доколѣ одни не истощатся, а другіе не переломаютъ или не сломаютъ головы... Конечно есть и будутъ хорошія фамиліи, и они начинаютъ образумливаться; но недостатокъ дѣльнаго воспитанія, утопаніе въ удовольствіяхъ сдѣлали то, что общее мнѣніе потеряло къ нимъ довѣріе, и предубѣжденіе къ имени влечетъ за собой предубѣжденіе къ способности. По стеченію обстоятельствъ, и у насъ какъ во Франціи съ 1830 годовъ, имя, давность, опытность, привычка замѣнились талантами и способностями, и мы хотѣли имѣть своихъ Тьеровъ, Гизо, Казиміровъ-Перье. Это дало необыкновенный ходъ нашему среднему сословію, такъ что изъ него явились новые графы и князья, овладѣвшіе главными мѣстами управленія. Но что̀ же вышло? Послѣ бурь 1848 года правительство перепугалось и постановило разныя ограниченія; старые, уже испорченные графы и князья ощетинились противъ правительства, а новые князья и графы

начинаютъ портиться. Страшно дѣлается, когда войдешь внутрь этой толпы и проникнешь въ сердцевину личностей: стремленіе безъ отдыха, никакой привязанности къ преданію, самая смѣшная перемѣнчивость въ привычкахъ, вкусахъ, занятіяхъ. Государственная служба словно рекрутскій наборъ по жеребьевой системѣ; общественная жизнь—оперный маскарадъ...... И надобно сказать, что, благодаря различнымъ причинамъ, молодому поколѣнію трудно утвердить въ себѣ какія либо убѣжденія. Всѣ, кажется, достаточно сильны для всего; всѣ, кажется, за все берутся не по силамъ... Въ самыхъ громкихъ именахъ найдется сочувствіе самымъ громкимъ преобразованіямъ, и я никакъ не забуду, какъ много было преданности совершившимся событіямъ 1848—1849 годовъ въ гр. Т—омъ, въ гр. С—овѣ, А. Н. П—овѣ, В. А. Ш—вѣ, А. Я. К—ѣ и пр. и пр.... И въ то время какъ въ объятой пламенемъ Франціи, само гражданство твердо вѣрило, что преданіе, цивилизація и здравое ученіе возмутъ свое, у насъ лучшіе изъ магнатовъ не имѣли къ этимъ оплотамъ человѣчества ни малѣйшаго довѣрія.

Вотъ и послѣдніе акты секретной переписки по Восточному вопросу. Вотъ и рѣчь министра Кларендона о Гуннахъ, кнутахъ, Вандалахъ... Вотъ и докладъ коммиссіи Прусской палатѣ о займѣ 30 мил. талеровъ или «о той глубокой антипатіи Прусскаго народа къ Россіи, съ которой (Россіей) mittelbar, ни unmittelbar, ни bedingt, ни unbedingt не заключать союза»—иначе: не давать денегъ (Allgem. Zeitung №№ 93, 96—99). Брайтъ, приверженецъ мира, говоря о тягостяхъ войны, которыя лягутъ исключительно, по его мнѣнію, на владѣльцевъ, пластически объяснилъ имъ мысль свою: «у каждаго изъ васъ, милорды, здѣсь присутствующіе, сидитъ на плечахъ Турокъ»...... Повидимому, если не во Франціи, безнравственной и исключительно-преданной мыслямъ о наживѣ и стремленію утопиться въ наслажденіяхъ, если не въ Австріи безвѣрной и безхарактерной со своими многочисленными національностями, при ея постоянно-ложномъ положеніи; если ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ свободы слова и мнѣнія: то нельзя ли поискать ея въ парламентахъ Англіи и Пруссіи, у этихъ здравомыслящихъ и самоуправляемыхъ Англичанъ, у этихъ глубокомысленныхъ и руководимыхъ учеными убѣжденіями Нѣмцевъ? А между тѣмъ, посмотрите, что́ они дѣлаютъ? Какое значеніе даютъ они этой войнѣ? Кому льстятъ и кому потакаютъ? Куда стремятся и куда придутъ? Война очищаетъ грѣхи поколѣній, и возрожденіе совершается кровавымъ крещеніемъ. Но знаете ли вы, Англичане, Французы, Нѣмцы и Австрійцы, для кого вы работаете?.... Вы работаете для насъ Русскихъ! Все что̀ вы совершаете—ложь и клевета. Вы

хотите оградить Турцію? Гдѣ же эта независимая Турція подъ вашимъ покровительствомъ и наводненная чужими войсками и племенами, съ сильной, негодующей партіей Ислама, безъ денегъ, среди внутреннихъ бунтовъ и смятеній? Вы называете насъ Гуннами и Вандалами, насъ съ нашими кроткими нравами гостепріимства, у которыхъ что ни шагъ, то Англійскій клубъ, то магазинъ Парижанки, то иновѣрческая кирка, то Нѣмецкая колонія. О какомъ кнутѣ говорите вы? Чтó значатъ наши неустроенныя наказанія противъ вашихъ плахъ и изощренныхъ работъ и наказаній? Вы боитесь нашего варварства? Но развѣ не вы сами пріѣзжаете къ намъ, и развѣ не было у насъ представителей Русскаго общества, влекомыхъ къ свѣту истины: Бецкаго, Татищева, Посошкова... и позже: Ломоносова, Муравьева, Державина, Карамзина, Пушкина? Вы пугаете насъ демократіей? Она намъ не страшна: мы искони демократы... Вы работаете для насъ и во всякомъ случаѣ противъ себя. Вы отвратите насъ отъ себя и обратите насъ, великую націю, къ самой себѣ. Это непомѣрное вліяніе Запада прекратится, и мы, можетъ быть, разбитые, займемся собою, обдумаемся и явимся вамъ въ томъ зрѣломъ и благоустроенномъ состояніи, въ которомъ всѣ сопредѣльные и соплеменные намъ народы признáютъ насъ главою, владыкою судебъ полсвѣта.

Сегодня, 11-го Апрѣля, послѣ обѣдни, при пушечной пальбѣ, читанъ намъ, въ церквахъ, подписанный вчера въ 11 часовъ вечера, манифестъ о томъ, что Англія и Франція, скинувъ всякую личину, рѣшились унизить Русь православную и отторгнуть ея области... Съ нами Богъ!.. Демонстрація эта не произвела у насъ никакого впечатлѣнія; ибо манифестъ слишкомъ коротокъ, слабѣе прежнихъ и не содержитъ въ себѣ ничего опредѣлительнаго и ничего болѣе новаго, чѣмъ то, чтò всѣмъ уже извѣстно. Въ манифестѣ сказано, что мы не искали и не ищемъ завоеваній; а между тѣмъ стихотворцы, особенно Московскіе и Замосковскіе, трубятъ о Цареградѣ и о Св. Софіи, всюду дѣлаются пожертвованія, и войска доблестно перешли черезъ Дунай... Едва ли послѣ возбужденнаго воодушевленія не наступитъ разочарованіе... Молимся мы прилежно.

ЧУДОВИЩНАЯ СЦЕНА ВЪ РЕВЕЛѢ.

(1858).

Наканунѣ ожидаемаго преобразованія уѣздной полиціи въ Прибалтійскихъ губерніяхъ нелишнимъ будетъ вспомнить объ одномъ вопіющемъ дѣлѣ, происшедшемъ 30 лѣтъ тому назадъ въ Эстляндской губерніи и возмутившемъ своей жестокостью даже иностранную Нѣмецкую печать, обыкновенно столь снисходительную въ такихъ случаяхъ. Но прежде чѣмъ перейти къ разсказу о случаѣ, вѣрно характеризующемъ прелести баронской полиціи, припомнимъ тѣ земельныя условія, въ которыхъ жило и по большей части находится и по сіе время сельское населеніе Эстляндіи.

Эсты, коренные обыватели этой страны, покорителями ихъ Датчанами были проданы магистру Нѣмецкаго ордена, который подарилъ ихъ Лифляндскому ордену; затѣмъ они переданы Швеціи и, наконецъ, перешли во власть Русскаго Государя. Всѣ эти переходы отъ одного подчиненія къ другому совершались, по выраженію одного писателя *), безъ малѣйшаго соучастія Эстонскаго народа, хотя во время войнъ поля Эстляндіи орошались его кровью, а въ мирное время его пòтомъ.

Германскіе выходцы, покоривъ Прибалтійскій край огнемъ и мечемъ, конечно не преминули подчинить его своимъ феодальнымъ порядкамъ. Крѣпостная зависимость крестьянъ доходила до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что владѣлецъ, нерѣдко самъ убѣждаясь, что никакая человѣческая сила не въ состояніи удовлетворить всѣмъ условіямъ барщины, считалъ нужнымъ ослаблять ихъ. При этомъ онъ, конечно, не забывалъ всякій разъ выставлять на видъ правительству свое великодушіе. До царствованія императрицы Елисаветы Петровны Эстонецъ безъ позволенія помѣщика не имѣлъ права вступать въ бракъ; помѣщики, освобожденные Русскимъ правительствомъ отъ поставки рекрутъ, продавали ихъ во внутреннія губерніи для той же потребности, пока этотъ гнусный торгъ не былъ запрещенъ Екатериной II-й. Вообще можно сказать, что Прибалтійское дворянство, несмотря на нѣкоторыя по большой части мнимыя уступки духу времени, пользовалось гораздо бòльшимъ просторомъ относи-

---

*) Der Ehste und sein Herr. Zur Beleuchtung der oekonomischen Lage der Bauern in Ehstland 1861. Berlin.

тельно своихъ крѣпостныхъ правъ при Русскомъ правительствѣ, чѣмъ при Шведскомъ. Что касается Эстляндскаго рыцарства, то его уступки постоянно клонились лишь къ тому, чтобъ еще болѣе узаконить безвыходное положеніе крестьянъ. Такъ въ 1811 г. его просьба объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія сопровождалась условіемъ, чтобы вся крестьянская земля считалась собственностью помѣщика и крестьянамъ не предоставлялось права уходить за границы губерніи. Крестьянское Положеніе 1816 г. столь мало послужило къ улучшенію быта Эстляндскихъ крестьянъ, что одинъ изъ помѣщиковъ могъ, торжествуя, заявлять: „лишь теперь, по дарованіи крестьянамъ личной свободы, дворянство можетъ сказать, что оно вполнѣ завоевало страну“. Новый законъ, правда, предоставлялъ крестьянину право покупать землю; но продавцевъ не оказывалось: владѣльцу было гораздо выгоднѣе сдавать землю въ аренду крестьянину, который, волей-неволей, долженъ былъ подчиняться всѣмъ условіямъ, какъ бы они ни были тяжки для него *). Между тѣмъ какъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ со времени раскрѣпощенія помѣщичье хозяйство по большей части пришло въ упадокъ, въ Прибалтійскомъ краѣ, напротивъ, уничтоженіе крѣпостнаго состоянія увеличило число такъ называемыхъ образцовыхъ хозяевъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась и бѣдность крестьянъ, освобожденныхъ безъ малѣйшихъ средствъ къ существованію.

При такихъ условіяхъ и при сохраненіи за собой права суда и расправы надъ сельскимъ населеніемъ, Прибалтійскому дворянству не требовалось большаго труда и капитала, чтобы привести свое хозяйство, сравнительно съ Русскимъ, въ цвѣтущее состояніе.

Теперь посмотримъ, какъ пользовалось Эстляндское дворянство предоставленнымъ ему важнымъ правомъ суда и расправы и что́ такое въ сущности вотчинная полиція, за сохраненіе которой въ Прибалтійскомъ краѣ высказывалось даже нѣсколько Русскихъ голосовъ, именно изъ среды людей недовольныхъ порядками земской полиціи во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ.

До 1858 г., когда совершилось нижеизложенное событіе, вотчинный господинъ имѣетъ право наказывать своего арендатора 15-ю ударами палокъ (Stockschläge), а женщинъ и дѣтей 30-ю розгами. Если вотчинникъ желалъ усилить наказаніе, то съ помощью всегда послушной ему волостной полиціи онъ могъ доводить и число палочныхъ ударовъ до 40. Однажды гакерихтеръ (исправникъ) наказалъ крестьянина 80-ю палочными ударами за то, что тотъ, въ противность арендному условію расходовать на мѣстѣ сѣно своего участка, свезъ сѣно въ городъ. Принести жалобу на помѣщика крестьянинъ могъ неиначе какъ съ его разрѣшенія. За превышеніе нормы наказанія помѣщикъ штрафовался 10—25 рублями, которые шли въ дворянскую же кассу, на потребности помѣщичьи!

*) Со времени дарованія крестьянамъ личной свободы пріобрѣтено ими въ Эстляндіи въ полную собственность 5708 дворовъ. Всѣхъ крестьянскихъ арендныхъ дворовъ, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, значится 23,969.

Конечно были попытки, какъ со стороны правительства, такъ и нѣкоторыхъ мягкосердыхъ помѣщиковъ, согласовать средневѣковые порядки уѣздной полиціи съ болѣе современными требованіями, и Положеніемъ о крестьянахъ Эстляндской губерніи 1856 власть помѣщика была нѣсколько ограничена; но такъ какъ это Положеніе было сочинено на ландтагахъ, т.-е. составителями его были тѣже дворяне, то оно было такъ ловко написано, что противъ одной статьи, повидимому, предоставляющей арендатору нѣкоторое право, находились двѣ другія статьи, значительно ограничивающія это право. Послѣдствіемъ пристрастнаго толкованія Положенія и были крестьянскія волненія, окончившіяся печальнымъ эпизодомъ, къ изложенію котораго мы приступаемъ.

Помѣщики хотѣли увѣрить своихъ крестьянъ-арендаторовъ, что та статья Положенія 1856 г., которою отмѣнялись барщина и денежныя повинности, возъимѣетъ свое дѣйствіе не ранѣе какъ по истеченіи 10-ти лѣтъ; крестьянамъ же показалось это объясненіе мало вѣроятнымъ. Не можетъ быть, толковали они, чтобы нашъ добрый Государь наградилъ насъ такимъ закономъ, который получитъ свою силу не ранѣе какъ черезъ десять лѣтъ. Сомнѣнія крестьянъ усилились тѣмъ обстоятельствомъ, что Положеніе прочитано въ киркахъ крестьянамъ лишь одинъ разъ, а слѣдовало, какъ со всякимъ новымъ закономъ, прочитать его три Воскресенья подрядъ.

Это произвольное заторможенье давно ожидаемой льготы не могло, наконецъ, не вывести изъ себя забитаго и вообще тяжелаго на рѣшеніе Эстонца. Но вмѣсто того, чтобы предоставить компетентному суду (только не сословному, ибо немыслимо, чтобы дворяне, связанные родственными и матерьяльными между собой отношеніями, когда-либо могли принять сторону арендатора противъ помѣщика) рѣшить споръ аграрно-юридическаго свойства. Эстляндское дворянство раздуло это дѣло, представило его бунтомъ, и надъ несчастными арендаторами былъ наряженъ военный судъ, въ которомъ засѣдали тѣже дворяне. И вотъ какъ распоряжался подобный судъ. Помѣщикъ Н. Ш., гакенрихтеръ близъ Гапсаля, узнавъ или можетъ статься только предполагая, что его арендаторы осмѣлились „разсуждать" про облегченія касающіяся барщинной повинности и предоставляемыя новымъ крестьянскимъ Положеніемъ, дабы искоренить зло, какъ онъ выразился, въ самомъ его зародышѣ, потребовалъ войска. Призванные солдаты ночью ворвались въ избы, захватили ничего не подозрѣвавшихъ и перепуганныхъ крестьянъ и, притащивъ ихъ въ Ригу, угостили порядочнымъ количествомъ палокъ и розогъ.

Въ томъ же 1858 г. двое волостныхъ старшинъ съ мызы А. отправились къ приходскому судьѣ (помѣщику) и униженно попросили его объяснить имъ ту статью новаго Положенія, по которой уменьшается барщинная повинность на 26 процентовъ. Судья сталъ ихъ укорять въ непокорности и бунтѣ и для примѣра приказалъ заковать въ кандалы и въ такомъ видѣ препроводить въ Ревель. Тамъ они долгое время томились въ

тюрьмѣ разлученные съ своими семействами и, недопрошенные, присуждены были дворянскимъ судомъ: одинъ—къ заключенію въ тюрьмѣ на три года, другой (его помощникъ) на два года,—за злоупотребленіе служебными обязанностями [1]).

Крестьяне помѣстья Аннія (барона У.-Ш...) не видя облегченій, обѣщанныхъ Положеніемъ 1856 г., рѣшились отправиться въ Ревель въ числѣ 60 хозяевъ въ качествѣ депутатовъ. По этому случаю Ревель сдѣлался позорищемъ возмутительной экзекуціи. Главными дѣйствующими лицами были совѣтникъ губернскаго правленія фонъ-Ш... и комендантъ баронъ З.... Губернаторъ Гринвальдъ находился въ отсутствіи, а исправлявшій его должность вице-губернаторъ баронъ Р. была личность слабохарактерная, находившаяся подъ вліяніемъ упомянутаго фонъ-Ш..., который приходился родственникомъ барону У.-Ш. Должно замѣтить, что всѣ три представителя губернской администраціи принадлежали къ сектѣ піетистовъ, имѣющей и въ настоящее время очень много послѣдователей между Эстляндскимъ дворянствомъ, особенно въ его женской половинѣ.

Пришедшіе въ Ревель депутаты отъ арендаторовъ мызы А... первоначально явились къ начальнику жандармскаго управленія г. м. Грессеру [2]), который, сказавъ имъ, что ихъ дѣло до него не касается, направилъ ихъ въ Губернское Правленіе; при этомъ онъ далъ имъ совѣтъ явиться туда не болѣе какъ въ числѣ трехъ человѣкъ. Депутаты такъ и сдѣлали, но поддались коварному совѣту одного изъ губернаторскихъ чиновниковъ и попались въ ловушку. Этотъ ревнитель баронскихъ интересовъ объявилъ имъ, что необходимо выслушать всѣхъ 60 депутатовъ и чтобы пришли и остальные 57. Когда это было исполнено, тотчасъ же вся депутація была окружена заблаговременно приготовленной ротою солдатъ. Между тѣмъ совѣтникъ фонъ-Ш..., ссылаясь на письмо помѣщика, просившаго наказать его арендаторовъ какъ можно построже и на то обстоятельство, что депутація явилась въ противозаконномъ числѣ (скопомъ), убѣждалъ нерѣшительнаго вице-губернатора произвести экзекуцію и когда тотъ колебался, то далъ ему часъ на размышленіе. Какъ правитель канцеляріи губернатора, такъ и прочіе совѣтники Губернскаго Правленія (къ чести ихъ будь сказано) сдѣлали все возможное, чтобы отклонить барона Р. отъ несправедливаго и жестокосердаго рѣшенія; но вліяніе фонъ-Ш., а можетъ быть и правила унаслѣдованныя отъ предковъ, покорившихъ Эстляндію огнемъ и мечемъ, одержали верхъ надъ нерѣшительностью набожнаго администратора, и казнь несчастныхъ Эстонцевъ была разрѣшена. Узнавъ объ этомъ, торжествующій піетистъ богохульно воскликнулъ „Gelobet sei der Herr Jesus Christus“ (Слава Господу Іисусу Христу!)—наконецъ то!“ Комендантъ г.-м. фонъ-З. предложилъ свои услуги обставить экзекуцію приличною торжественностью. Описаніе ея передаемъ словами современнаго

[1]) Gartenlaube 1862 г. №21.

[2]) Отцу нынѣшняго С.-Петербургскаго градоначальника.

иностраннаго журнала (Gartenlaube), дополненными воспоминаніями одного очевидца. Свидѣтельство органа Нѣмецкой печати, имѣющей обыкновеніе судить о дѣлахъ нашей Прибалтійской окраины съ точки Германской исключительности, устраняетъ всякое сомнѣніе въ правдивости разсказа.

Въ Понедѣльникъ, 26 Іюля 1858 года, въ 4 часа попол., мирнымъ обывателямъ города Ревеля пришлось быть свидѣтелями такого страннаго зрѣлища. Шествіе открывалъ квартальный надзиратель (жандармерія отсутствовала), за нимъ шла рота солдатъ Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка съ музыкантами, игравшими какой-то веселый маршъ, затѣмъ члены Эстонской депутаціи, блѣдные, изнуренные, но бодро выступающіе. Ихъ окружала со всѣхъ сторонъ другая рота солдатъ.

Когда несчастныя жертвы баронской мести были приведены на лобное мѣсто (на „Русскомъ Рынкѣ"), двое солдатъ, схвативъ депутата и сдернувъ съ него одежду, повергали его на мостовую, такъ что его лице обагрялось кровью и выбивались зубы. Затѣмъ одинъ солдатъ садился на шею, другой на ноги распростертому, а третій исправлялъ должность палача, постоянно поощряемый комендантомъ. (Плацъ-адъютантъ Б. отказался участвовать въ экзекуціи и за то комендантомъ былъ подвергнутъ аресту). Среди огромной толпы народа, привлеченнаго воплями истязуемыхъ, послышались рыданія, женщины падали въ обморокъ, сталъ раздаваться громкій ропотъ, и неизвѣстно какой катастрофой окончилась бы эта потрясающая сцена, еслибы экзекуція не была прекращена неожиданно явившимся начальникомъ жандармовъ генераломъ Грессеромъ.

Такъ распоряжалась баронская полиція и ея приспѣшники въ царствованіе благодушнѣйшаго изъ Государей, даровавшаго Россіи судъ милостивый и праведный.

Послѣ этого какой злой ироніей отзываются самохвальныя вѣрноподданническія фразы ландтаговъ! „Эстляндское рыцарство, говорится въ одномъ сеймовомъ отчетѣ, издавна поняло свое положеніе въ государствѣ, налагающее на него обязанность заботиться объ улучшеніи современнаго быта обязанныхъ благодарностью крестьянъ. Пришедшая шесть вѣковъ назадъ въ эту землю, корпорація наша внесла въ нее христіанство, Нѣмецкое право и культуру... дала крестьянину кодексъ, предоставившій ему и личную свободу, и защиту закона, въ обезпеченіе личныхъ правъ и въ основаніе благосостоянія каждаго гражданина. Постановленія нашего ландтага да послужатъ позднѣйшимъ поколѣніямъ свидѣтельствомъ благородныхъ (!!!) чувствъ Эстляндскаго дворянства".

А. Ч...

ДУХОВЕНСТВО И ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ.

II [1]).

Очищая отъ времени до времени духовенство отъ „безмѣстныхъ поповичей“, правительство Петра и Екатерины, хотя медленнымъ и притомъ непрямымъ, а отрицательнымъ путемъ, достигало и другой цѣли—нравственнаго усовершенствованія въ наличномъ составѣ церковнаго клира. Главный источникъ, изъ котораго пополнялся этотъ клиръ, состоялъ именно въ безмѣстныхъ поповичахъ, проживавшихъ въ семействахъ своихъ родителей (наличныхъ членовъ клира) и съ нетерпѣніемъ выжидавшихъ для себя удобнаго случая къ тому, чтобы, по мѣткому выраженію одного историческаго памятника, „водраться“ въ духовный чинъ. Во внутренней своей жизни множество этихъ кандидатовъ на церковнослужительскія должности представляло изъ себя крайнее невѣжество и нравственную распущенность. Акты XVII вѣка переполнены жалобами на то, что „безмѣстные поповичи безчинствуютъ во время богослуженія“ даже и въ „алтарѣ“, ругаются въ церкви скаредною бранью, занимаются воровствомъ, чернокнижіемъ, звѣздочетствомъ, держатъ у себя разныя книги ересныя, приговоры, рафли, тетради гадательныя [2]). Почти тоже было и въ послѣдующее время Петровскихъ преобразованій. Правда, теперь, быть можетъ, не стало въ этой средѣ прежнихъ грубыхъ пороковъ, но за то невѣжество попрежнему господствовало здѣсь во всей силѣ. Заслуживающій всякаго вѣроятія, безспорный историческій свидѣтель Петровскаго времени и свидѣтель, конечно, безпристрастный, святитель Ростовскій Димитрій о поведеніи этихъ людей, объ ихъ небрежности и невниманіи къ отправленію самоважнѣйшихъ и священнѣйшихъ обязанностей каждаго христіанина по отношенію къ церкви замѣчаетъ: „Іерейскіе сыновья приходятъ ставиться на отцовскія мѣста, и мы ихъ спрашиваемъ: давно ли причащались? И они отвѣчаютъ, что и не помнятъ, когда причащались. О, окаянные іереи, не радящіе о своемъ домѣ! Какъ могутъ радѣть о святой церкви люди, домашнихъ своихъ къ причастію не приводящіе?“ [3]).

Со введеніемъ обязательнаго образованія для дѣтей священноцерковнослужительскихъ въ духовныхъ семинаріяхъ правительство Екатерины, разумѣется, въ большей или меньшей степени, достигало до настойчиво преслѣдуемыхъ имъ цѣлей; тѣмъ не менѣе такъ какъ самое просвѣщеніе прививалось здѣсь весьма туго, то и нравственное усовершенствованіе духовенства шло медленно. Достаточно вспомнить, напримѣръ, начальный шагъ административной дѣятельности Московскаго митрополита Платона. При вступленіи на Московскую каѳедру онъ потребовалъ отъ благочин-

---

[1]) См. выше, стр. 0129.—[2]) Правосл. Собесѣдникъ 1863 г.—[3]) Исторія Россіи Соловьева, т. XV, стр. 126.

ныхъ свѣдѣній о священно и церковнослужителяхъ, кто изъ нихъ былъ въ школахъ и въ какихъ и кто не былъ? Изъ вѣдомостей, доставленныхъ благочинными, оказалось, что число ученыхъ, т.-е. бывшихъ въ школахъ священнослужителей, очень незначительно, именно: изъ 303 протоіереевъ и священниковъ „ходившихъ до богословіи и философіи" было только 95, а остальные большею частію даже совсѣмъ не были въ школахъ [4]).

Въ царствованіе Павла Петровича былъ только одинъ разборъ духовенства. 22-го Декабря 1796 г. Св. Синодъ получилъ именной указъ слѣдующаго содержанія: „Видѣвъ изъ вѣдомостей отъ Синода представленныхъ, сколь великое число состоитъ священно и церковнослужительскихъ дѣтей праздно живущихъ при отцахъ своихъ... повелѣваемъ, наполня изъ нихъ мѣста вопервыхъ штатныя священническія и церковнослужительскія, а вовторыхъ учительскія, не только въ духовныхъ училищахъ, но и въ городовыхъ школахъ, по губерніямъ учрежденныхъ, всѣхъ прочихъ, остающихся затѣмъ излишними, обратить въ военную службу, гдѣ они будутъ употреблены съ пользою по примѣру древнихъ левитовъ, которые на защиту отечества вооружались" [5]). 12-го Генваря 1797 года Сенатъ, въ слѣдствіе представленія Св. Синода о разборѣ духовенства, сдѣлалъ циркулярное распоряженіе, кому принимать присылаемыхъ отъ духовнаго правительства церковниковъ и священно и церковнослужительскихъ дѣтей и куда ихъ распредѣлять [6]). Въ скоромъ времени потребовалось особымъ изъяснительнымъ указомъ того же Сената немедленно остановить чрезмѣрное усердіе свѣтскихъ властей въ разборѣ дѣтей духовенства. Губернскія правленія, помимо исполненія прямыхъ обязанностей, возлагавшихся на нихъ Сенатомъ въ данномъ вопросѣ, потребовали отъ существовавшихъ тогда такъ называемыхъ духовныхъ правленій точныхъ списковъ всѣмъ находящимся въ ихъ вѣдѣніи священно и церковнослужительскимъ дѣтямъ и настойчиво требовали представленія въ губернскія правленія самихъ дѣтей для опредѣленія ихъ въ гарнизонныя школы. Сенатъ нашелъ нужнымъ разъяснить, что къ опредѣленію въ военную службу требуются только дѣти священно и церковнослужителей, праздно живущія [7]).

На сколько ревностны были свѣтскія учрежденія, въ это время, къ забору въ военную службу дѣтей духовенства, видно изъ послѣдовавшаго при Павлѣ Первомъ указа Св. Синода, съ разрѣшеніемъ производить на священно и церковнослужительскія мѣста *сторожей* при консисторіяхъ, духовныхъ правленіяхъ и семинаріяхъ, которые происходили изъ духовнаго званія [8]). Нѣтъ сомнѣнія, что эта мѣра къ пополненію штатныхъ вакансій лицами ранѣе того занимавшими мѣста прислуги въ разныхъ духовныхъ учрежденіяхъ, явилась слѣдствіемъ того усердія, съ какимъ сталъ производиться разборъ духовенства въ это время. Духовныя и свѣтскія власти, вѣроятно, такъ усердно принялись за исполненіе Мо-

---

[4]) Истор. Моск. епарх. управл. ч. 3, стр. 102, при мѣч. 37.—[5]) П. С. Законовъ, т. 24, № 17625.—[6]) Тамъ же, № 17728.—[7]) Тамъ же, № 18109.

наршей воли объ исключеніи изъ духовнаго вѣдомства всѣхъ лишнихъ членовъ, что скоро почувствовался недостатокъ въ кандидатахъ на священно и церковнослужительскія мѣста.

Въ царствованіе Александра Благословеннаго очищеніе духовнаго сословія отъ лишнихъ и непригодныхъ для него членовъ производилось на основаніи узаконеній Екатерины II-й. Наслѣдственность духовнаго служенія успѣла сдѣлать еще нѣсколько новыхъ шаговъ въ своемъ развитіи. Указами 1808 и 1814 гг. въ духовноучилищное вѣдомство велѣно зачислять безъ исключенія всѣхъ дѣтей духовенства съ 6 до 8 лѣтъ. Послѣ этого духовная школа каждый свой курсъ стала выпускать изъ стѣнъ своихъ такъ много людей на церковныя мѣста, что сквозь ихъ плотные ряды для посторонняго человѣка невозможно было пробираться даже и на низшія церковныя должности. Родовое сословіе духовенства могло теперь безъ всякой помѣхи продолжать практику своихъ старыхъ обычаевъ и наслѣдныхъ счетовъ при занятіи церковныхъ мѣстъ. Митрополитъ Серафимъ требовалъ, напр., чтобы духовенство не смѣшивалось съ другими сословіями даже посредствомъ браковъ и въ резолюціяхъ объ опредѣленіи на мѣста разныхъ духовныхъ воспитанниковъ писалъ, чтобъ они вступали въ бракъ непремѣнно съ дѣвицами духовнаго же званія. Благодаря этой замкнутости, духовное сословіе переполнялось праздными членами. Наличный составъ его за это время далеко не былъ соразмѣренъ съ числомъ мѣстъ въ клирѣ. Вотъ почему не обошлось безъ разбора и въ это время. Прежде всего теперь возстановлено было вновь во всей силѣ дозволеніе безмѣстнымъ членамъ клира свободно избирать родъ жизни. Затѣмъ въ 1806 г. произведенъ самый[*] разборъ. Этотъ послѣдній простирался преимущественно на церковниковъ, опорочившихъ себя дурнымъ поведеніемъ и неграмотныхъ дѣтей духовенства свыше 15 л. Но такъ продолжалось всего одинъ годъ. Потомъ разборы не повторялись ни разу. Даже въ 1812 году лица духовнаго званія поступали въ ополченіе и въ армію только по доброй волѣ. Въ 1812 г. воспитанникамъ духовныхъ семинарій дано дозволеніе поступать въ ополченіе, но только „не выше риторическаго класса".

Со вступленіемъ на престолъ Николая Павловича разборы дѣтей духовенства для военной службы получили болѣе или менѣе опредѣленный характеръ. Духовенство теперь больше чѣмъ когда-либо стало замкнутымъ сословіемъ. Выходъ изъ него въ другія званія дѣлался почти невозможнымъ. Съ одной стороны духовная власть стала усиленно заботиться объ удержаніи лучшихъ силъ въ кругу сословія, съ другой и само духовенство находило больше интереса оставаться въ прирожденномъ званіи. Митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ была составлена въ 1853 году записка объ отчисленіи дѣтей духовенства для военной службы, которая и возъимѣла практическое значеніе. Позволяемъ себѣ привести здѣсь эту записку.

„Въ прошедшемъ столѣтіи и въ первой половинѣ текущаго, писалъ м. Филаретъ, отъ времени до времени, по особымъ распоряженіямъ пра-

[*]) Тамъ же, т. 25, № 18920

вительства, производимъ былъ такъ называвшійся *разборъ* людей духовнаго званія, по которомъ излишніе и неупотребительные въ ономъ, но способные къ званію военному, отчисляемы были въ военное вѣдомство. Послѣднее сего рода распоряженіе было въ 1830 году; и хотя оно было снисходительно, такъ что молодые люди, безмѣстные, но по образованію могущіе быть полезными въ духовномъ званіи, были въ немъ оставлены, и даже изъ малообразованныхъ оставлено было по одному сыну для матерей-вдовъ; однако, видно, правительство взирало на сію мѣру, какъ на нелегкую, потому что немалое число взятыхъ изъ духовнаго званія въ военную службу, по просьбамъ ихъ родителей и родственниковъ, оставшихся въ духовномъ званіи, въ теченіе года и болѣе, возвращены въ сіе званіе не безъ ущерба для военнаго вѣдомства, которое безполезно употребило издержки и труды на ихъ обмундированіе, содержаніе и обученіе, и не къ прибыли для духовнаго вѣдомства, которое, отдавъ малоспособныхъ, получило ихъ обратно еще менѣе способными къ церковной службѣ, утратившими прежнее къ ней приспособленіе среди занятій совсѣмъ инаго рода".

„По данному такимъ образомъ обратному ходу дѣла можно усомниться, будетъ ли правительство расположено впредъ употреблять мѣру, которую, употребивъ прежде, само какъ бы старалось ослабить. Но при вниканіи въ существо дѣла, нельзя еще почитать рѣшеннымъ, а надобно представлять ожидающимъ разрѣшенія вопросъ: не надобно ли и впредъ по временамъ избытокъ людей духовнаго званія отчислять въ военное, на правилахъ, согласуемыхъ съ общимъ и частнымъ благомъ?"

„Въ нѣкоторыхъ званіяхъ, напримѣръ въ земледѣльческомъ, умноженіе числа людей есть прибыль и для государства, и для частнаго благосостоянія. Не всегда такъ въ званіи духовномъ. Доколѣ недостаетъ способныхъ для наполненія мѣстъ службы, дотолѣ умноженіе людей есть прибыль и въ духовномъ званіи. Но когда мѣста службы наполнены и, сверхъ нѣкотораго запаса людей, для незатруднительнаго занятія открывающихся мѣстъ, остается избытокъ людей, которые въ теченіе многихъ лѣтъ мѣстъ не находятъ, тогда сіи люди суть бремя для званія и для государства. И таковы по необходимости избыточествующіе люди духовнаго званія, потому что они, кромѣ рѣдкихъ исключеній, не имѣютъ наслѣдственныхъ способовъ пропитанія и, составляя разрядъ людей приготовительный къ духовной службѣ, не довольно могутъ употреблять себя на другія занятія, доставляющія хлѣбъ, и особенно менѣе способные изъ нихъ и менѣе образованные. Такое состояніе тѣмъ болѣе искусительно, что сіи безпомощные люди большею частію принуждены держаться въ губернскихъ городахъ, чтобы стеречь открытіе вакансій и чтобы не опаздывать просьбами о занятіи оныхъ; и на сей стражѣ менѣе достойные остаются по нѣскольку лѣтъ, предупреждаемые достойнѣйшими".

„Уже духовное начальство чувствуетъ обремененіе своего вѣдомства избыткомъ людей и помышляетъ о средствахъ противъ сего. Между прочимъ оно старается ограничить число учащихся въ духовныхъ училищахъ,

дабы не истощать своихъ способовъ на людей, которые не будутъ ему нужны. Но сія мѣра можетъ доставить только нѣкоторое облегченіе отъ бремени издержекъ, но не отъ бремени людей. И если, вслѣдствіе стѣсненія входа въ духовныя училища, вновь произойдетъ въ духовномъ вѣдомствѣ бывшій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ прошедшемъ столѣтіи многочисленный разрядъ людей, не только излишнихъ, но притомъ и вовсе необразованныхъ, то не будетъ ли это такое бремя, котораго нельзя нести и отъ котораго особенно трудно освободиться?".

„Куда пойдутъ необученыя дѣти духовенства? При совершенной необразованности для нихъ въ виду одинъ путь—въ податное состояніе. Но если человѣколюбивое правительство желаетъ дѣйствовать сколь возможно не тяжкими мѣрами, какъ сіе видно въ вышеприведенномъ примѣрѣ 1830 года, то оно не употребитъ усилій къ перемѣщенію изъ духовнаго званія въ податное и предоставитъ сіе только желающимъ. Закрыть для дѣтей путь къ образованію и чрезъ образованіе исходъ въ неподатное состояніе,—это были бы двѣ мѣры тяжкія, которыя отчасти могла бы извинять нужда и которыхъ не можетъ оправдать правосудіе. Притомъ для вступленія въ податное состояніе городское нуженъ хотя малый капиталъ, котораго дѣти духовенства не имѣютъ, а для вступленіе въ сельское требуется приспособленіе къ земледѣльческимъ работамъ, котораго въ городскомъ духовенствѣ не можетъ быть и которое и въ сельскомъ постепенно утрачено съ тѣхъ поръ, какъ указомъ Государя Императора Павла Перваго обработываніе земель сельскаго духовенства возложено было на прихожанъ".

„Изъ сего можно по справедливости заключить, что хотя переведеніе изъ духовнаго званія въ низшій разрядъ военнаго званія всегда казалось мѣрою нелегкою, однако это легче, нежели загражденіе путей къ образованію и переведеніе въ податное состояніе: во первыхъ, потому, что военное званіе есть почетное; во вторыхъ, потому, что оно представляетъ болѣе или менѣе надежду выслуги и потомъ свободный покой въ отставкѣ; въ третьихъ потому, что отчисленіе изъ духовнаго званія въ военное учреждается обыкновенно такъ, что мѣра сія оправдывается правосудіемъ, ибо отчисляются такіе, которые свободнымъ употребленіемъ своихъ способностей менѣе другихъ приспособили себя къ званію духовному".

„Съ такимъ разборомъ и правосудіемъ производимое отчисленіе излишнихъ людей въ военное званіе можетъ быть не безполезно военному званію, доставляя ему людей, безъ сомнѣнія болѣе способныхъ къ военному образованію, нежели рекруты изъ крестьянъ; и въ тоже время можетъ быть соединено съ нравственною пользою для званія духовнаго, освобождая его не только отъ излишнихъ, но и отъ менѣе способныхъ и надежныхъ, а чрезъ то побуждая остающихся въ духовномъ званіи усовершать себя по духу сего званія, дабы не подвергнуться исключенію изъ онаго".

„Если изложенныя теперь соображенія признаны будутъ справедливыми, то дабы отчисленіе изъ духовнаго званія въ военное производимо было согласно съ правосудіемъ и по возможности облегчительнымъ образомъ, для сего представляются разсмотрѣнію слѣдующія предположенія:"

„I. До обученія въ духовныхъ училищахъ допустить всѣхъ дѣтей духовенства по желанію ихъ родителей, съ тѣмъ что достойнѣйшіе изъ нихъ по ученію и по поведенію употреблены будутъ въ духовной службѣ, а затѣмъ излишніе и вмѣстѣ менѣе способные и достойные обязаны будутъ избрать себѣ другое званіе или быть отчислены въ званіе военное“.

„II. Въ неопредѣленныя времена, по усмотрѣнію правительства, или въ опредѣленные сроки, напримѣръ чрезъ каждыя семь или десять лѣтъ, производить пересмотръ людей духовнаго званія для отчисленія излишнихъ въ военное“.

„III. Въ военное званіе отчисляются: 1) Ученики, исключенные и уволенные изъ семинаріи прежде окончанія богословскаго ученія, имѣющіе не менѣе 17 лѣтъ возраста“. „2) Ученики того же возраста, исключенные и уволенные изъ низшихъ духовныхъ училищъ и непоступившіе въ семинарію“. 3) „Дѣйствительные ученики семинарій и низшихъ духовныхъ училищъ, которыхъ семинарское правленіе признаетъ неблагонадежными къ духовному званію“. „4) Безмѣстные дѣти священно- и церковно-служителей, звонарей и пономарей, неучившіеся въ училищахъ, имѣющіе не менѣе 17 лѣтъ возраста“. „5) Причетники въ теченіе трехъ лѣтъ причетнической службы, знаніемъ службы и поведеніемъ незаслужившіе посвященія въ стихарь. „6) Причетники, сторожа и звонари, два раза и болѣе осужденные въ проступкахъ противъ должности и благоповеденія“.

„IV. Впрочемъ, сынъ вдовы, слѣдующій къ отчисленію въ военное званіе, можетъ быть оставленъ въ духовномъ, если она не имѣетъ другаго сына при мѣстѣ и если онъ не совсѣмъ неблагонадеженъ къ духовной службѣ“.

„V. Причетникъ, слѣдующій къ отчисленію въ военное вѣдомство, также можетъ по особому разсмотрѣнію епархіальнаго архіерея быть оставленъ въ духовномъ, если имѣетъ мать-вдову, неимѣющую другаго сына при мѣстѣ, или если имѣетъ большое семейство и притомъ не совсѣмъ неблагонадеженъ для духовной службы“.

„VI. Вѣроятно, правительство найдетъ сообразнымъ съ справедливостью и милосердіемъ, чтобы отчисляемымъ изъ духовнаго званія въ военное съ одобреннымъ поведеніемъ, назначенъ былъ не очень долгій срокъ службы и хотя довольно продолжительный срокъ выслуги до офицерскихъ чиновъ; потому что (если позволено доброму намѣренію коснуться сужденіемъ чужаго дѣла) офицеры, достигшіе сего званія многолѣтнею службою и дѣятельными опытами боевой жизни, могутъ быть иногда полезны не менѣе, особенно же въ походѣ и сраженіи иногда и болѣе, нежели молодые офицеры, произведенные вслѣдствіе учебнаго образованія“ [9]).

15 Іюля 1853 г. [9]).

Н. Кедровъ.

[9]) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, т. III-й, стр. 514.

ПИСЬМО Г. А. ПОТЕМКИНА КЪ ГРАФУ П. И. ПАНИНУ.

Милостивой государь графъ Петръ Ивановичъ.

Въ проѣздъ мой черезъ Москву слышалъ я отъ вашего сіятельства, что вы желали бъ охотно принять команду войскъ, отряженныхъ противъ бунтовщика и государственнаго злодѣя Пугачева. По смерти общаго нашего пріятеля Александра Ильича обстоятельства тамошнихъ дѣлъ, и съ успѣхами, столь худы сдѣлались, что уже однимъ оружіемъ кончить ненадежно, а нуженъ мужъ испытанный въ искуствѣ и ревности, могущій возстановить порядокъ, обратить каждаго къ своей должности и, словомъ, вложить душу въ разстроенный народъ. Сіи качества, соединенныя въ особѣ вашей, подали мнѣ поводъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ открыть Ея Величеству желаніе ваше, въ чемъ подтвердилъ предъ Ея Величествомъ и его сіятельство братецъ вашъ. Я благонадеженъ, что ваше сіятельство сей мой поступокъ вмѣните въ пріятную для себя услугу. Я же пустился на сіе еще болѣе тѣмъ, что мнѣ извѣстна безпредѣльная ваша вѣрность къ Монархинѣ. Г-нъ капитанъ гвардіи Лунинъ, съ которымъ посланы къ вамъ указы, желаетъ быть при васъ; будьте къ нему милостивы.

Если братъ мой ген.-маіоръ Потемкинъ освободится отъ порученныхъ ему комиссій, то покорно прошу взять его въ дежурные генералы; вы конечно будете имъ довольны.

Милостивой государь, естли я найдусь къ чему ни есть вамъ потребенъ, не щадите меня: я всякое ваше приказаніе съ охотою исполню. Не нарядилъ къ вамъ гвардіи офицеровъ, не зная, нужны ли. Ежели вы оныхъ желаете, то прошу лишь объявить. Я съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью вашего сіятельства, милостиваго государя, покорный слуга Г. Потемкинъ *).

Іюня 29-го (1774). Петергофъ.

P. S. Ея сіятельству милостивой государынѣ графинѣ Марьѣ Родіоновнѣ приношу мое почтеніе.

Письмо это, важность котораго безъ нашихъ поясненій очевидна для лицъ знакомыхъ съ тогдашними обстоятельствами, печатается съ подлинника, хранящагося въ семейномъ архивѣ правнучки графа П. И. Панина, княгини Марьи Александровны Мещерской. П. Б.

---

*) Конечно такого письма не написалъ бы графу Панину своякъ его графъ З. Г. Чернышовъ, предмѣстникъ Потемкина въ управленіи Военною Коллегіею. П. Б.

ИЗОБРАЖЕНІЕ РУССКОЙ ЧАСОВНИ ВЪ ТУРИНѢ *).

Письмо къ издателю:

Согласно желанію вашему, спѣшу сообщить вамъ подробное описаніе изображенія часовни надъ прахомъ княгини Бѣлосельской въ Туринѣ, а также и текстъ подписи.

Гравюра величиною—12 вершк. выш. и 6 съ полов вершк. шир. Подпись подъ ней слѣдующая: „Estampe du Mausolée de Barbe Princesse Béloselsky, née à Moscou le 27 Mars 1764, morte et remontée à son origine le 25 Nov. à 792 à Turin“.—„Fait en marbre par Innzo Spinacci Sculpteur de S. A. R. le Grand-Duc de Toscane; érigé à Turin l'année 1795“.—„Gravé à Turin par Valperga G-eur du Roi“.—Гравюра изображаетъ разрѣзъ часовни съ куполомъ, опирающимся на 4 пилястра. На окружности основанія купола находится гербъ князей Бѣлосельскихъ. Внутри часовни, на 4-хъ угольномъ, высокомъ цоколѣ, помѣщены: справа 3 дѣтскія фигуры, съ скорбнымъ выраженіемъ лицъ, въ разныхъ позахъ, поддерживающія овальный медальонъ съ портретомъ княгини Бѣлосельской, въ профиль вправо. Слѣва отъ дѣтскихъ фигуръ помѣщается на томъ же цоколѣ стоячая женская фигура въ ростъ, простирающая лѣвую руку надъ медальономъ съ портретомъ, а правою рукой, держащею потиръ, поддерживающая опирающуюся на лѣвое колѣно ея раскрытую Библію. Лице этой фигуры покрыто флёромъ, и черты не вполнѣ ясно видны. Задрапирована она въ псевдоклассическомъ вкусѣ. На сторонѣ цоколя, обращенной къ зрителю, высѣчена надпись: „O sentiment! Sentiment! Douce vie de l'âme! Quel est le coeur que tu n'a jamais touché? Quel est l'infortuné mortel à qui tu n'as jamais donné le doux plaisir de répandre des larmes? Et quelle est peut-être l'âme impitoyable qui à l'aspect de ce monument, si simple et si pieux, ne se recueille avec mélancolie et ne pardonne généreusement aux défauts du malheureux époux qui l'a élevé!“

А. Станкевичъ.

Замѣтка.

Читая въ 5-мъ выпускѣ „Р. Архива“ сего года. „Путешествіе стольника П. А. Толстаго“ на стр. 57, замѣтилъ я недоумѣніе ваше о значеніи слова „*сапецъ*“. Какъ морякъ, я нахожу возможность объяснить, что упомянутый морской (старинный) терминъ обозначаетъ *холодное абордажное оружіе*, напр. сабли, а главное—топоръ. (Французск. гласомъ „saper“ подсѣкать). На стр. же 59-й, „*караякъ*“, если не ошибусь прочтено невѣрно; это—*кораллъ*.

Н. Акатьевъ.

---

*) См. „Р. Архивъ“ сего года“, I, 211. Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ любезно сообщилъ намъ и снимокъ съ самой гравюры. П. Б.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1839-й годъ *).

(Командованіе на Кавказской линіи и въ Черноморіи).

1-го Мая прибылъ я къ отряду въ кр. Внезапную, изъ Кизляра, чрезъ Могаммедовъ мостъ, Кази-Юртъ и Костекъ (оба на Сулакѣ).

Отрядъ состоитъ изъ

2-хъ баталіоновъ Кабардинскаго } егерскихъ полковъ — див. начальникъ
4-хъ „ Куринскаго } — г.-м. Голофѣевъ.

Артилеріи:

Единороговъ ¼ пудовыхъ 4
Пушекъ 6-ти фунтовыхъ . . 4
Горныхъ единороговъ. . . . . 4, ожидаются 6-го. Рота саперовъ.
300 лин. казаковъ конныхъ Моздокскаго и Гребенскаго полковъ.
200 пѣшихъ изъ тѣхъ же полковъ.
650 чел. конной милиціи.

---

*) См. 5-й выпускъ „Русскаго Архива“ сего года. Съ 1835 года въ „Дневникѣ“ графа П. Х. Граббе большой перерывъ. Онъ пополняется отчасти нѣсколькими страницами о поѣздкѣ въ Петербургъ въ 1834 году и о Вознесенскихъ маневрахъ 1837 года, напечатанными въ „Р. Архивѣ“ 1873 года (стр. 781 и слѣд.). Изъ послужнаго его списка видно, что въ 1835 году, будучи начальникомъ драгунской дивизіи, онъ былъ уволенъ для излеченія болѣзней къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ на одинъ годъ, 18-го Апрѣля 1837 года произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 10 Апрѣля 1838 года назначенъ командовать войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи. *П. Б.*

Со стороны Темиръ-Ханъ-Шуры въ моемъ распоряженіи 4 баталіона Апшеронскаго полка. Г.-м. Пантелѣевъ и 6 орудій. Шамхалъ Тарковскій и Ахметъ Мехтулинскій правитель Аваріи.

2-го дождь и туманъ. Войска расположены лагеремъ въ полутора верстахъ отъ аула Андреева, на удобномъ мѣстѣ, при водѣ и лѣсѣ. Занялся устройствомъ моего штаба, окончательными и побудительными мѣрами по продовольствію, отысканіемъ лазутчиковъ и пріемомъ разныхъ здѣшнихъ князей.

3-го. Сѣрый, но безъ дождя день. Смотръ войскамъ и лагерю. Все бодро и надежно. Гошпиталь въ крѣпости въ порядкѣ. Дѣло по заготовленію продовольственныхъ запасовъ для дѣйствующаго отряда производится не съ должною дѣятельностью и вниманіемъ.

5-го. Поѣздка въ лагерь два раза. Прекрасная природа этого края, достойная живописи и изученія. Воспоминаніе происшествій въ этихъ мѣстахъ во времена Кази-Муллы, коего Шамиль теперь преемникъ.

6-го. Прекрасный день. Два выѣзда по окрестности съ цѣлію осмотрѣть свойства здѣшнихъ лѣсистыхъ мѣстоположеній. Эти лѣса непроницаемы. Такіе ожидаютъ насъ въ мѣстахъ, куда я намѣренъ идти. Посмотримъ, что̀ могутъ сдѣлать быстрота и нечаянность при навыкѣ войскъ. Горные единороги прибыли. Получено извѣстіе о проѣздѣ г.-л. Головина чрезъ Грозную. Шамиль, противникъ нашъ, по полученному извѣстію, лѣсистыми высотами подходилъ съ тремя человѣками къ нашему лагерю и высматривалъ его. Въ ночи со 2-го на 3-е сподвижникъ его Ташавъ-хаджи напалъ на Герзели-аулъ, порубилъ заготовленный нами лѣсъ для предполагаемой тамъ къ постройкѣ крѣпости, увелъ два семейства и скрылся. Поставленный тамъ постъ не исполнилъ своего дѣла. Изслѣдовать.

7-го. Осмотръ на лѣвомъ берегу Акташа старинныхъ двухъ крѣпостей. Подробности блокады одной изъ нихъ, нагорной, Кази-Муллою, который отрѣзалъ гарнизону воду. Восхитительный съ горы видъ на новую крѣпость, долину Акташа, нашъ лагерь, аулъ Андреевскій, на ближнія и дальнія горы. Пріемъ Андійскихъ депутатовъ и изгнанниковъ. Въ 6-мъ часу, послѣ обѣда, прогулка верхомъ безъ дороги, кустарникомъ по горамъ. Колючій кустарникъ, названный нашими „Держи-дерево“. Любопытные перекаты въ горахъ и по долинѣ послѣ выстрѣла. Пріѣздъ Шамхала Тарковскаго.

8-го. Пріемъ Шамхала. Пріѣздъ г.-л. Головина.

9-го. Молебенъ и парадъ войскамъ. Выступленіе. Ночной походъ до Герзели-аула. Приказъ войскамъ.

10-го. Передовой отрядъ изъ двухъ баталіоновъ Кабардинскаго полка, при двухъ горныхъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Лабинцова, взялъ приступомъ укрѣпленіе и башню Ташава-хаджи, который бѣжалъ. Все сравнено съ землей. Взяты знамя, лафетъ, разное оружіе. Въ семь часовъ вечера общее наступленіе на высокія и лѣсистыя горы, безъ остановки. Все опрокинуто. Примѣчательный переходъ чрезъ дремучіе лѣса и стремнины. Вышли на Яманъ-су и аулъ абрековъ Баланъ-су, преданный опустошенію. Здѣсь еще никогда не бывали Русскіе.

11-го. Лагерь на горахъ необыкновенно-живописный. Изобиліе во всемъ. Въ часъ пополудни выступилъ тремя колоннами, главная по долинѣ и руслу Яманъ-су до Реванкаша, верстъ семь; восемь ауловъ сожжено. Лагерь открытый, крѣпкій и удобный.

12-го. Два баталіона Кабардинскаго и двѣ роты Куринскаго полка, весь отрядъ подъ начальствомъ полк. Лабинцова, съ двумя горными единорогами и съ милиціею, отправлены противъ Сеясана. Нашли укрѣпленіе и башню, съ нѣкоторымъ искусствомъ построенную, съ бойницами и съ труднымъ доступомъ. Взята штыками и, также какъ Сеясанъ, предана огню. Между тѣмъ горцы собрались въ большомъ числѣ, и Ташавъ-хаджи самъ начальствовалъ ими съ мюридами. На возвратномъ пути они кинулись на арьергардъ и преслѣдовали почти до самаго лагеря, всегда отражаемые. Начальникъ милиціи маіоръ Мезенцовъ раненъ и еще четыре офицера. Убито рядовыхъ 5, ранено 30. Кромѣ того, ранены князь Кабардинскій и три узденя.

13-го. Отрядъ изъ двухъ баталіоновъ Куринскаго полка съ двумя орудіями ходилъ въ аулъ Беллетли, который преданъ огню. Опытъ указываетъ, что нужно при здѣшнихъ войскахъ гораздо болѣе горныхъ единороговъ 10-ти линейнаго калибра и саперный баталіонъ для совершеннаго преодолѣнія всѣхъ трудностей.

14-го. Отрядъ выступилъ на разсвѣтѣ въ возвратный путь тремя колоннами, сперва по той же дорогѣ, потомъ по новой, средняя колонна по ущелью Яманъ-су. Сломавшіяся у горнаго

единорога ось и артилерійская кузница подали поводъ къ дѣлу въ арьергардѣ главной колонны, которая настижена была горцами. Завязался довольно жаркій бой, не разъ холоднымъ оружіемъ; но порядокъ не нарушался. Горцы, вездѣ отраженные, отстали. Переходя чрезъ перевалъ отъ Яманъ-су къ Ярыкъ-су, нѣсколько абрековъ, изъ мирнаго аула Ярыкъ-су, сблизи выстрѣлили по мнѣ и по свитѣ. Пущенная на поискъ милиція поймала шесть человѣкъ. Предательство могло повлечь за собою истребленіе всѣхъ жителей и аула; нуженъ былъ примѣръ. Пятеро прогнаны сквозь строй чрезъ тысячу два раза; шестой, по просьбѣ жителей, прощенъ. Лагерь при Ярыкъ-сѣ-аулѣ. Прекрасное мѣсто и большой аулъ.

15 го. Возвращеніе во Внезапную. Всего убито 26 нижнихъ чиновъ, ранено 2 шт.-офицера, 10 об.-офицеровъ и 103 нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, человѣкъ 20 получило контузіи. Всѣ удобно помѣщены въ приготовленныхъ палаткахъ. Письма отъ жены. Пріѣздъ семейства въ Пятигорскъ. Приказъ войскамъ.

17-го. Внезапная. Продолжается навалка провіанта на арбы. Донесеніе г.-м. Пантелѣева вслѣдствіе данныхъ ему г.-л. Головинымъ въ смыслѣ моихъ идей предписанія. Разборъ дурныхъ распоряженій при атакѣ Ирганая. Извѣстія изъ горъ. Большая прогулка. Посѣщеніе раненыхъ. Раненые офицеры не хотятъ оставаться и просятся въ строй. Мой благодарительный отказъ. Высокія и густыя травы, совершенно готовыя къ сѣнокосу, capri-folio цѣлыми кустарниками въ лѣсахъ. Воззваніе Салатовцамъ съ приглашеніемъ оставаться мирно въ своихъ домахъ при слѣдованіи войскъ чрезъ ихъ земли отправлено съ Андреевскими князьями.

20-го. Измѣнилъ планъ дѣйствій, сблизивъ болѣе къ истиннымъ правиламъ войны, повелѣвающимъ избѣгать отдаленныхъ диверсій и стараться на одной главной точкѣ нанести сильный и рѣшительный ударъ. Все прочее второстепенно и подчиняется этимъ главнымъ началамъ. Прохладный день Пріятная прогулка. Вревскій отправленъ къ Пантелѣеву. Посѣщеніе раненыхъ. Надежда успѣха съ Божіею помощью.

21-го. Выступленіе къ Хубару въ горы. Проливной дождь. Очень трудная дорога. Пріятный привалъ и завтракъ въ палаткѣ. Дождь перестал на привалѣ. Прекрасный и удобный

лагерь въ виду хребта Дюсъ-Тау, между ауловъ Кастали и Инха, въ 10-ти верстахъ отъ Мятлинской переправы. Ночью партія горцевъ, уже ожидаемая, подкралась къ пикету въ тылу лагеря и завязала перестрѣлку, въ которой убитъ рядовой, ранены унтеръ-офицеръ и два рядовыхъ тяжело. 15 верстъ.

22-го. Дневка. Прекрасный день. Письмо отъ жены. Донесеніе отъ г.-м. Пантелѣева, что Шамиль, по полученіи извѣстія о пораженіи Ташава, оставилъ Гимры и весь правый берегъ Андійскаго Койсу, чтобы, усилившись всѣмъ, что могъ собрать, идти противъ меня. Это и было нужно. Салатовская земля вся въ волненіи, завтра хотятъ насъ встрѣтить. Посмотримъ. Въ 6 часовъ вечера прибыли два баталіона Апшеронскаго полка съ двумя орудіями. Донесеніе г-лу Головину. Письмо къ женѣ. Засада на вершинѣ горы на случай ночнаго нападенія. Ни одного выстрѣла цѣлую ночь.

23-го Мая. Въ 6 часовъ утра отрядъ выступилъ. Подъемъ шесть верстъ на вершину Дюсъ-Тау. Небольшая перестрѣлка, двое ранены. Абреки бѣгутъ передъ отрядомъ въ виду. Живописный привалъ въ горахъ. Дорога кромѣ крутизны вообще хороша. Лагерь при селеніи Хубарѣ на самой вершинѣ. Сакли каменныя выше и лучше Ичкеринскихъ. Деревянные заборы. Селеніе пощажено. Для охраненія поставленъ караулъ. Часовые на плоскихъ крышахъ. Бѣжавшіе жители возвращаются. Послѣ обильнаго подножнаго корма здѣсь уже начался скудный; только по оврагамъ можно съ нуждой косить. Вода въ родникахъ превосходная. Лагерь съ пѣснями отдыхаетъ отъ труднаго перехода. Безконечный видъ на равнины Тарковскія и Кумыкскія до Каспійскаго моря, сливающагося съ горизонтомъ. Прохладный день. Музыка Апшеронскаго полка оживила лагерь.

24-го. Отрядъ выступилъ въ Гертмели; но, не доходя Бортуная, который долженъ былъ остаться въ сторонѣ и по недоступности своей не тронутъ, не смотря на непокорность свою, показались пикеты Шамиля и вскорѣ потомъ на высотахъ скопище тысячи въ четыре, подъ личнымъ начальствомъ этого возмутителя. Перешедши не останавливаясь изъ походнаго въ боевой порядокъ, я пошелъ на него. Бортунайскій бой, продолжавшійся часа три по чрезвычайнымъ трудностямъ мѣстъ, до того неприступными почитавшихся, кончился совершеннымъ по-

раженіемъ горцевъ. Они даже дурно стрѣляли въ этотъ день. Нашъ уронъ не превышаетъ 45 чел. изъ строя. Аулъ Бортунай, прекрасно обстроенный, большой какъ городокъ, преданъ солдату и огню. Я ночевалъ въ каменной саклѣ. Проливной дождь.

25-го. Походъ до подъема на Соукъ-Булакъ. Обозъ пошелъ другой дорогой. Дождь. Провалъ Теренгулъ раздѣлялъ обѣ колонны.

26-го. Подъемъ на вершины Соукъ-Булака. Новое скопище на противуположной горѣ. Градъ и снѣгъ.

27-го. Къ вечеру подошла колонна г.-м. Пантелѣева съ вагенбургомъ. Исправивъ спускъ взрывами, порохомъ и разработкой, отрядъ спустился на прекрасную, зеленую плоскость. Видъ необыкновенной красоты. Артилерію и повозки на рукахъ. Крики и пѣсни горцевъ. Депутація отъ Черкея. Артлугъ-аулъ въ шести верстахъ разбирается на дрова. Травы почти еще нѣтъ.

28 го. Лагерь въ урочищѣ Хира-Кирки. Для облегченія дальнѣйшаго движенія въ край и по дорогамъ неизвѣстнымъ приказалъ построить на весьма выгодномъ мѣстѣ укрѣпленіе, назвавъ его *Удачное*. Вооружилъ его пятью легкими орудіями и баталіономъ Апшеронскаго полка подъ начальствомъ маіора Тарасевича. Раненые и весь тяжелый вагенбургъ свезены и поставлены внутри его. Уздени Кабардинской мициліи прислали ко мнѣ съ жалобой на содержаніе свое, на что я приказалъ имъ объявить, что они мнѣ ненужны и могутъ оставить мой лагерь. Униженные, просили не отсылать ихъ, а содержать какъ простыхъ казаковъ и рядовыхъ.—Сборище горцевъ на противоположныхъ горахъ, у подошвы коихъ лежитъ наша дорога, усилилось. Ночью капитанъ Кабардинскаго полка Балашъ убитъ своими пулями при неосторожномъ осмотрѣ постовъ.

29-го. Выступилъ въ полдень. Горцы стали спускаться, но удачнымъ дѣйствіемъ артилеріи изъ крѣпости прогнаны и разсѣяны. Ужасная дорога. Страшная гроза остановила движеніе. Поздно уже пришли на позицію при Данухѣ, разобранномъ на дрова и сожженномъ. 3 артилерійскихъ ящика, нѣсколько повозокъ и лошадей обрушились въ пропасть.

30-го. Походъ къ Аргуани. Прошедши съ величайшимъ трудомъ и работой версты три, открылся этотъ огромный аулъ на неприступной каменистой горѣ, преграждавшей намъ совершен-

но дорогу. Градъ пуль и невозможность слѣдовать далѣе заставили остановиться. Въ тоже мгновеніе тысячи горцевъ покрыли горы и заняли дорогу позади насъ. Мы были окружены превосходными силами и остановлены крѣпостью, которая со всѣхъ сторонъ объявлена неприступною, послѣ рекогносцировки, стоившей генерала, который раненъ (Пантелѣевъ), нѣсколько офицеровъ и болѣе ста человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Положеніе наше внезапно стало критическимъ. Ночью сдѣлана диспозиція для приступа къ двумъ точкамъ и по направленію, гдѣ успѣхъ казался менѣе невѣроятнымъ. Въ восемь часовъ утра я подалъ сигналъ къ штурму, выставивъ бѣлый флагъ. Шамиль, главные его мюриды и нѣсколько тысячъ засѣвшихъ на смерть защищали крѣпость. Исполинскій бой. Совершенный успѣхъ. Все кончилось только къ разсвѣту слѣдующаго дня. Шамиль ушелъ, какъ говорятъ, раненый. Всѣ горцы, насъ окружавшіе, разсыпались и прислали ко мнѣ за приказаніемъ. Донесеніе военному министру. Прекрасный планъ и рисунокъ этой необыкновенной позиціи. Долго будутъ помнить въ горахъ этотъ громовой ударъ. Сотни тѣлъ остались въ нашихъ рукахъ, кромѣ увезенныхъ по ихъ обычаю. Человѣкъ 25 взято въ плѣнъ. Булава Шамиля и два значка съ надписями изъ Корана взяты. Нашъ уронъ великъ: убиты одинъ штабъ-офицеръ и пять оберъ-офицеровъ, унтеръ-офицеровъ 21, рядовыхъ 113; ранены генералъ, 2 штабъ-офицера, 21 оберъ-офицеръ, 57 человѣкъ унтеръ-офицеровъ и музыкантовъ, 418 рядовыхъ. Смерть молодаго барона Гейсмара, сына извѣстнаго генерала, очевидно ее искавшаго. На этотъ штурмъ, получивъ донесеніе полковника Лабинцова о невозможности приступа къ аулу каменному и сильно занятому, особливо безъ артилеріи, которой не было возможности пройти, послано къ нему повелѣніе: „Послѣднія силы, послѣдняго человѣка. Начинай!“ Для атаки каменныхъ сакель отправлены были гранаты; солдаты зажегши трубки, бросали ихъ чрезъ трубы во внутренность сакель, въ которыхъ заперлись горцы. Сообщеніе между саклями и чрезвычайно трудная мѣстность дали многимъ возможность уйти.

1-го Іюня. Отправилъ два баталіона съ двумя горными единорогами и линейными казаками подъ начальствомъ подполковника Циклаурова отвезти раненыхъ въ Удачную и доставить

мнѣ оттуда на четыре дня провіанта. Ужасная погода. Пожаръ и уничтоженіе Аргуани.

2-го. Безпрерывный дождь. Огромные костры огня. Страшный вихрь, срывавшій палатки.

3-го. Возвращеніе отряда Циклаурова безъ выстрѣла. Дождь продолжался, и снѣгъ покрылъ ближайшія горы. Отдалилъ войска отъ мѣста побоища, страшась заразы отъ труповъ. Ужасный вихрь ночью, заставившій погасить около артилеріи огни изъ опасенія взрывовъ. Письмо отъ Головина. Онъ выступилъ изъ Хазры на Ахту 28-го Мая.

4-го. Выступилъ и дошелъ, пройдя верстъ двѣнадцать, до горы, съ которой открылись въ глубокомъ ущельи Андійскаго Койсу Чиркатъ, Ахульго, Ашильты, Ихале. Безподобный видъ. Разработка саперами и порохомъ страшнаго спуска.

5-го. Отправилъ полковника Лабинцова съ двумя Кабардинскими баталіонами и двумя горными единорогами занять Чиркатъ, въ которомъ не замѣтно было приготовленій къ оборонѣ. Трудность состояла въ томъ, чтобы пройти по каменистой тропинкѣ, по которой верхомъ проѣхать было невозможно. Все преодолѣно, орудія разобранныя перенесены людьми, и Чиркатъ взятъ послѣ незначительной перестрѣлки, въ которой у насъ раненъ одинъ офицеръ. Я сошелъ съ четырьмя баталіонами на второй уступъ горы по страшной кручѣ, одинъ баталіонъ послалъ въ подкрѣпленіе Лабинцову, Власова съ линейными казаками также. Одинъ баталіонъ со всею полевою артилеріею остался въ аріергардѣ на горѣ. Послалъ Толстаго въ Чиркей и Темиръ-Ханъ-Шуру для доставленія мнѣ провіанта на вьюкахъ чрезъ Чиркей, развѣданія, что̀ сдѣлалось съ моимъ транспортомъ въ Зыранахъ съ полковникомъ Поповымъ, баталіономъ его полка, Ахметъ-ханомъ Мехтулинскимъ и Шамхаломъ Тарковскимъ, и для побужденія всѣхъ ихъ содѣйствовать послѣднему удару.—Ахульго, замокъ и пещера Шамиля, слыветъ совершенно недоступнымъ ни съ какой стороны и, кажется, дѣйствительно таковъ. Гарнизонъ весь въ виду и многочисленъ. Еще не знаю, къ чему приступлю. Быть можетъ, съ Божіею помощью, одолѣемъ и эту необыкновенную твердыню. Мостъ на Койсу горцами сожженъ, дороги на томъ берегу вовсе нѣтъ на ужасную крутизну, на вершинѣ которой лежитъ Ашильта̀. Отъ нея была продѣлана

г-омъ Фези дорога до Москона. Толстой возвратился послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ пробраться кратчайшими путями въ Чиркей. Положеніе мое затрудняется. Поповъ въ движеніи своемъ съ однимъ баталіономъ и транспортомъ на Ашильту можетъ попасть въ трудное и даже опасное положеніе, безъ сообщенія чрезъ Койсу со мною. Что̀ покажетъ завтрашній день. Прекрасная погода благопріятствуетъ разработать горы. Взятіемъ Чирката кампанія не кончится.

6-го. Продолжалась разработка спуска къ Чиркату. Выбрано мѣсто для наводки моста. Толстой нашелъ наконецъ проводниковъ въ Чиркей. Послѣ зари, къ общей радости всего лагеря, на самой высокой вершинѣ горы Арактау увидѣли двѣ пущенныя ракеты, отвѣчали имъ тѣмъ же и залпомъ изъ орудій. Итакъ всѣ мѣры оказались точны, и транспортъ подойдетъ во̀-время Прекрасное время. Горькая вода на всѣхъ подѣйствовала.

7-го. Отрядъ перешелъ въ Чиркатъ по разработанному, но чрезвычайно крутому спуску, такъ что въ два часа времени мы прошли отъ облакъ и сосны до персиковъ, абрикосовъ, Волошскаго орѣшника и винограда. Аріергардъ оставленъ на горѣ. Весьма трудная постройка моста на чрезвычайно быстрой Андійской Койсу. Удастся ли? Чиркатъ по крѣпкому своему положенію могъ защищаться какъ Аргуани. Я безъ бою съ трудомъ доѣхалъ до своей сакли, состоящей изъ просторной комнаты съ галереей. Шелковичный червь и тутовое дерево во множествѣ.

8-го Іюня. Продолжается съ величайшимъ трудомъ постройка моста. Пять сажень отъ лѣваго берега уже готовы. Канатъ изъ виноградныхъ лозъ перекинутъ на правый берегъ и укрѣпленъ къ большому камню. Быстрота рѣки такова, что камень, брошенный въ воду, нѣсколько секундъ не тонетъ, а увлекается по поверхности быстриною. Донесенія отъ Ахметъ-хана и Шамхала. Первый показался вчера на высотахъ: транспорта съ баталіономъ при немъ нѣтъ. Онъ потянулся къ Ихале. Второй около полудня явился также на высотахъ по дорогѣ отъ Унцукуля, также ничего не предпринимая. Флигель-адъютантъ полковникъ Катенинъ отправленъ съ двумя батальонами при двухъ орудіяхъ для овладѣнія мостомъ Сагритлохскимъ, для содѣйствія и побужденія обоихъ къ бо̀льшей предпріимчивости. Всѣ вмѣстѣ должны идти и взять Ашильту, куда направленъ и транспортъ.

Полковникъ Катенинъ донесъ, что мостомъ онъ овладѣлъ и исправитъ его. Это счастливое событіе на всякій случай, хотя дорогу онъ описываетъ едва проходимою. Одинъ Бабуковскій Татаринъ оборвался въ воду и утонулъ, лошадь выплыла. Завтра многое можетъ объясниться. Шамиль ожидаетъ помощи отъ Богулальцевъ, къ которымъ отправилъ Сурхая. Появленіе ихъ въ 1837-мъ году у Ашильты противъ г. л. Фези привело его въ отчаянное положеніе, изъ котораго онъ вышелъ съ огромною потерею и оставилъ часть своего лагеря. Въ первый разъ видѣлъ скорпіона.

9-го. Положеніе наше проясняется. Полковникъ Катенинъ послѣ труднаго перехода занялъ Ашильту; Ахметъ-ханъ съ нимъ соединился. Мы владѣемъ обоими берегами Андійскаго Койсу. Войска начинаютъ терпѣть недостатокъ въ провіантѣ. Апшеронскій полкъ нуждается даже въ соли, отъ нераспорядительности своего полковаго командира. Продовольствіе было на людяхъ до 14-го съ нѣкоторой натяжкой, но проливные дожди испортили много сухарей въ мѣшкахъ, и кромѣ того были дни, въ которые люди каши не варили, а ѣли хлѣбъ съ водой и потому болѣе обыкновеннаго. Мы окружены въ близкомъ разстояніи большими запасами, но сообщенія трудны. Надѣюсь, что завтра на вьюкахъ будетъ провіантъ доставленъ. Журналъ военному министру и письмо къ женѣ отправлены. Мостъ развѣ завтра къ вечеру будетъ готовъ и то не навѣрное. Работа производится съ обоихъ береговъ.

10-го. Донесенія отъ полк. Катенина, Шамхала, Ахметъ-хана и Попова. Провіантъ еще не доставленъ, по нераспорядительности послѣдняго. Мостъ не готовъ, но есть надежда успѣха. Завтра къ полудню обѣщаютъ. Лошади начинаютъ доходить до крайняго изнуренія отъ недостатка корма. Нѣсколько уже пало. Въ 9 часовъ утра рекогносцировка по лѣвому берегу къ Ахульго. Горные единороги обстрѣливали совершенно плоскость, на которой построенъ аулъ. По всему видно, что съ этой стороны насъ не ожидали и что всѣ средства обороны обращены противъ покушенія отъ Ашильты. Журналъ генералу Головину. Прекрасная погода къ счастію продолжается.

11-го. Мостъ готовъ. Провіантъ на вьюкахъ пришелъ. Подполковникъ Норденштамъ пріѣхалъ. Донесеніе отъ полк. Попова,

что транспортъ съ провіантомъ и снарядами въ Ашильту идетъ. Въ Хунзахъ первый транспортъ прошелъ. Изъ Чиркея еще нѣтъ. Донесенія Толстаго, полк. Катенина. Распоряженія о приготовленіи гошпиталя въ Шемиръ-Ханъ-Шурѣ, о безостановочномъ доставленіи провіанта и снарядовъ оттуда въ Зырани и къ отряду. Туда изъ Внезапной. Веселіе въ лагерѣ при пріемѣ провіанта. Доходило до послѣдняго сухаря.

12-го. Съ утра переправа войскъ въ Ашильту. Дождался ея окончанія у моста, гдѣ и обѣдалъ. Осмотръ позиціи при Ахульго. Немедленный приступъ къ стѣсненію непріятеля. Ужасный подъемъ изъ Чирката. Прекраснѣйшая погода. Удивительная лунная ночь. Свиданіе съ Ахметъ-ханомъ.

13-го. Окончены движенія войскъ для совершеннаго обложенія укрѣпленной позиціи непріятеля. Неудачное покушеніе занять ст. Ахульго. Транспортъ съ продовольствіемъ и снарядами при бат. Апшеронскаго полка съ двумя горными единорогами прибылъ. Свиданіе съ Шамхаломъ. Прекраснѣйшая погода продолжается, всему способствующая.

14-го. Отрядъ съ лѣваго берега Койсу переведенъ на правый и во-время, потому что вода отъ таянія снѣговъ прибыла и стала подмывать пристани нашего смѣлаго и непрочнаго моста. Хорошія вѣсти во весь день. Рѣшилъ точки, на которыя вести атаки подъ руководствомъ саперныхъ офицеровъ. Свиданіе съ Ахметъ-ханомъ. Кадій Araканскій. Вечерняя тревога. Прекрасное время.

15-го. Ночью дождь. Прохладный день. Отправилъ Толстаго въ Темиръ-Ханъ-Шуру для надзора и побужденія по распоряженіямъ относительно продовольствія, пріема раненыхъ въ гошпиталь, отправленія артилеріи и снарядовъ. Разработка дорогъ продолжается. Мѣры обложенія совершенствуются. Рѣшаюсь на правильную осаду. Извѣстія изъ горъ тому благопріятствуютъ. Новыя скопища не смѣютъ собираться. Ночью закладывается батарея для двухъ полевыхъ орудій, дѣйствіе которой должно способствовать переходу чрезъ глубокій оврагъ для овладѣнія старымъ Ахульго.

16-го. Полевыми орудіями сбита до основанія восточная башня и часть завала на новомъ Ахульго. Рекогносцировка всего блокаднаго расположенія войскъ и окружности верстъ на пят-

надцать. Открытіе и утвержденіе для разработки тропы, гораздо лучше оставшейся дороги отъ похода генерала Фези. Выгодное во всѣхъ отношеніяхъ расположеніе войскъ въ настоящей позиціи. Убѣжденіе въ хорошемъ выборѣ мѣста для атаки укрѣпленной позиціи непріятеля.

17-го. Продолженіе работъ для подхода къ станицѣ Ахульго, недостатокъ снарядовъ. Противорѣчащія вѣсти о скопищахъ въ верхнихъ обществахъ и о числѣ непріятеля въ Ахульго. Письмо отъ Толстаго. Ахметъ-ханъ отправленъ для наблюденія за верхними обществами. У г. л. Головина все окончено, и адъютантъ съ донесеніемъ о томъ проѣхалъ въ Петербургъ. Знойные дни наступили. Въ 10-мъ часу вечера нѣсколько пуль на площадку, которую занимаю, и одна въ кибитку.

18-го. Заботливый день. Жаркое время. Порывы нетерпѣнія. Неизвѣстность о вагенбургѣ. Отправилъ Булгакова съ побудительными предписаніями о подъемѣ его и доставкѣ во Внезапную. Пріѣздъ подполковника Муравьева съ двумя письмами отъ г. л. Головина, исполненными признательности.

19-го. До разсвѣта опытъ спуска лѣстницъ въ каменный оврагъ для овладѣнія ст. Ахульго. Неудачная попытка. Лѣстницы оказались коротки. Уронъ незначительный, но вторично жестоко раненъ неустрашимый Шульцъ, офицеръ Генеральнаго Штаба, соскочившій самъ-четвертъ съ кручи въ оврагъ съ открытою еще раною въ ногѣ. Въ тоже время тысячи двѣ горцевъ изъ верхнихъ обществъ, просмотрѣнные Ахметъ-ханомъ, быстро и съ крикомъ напали на отрядъ съ тылу. Готовый резервъ еще быстрѣе ихъ опрокинулъ, захвативъ нѣсколько тѣлъ и одного плѣннаго. Все вмѣстѣ представляло живую и занимательную картину. Приказъ по отряду. Отправленіе молодаго Головина къ его отцу съ отвѣтомъ на его письма. Прошу подкрѣпленія, чтобы упрочить пріобрѣтенныя выгоды. Осмотръ передъ вечеромъ саперныхъ работъ противъ ст. Ахульго. Недоволенъ ими и вообще духомъ командованія на этой точкѣ. Изъявилъ это особымъ предписаніемъ г. м. Голофѣеву.

20-го. Сильный зной. Дополнительныя мѣры противъ нападеній подобныхъ вчерашнему. Приготовленіе мѣстъ для новыхъ батарей. Приказъ отряду по случаю отъѣзда фл.-адъютанта полковника Катенина. Гроза съ проливнымъ дождемъ ввечеру.

21-го. Свѣдѣніе, что отраженные горцы остановились у Сагритлохскаго моста и усиливаются. Распоряженія по этому поводу.

22-го. До свѣта выступилъ съ отрядомъ изъ 4-хъ баталіоновъ, 4-хъ горныхъ единороговъ, съ полусотней конныхъ линейныхъ казаковъ и столько же сводной милиціи къ Сагритлохскому мосту, около 9-ти часовъ утра поспѣлъ туда и нашелъ до трехъ тысячъ горцевъ, тѣснившихъ и обошедшихъ Ахметъ-хана. Увидѣвъ насъ, они его оставили и въ балкѣ заняли позицію противъ насъ. Я приказалъ двумъ Кабардинскимъ баталіонамъ выкинуть ихъ оттуда. Бѣглымъ шагомъ бросились они на горцевъ впередъ и въ обходъ. Все дрогнуло, паническій страхъ погналъ ихъ безъ малѣйшаго сопротивленія, не отстрѣливаясь. Нѣсколько тѣлъ осталось. У насъ ни одного раненаго. Между тѣмъ транспортъ, на который они покушались, прошелъ, а вагенбургъ изъ Удачной въ глазахъ нашихъ выступилъ. Нельзя было сдѣлать болѣе кстати движенія. Ахметъ-ханъ имѣлъ убитаго и нѣсколько раненыхъ.

23-го. Переночевавъ и отобѣдавъ на мѣстѣ, возвратился съ отрядомъ въ Ашильту. Въ ночь на это число горцы сдѣлали изъ Ахульго вылазку и съ потерей были отражены. Получены снаряды и 4 кегорновы мортирки. Письма все пріятныя. Наконецъ, довольно покойная ночь.

24-го. Благородный приказъ генерала Головина отряду.

25-го. Множество писемъ и бумагъ. Изъ нихъ видно, что донесеніе объ Аргуанскомъ штурмѣ пропало. Это неудача. Дважды разбитое сборище разсѣялось. Ночью человѣкъ сорокъ горцевъ пытались изъ верхней башни спуститься къ водѣ, но обращены съ потерей нѣсколькихъ тѣлъ.

27-го. Жестокій зной. Прибыли еще два полевыя орудія. Письмо отъ генерала Головина. Напрасныя опасенія на счетъ вагенбурга и моего положенія. Три баталіона фельдмаршала полка съ 4-мя орудіями отправлены ко мнѣ въ подкрѣпленіе. Они должны прибыть чрезъ двѣ недѣли. Шамиль дѣлаетъ первую попытку вступить въ переговоры чрезъ Чиркеевцевъ. Оставленъ безъ отвѣта. Письмо къ барону Гейсмару съ извѣщеніемъ о смерти сына.

28-го. Донесеніе, что вагенбургъ прошелъ благополучно во Внезапную, а баталіонъ съ пятью полевыми орудіями на Мятлинскую переправу. Чиркей трепещетъ и оправдывается. Подтвержденіе о всеобщемъ разсѣяніи и страхѣ горцевъ. Плѣнный изъ башни. Прибытіе транспорта съ снарядами. Письма ген. Головину, Толстому, женѣ. Распоряженія къ приступу къ башнѣ завтра въ пять часовъ утра. Что̀ Богъ дастъ!

29-го Іюня. Приступъ въ продолженіи цѣлаго дня къ башнѣ Сурхая на высокой скалѣ. Не удался. Слишкомъ много потребовалъ отъ войскъ. Первая неудача. Смерть Власова. Значительная потеря, у горцевъ также.

30-го. Успокоеніе. Прежніе успѣхи такъ рѣшительны, что вчерашнее происшествіе нимало не измѣняетъ положенія дѣлъ. Прекрасное оффиціальное письмо г. л. Головина съ препровожденіемъ его приказа отряду подъ моимъ начальствомъ.

1-го Іюля. Неудачная попытка горцевъ спуститься ночью изъ Сурхаевой башни за водой. Одинъ убитъ, пятеро ушли въ Новое Ахульго. Кувшины и бурдюки взяты. Али-беку, послѣднему притязателю на владѣніе Аваріею, оторвало руку. Полномочіе судить и наказывать смертью, съ Божіею помощью, не употреблю во зло.

2-го. Два солдата измѣннически убиты подъ Гимрами. Отправилъ туда старшиной Улу-бея, смѣнивъ назначеннаго Шамхаломъ. По извѣстіямъ устроенъ у непріятеля мостъ или кладка чрезъ Анд. Койсу при Новомъ Ахульго. Гумбетовцы обѣщали усилить гарнизонъ 300-ми человѣкъ.

3-го. Какъ жаль, что не стало Бестужева, нашего поэта Кавказа! Въ нынѣшнюю экспедицію онъ увидѣлъ бы новыя картины и новые бои, достойные его кисти. Истинный поэтъ-рѣдкій посланникъ Неба, одинъ въ столѣтія и между милліонами живыхъ и отжившихъ. Тысячи стоятъ въ изумленіи передъ чудною картиною природы; тысячи воспламененныя военною честію совершаютъ подвигъ, достойный жить въ памяти людей, и впечатлѣнія ихъ и подвигъ остаются въ забвеніи. Между ними нѣтъ одного, одареннаго съ Неба творческимъ словомъ, оживотворяющимъ природу и подвигъ. Пушкинъ!—Прибылъ Апшеронскій баталіонъ съ четырьмя орудіями.

4-го. Приступъ къ башнѣ Сурхая съ пяти часовъ пополудни до глубокой ночи. Занята, но оставшіеся въ живыхъ ушли въ Ахульго. Этотъ успѣхъ принадлежитъ наиболѣе артилеріи.

5-го. Зàмокъ пыластъ. Чудное лунное освѣщеніе. Горскую милицію отпускаю домой, съ благодарственнымъ приказомъ по отряду. Пріѣздъ молодаго Головина съ письмомъ отъ отца, изъявляющимъ опасенія на счетъ нашего положенія, благодаря Бога напрасныя. Молодой сынъ Шамиля раненъ въ ногу картечью. Али-бекъ умеръ. Многіе изъ лучшихъ его любимцевъ пали на вчерашнемъ приступѣ.

6-го. Пріемъ городской милиціи при ихъ выступленіи.

7-го. Заложена брешъ-батарея противъ новаго зàмка. Приготовленіе къ заложенію другой. Безпокойство на счетъ долгаго неполученія почты изъ Ставрополя. Журналъ военному министру.

8-го. Осмотръ позиціи непріятеля; рѣшительно неприступна, а надобно однако все испытать. Передъ саклей Шамиля на шестъ воткнута голова.

9-го. Припадокъ помраченія въ глазахъ, вѣроятно, отъ прилива крови. Странныя явленія въ этомъ болѣзненномъ состояніи.

10-го. Письмо военнаго министра съ изъявленіемъ благоволенія Государя за Ичкеринскую экспедицію. Письмо Вревскаго объ удовольствіи, съ которымъ принято донесеніе о Бортунайскомъ дѣлѣ. На линіи все покойно. Травля въ Ставропольскомъ лѣсу разбойника Бокаленко.—Отказъ въ правителѣ канцеляріи. Настоять непремѣнно, чтобы его назначили. Ермоловскія воды также исчезли.

11-го. Удачное дѣйствіе по саклѣ Шамиля, устроенной блокгаузомъ. Благородное письмо Е. А. Головина въ отвѣтъ на мое. Журналъ Раевскаго съ эпизодами, вовсе не идущими къ дѣлу. Смерть молодаго Мищенки, офицера Апшеронскаго полка, сына г. м. Мищенки, съ которымъ я только что познакомился въ Кизлярѣ.

12-го. Прибыло три баталіона фельдмаршала князя Паскевича полка. Отличный полковой командиръ полковникъ Врангель (благородная, рыцарская его наружность), пользующійся общимъ уваженіемъ. Съ нимъ прибыли м. Фитингофъ и князь Козловскій съ письмомъ отъ г. л. Головина. Отвѣтъ въ длин-

номъ и подробномъ письмѣ.—Письмо къ женѣ.—Рядъ высокихъ ощущеній. Соблюденіе законовъ чести и нравственности—единственный ихъ проводникъ, говоря языкомъ физики

13-го. Одна изъ башенъ зàмка на Àхульго разрушена огнемъ артилеріи. Чудная вечерняя сцена. Восхожденіе мѣсяца, отбрасывавшаго по небу лучи, какъ никто изъ бывшихъ со мной не видалъ, и въ тоже время жаркая перестрѣлка на близкомъ разстояніи, съ визгомъ горцевъ, нашимъ ура и дѣйствіемъ орудій и мортирокъ. Чрезъ четверть часа все смолкло. Готовимся къ приступу. У насъ двое убито и трое ранено.

14-го. Изъ подробностей ночнаго дѣла мнѣ показалось, что Апшеронцы отстаютъ отъ прочихъ войскъ въ неустрашимости и рѣшительности. Чтобы скорѣе доставить имъ случай поправить это и возвыситься въ собственныхъ глазахъ, я приказалъ среди бѣла дня, въ шесть часовъ послѣ обѣда, занять ротѣ этого полка послѣдній уступъ горы, на четверть ружейнаго выстрѣла отъ зàмка. Это исполнено быстро и рѣшительно подъ батальнымъ огнемъ горцевъ, поражаемыхъ перекрестнымъ и чрезвычано мѣткимъ огнемъ артилеріи. Всего пять человѣкъ раненыхъ. Сейчасъ по занятіи уступа Апшеронцы запѣли пѣсни.—Извѣстія о новомъ сборищѣ горцевъ. Записка къ правителю канцеляріи. Первый проливной и благотворный дождь въ продолженіе шести недѣль.

15-го. Ослѣпительный свѣтъ луны. Чудное освѣщеніе окружныхъ горъ и нашего разбросаннаго по уступамъ ихъ лагеря.

16-го. Въ четыре часа пополудни приступъ къ Новому Ахульго, сначала бодрый и удачный, но къ вечеру неопытностью полка, давно уже не бывшаго въ дѣлѣ, испорченный. На приступѣ были три баталіона фельдмаршала Паскевича полка. Огромная потеря съ обѣихъ сторонъ, особливо съ нашей. Два баталіона Апшеронскихъ въ фальшивой атакѣ также претерпѣли уронъ. Жестокій день! Съ Божіею помоцью управимся и здѣсь. Письмо Вревскаго, въ которомъ онъ сообщаетъ о лестныхъ наградахъ, которыми Государь почтилъ меня и отрядъ за Аргуанскую побѣду. Я сдѣланъ генералъ-адъютантомъ. Приказъ еще не присланъ. Никакая награда не могла для меня быть пріятнѣе; но я читалъ письмо въ самую ту минуту, когда успѣхъ штурма сдѣлался сомнительнымъ, и скоро потомъ отбитъ. Сово-

купное ощущеніе отъ двухъ подобныхъ происшествій меня нѣсколько разстроило. Все опять по своимъ мѣстамъ и, кромѣ потери, никакихъ послѣдствій. Нарочный Татаринъ, везшій эту почту, найденъ убитымъ, бумаги и посылки привязаны къ сѣдлу его лошади. Казакъ съ лошадью, провожавшій его, не отысканъ. Странное и непонятное происшествіе. Это было между Шурой и Эрпели.

17-го. На лѣвомъ берегу Койсу показались два значка и человѣкъ двѣсти горцевъ. Вечеромъ они подошли и вступили въ сношеніе съ Ахульго.—Нѣсколько постыдныхъ поступковъ въ рядахъ фельдмаршальскаго и Апшеронскаго полковъ.—Посѣтилъ Врангеля и Муравьева *).—Письмо къ женѣ. Потеря при штурмѣ не менѣе 600-тъ человѣкъ. Штабъ и оберъ-офицеры вели себя превосходно. Всѣ убиты или ранены, потому что всѣ были впереди.

18-го. Перемѣщеніе батарей. Грустное расположеніе духа, усиленное мрачнымъ письмомъ жены, которая какъ бы по инстинкту пишетъ о своихъ опасеніяхъ обо мнѣ. И это на другой же день по полученіи извѣстія о царской милости, которой она всегда болѣе всякой другой желала! Но все это съ Божіею помощію пройдетъ, или да будетъ святая воля Его! Вооружусь терпѣніемъ, надеждой и твердостію. Нельзя въ судьбѣ человѣческой безъ черныхъ дней. Сколько благъ послало мнѣ Провидѣніе на украшеніе жизни! Милыхъ дѣтей, благосклонность Государя, почетныя мѣста, счастливое тѣлосложеніе и глубокое чувство признательности за все это и еще многое!—Получилъ кстати книги изъ Петербурга.

19-го. Тоже расположеніе. Дни продолжаются знойные. Письмо отъ Е. А. Головина. Онъ выѣзжаетъ изъ Ахты 16-го и прибудетъ 25-го въ Тифлисъ. Счастливецъ! Когда мнѣ Богъ приведетъ окончить свое трудное дѣло?—Письмо къ нему, къ женѣ.—Вечеромъ метеоръ, разсыпавшаяся огнемъ звѣзда. Ночныя работы для прикрытія спуска къ непріятелю.

---

*) Это, если не ошибаемся, будущій графъ Муравьевъ-Амурскій. *П. Б.*

20-го. Совершенное успокоеніе духа. Письмо отъ жены въ лучшемъ расположеніи духа. Всѣ, благодаря Небу, здоровы. Поздравительныя письма; но приказа все еще нѣтъ, что по времени довольно странно. Чтеніе Иммермана, Гейне, Якоби и другихъ лучшихъ писателей Германіи доставило пріятное и успокоительное развлеченіе. Душа отлегла совершенно отъ тяжкихъ и грустныхъ ощущеній послѣдняго штурма. Музыка и пѣсни въ лагерѣ. Войска также забыли неудачу. Большая часть проигранныхъ сраженій основана не столько на матеріальномъ уронѣ, сколько на нравственномъ впечатлѣніи. Послѣднее одолѣть, и часто останется очень мало исправить. Это дѣло начальника.

21-го. Все идетъ хорошо. Паскье похвальное слово безсмертному Кювье прекрасно.

22-го. Наконецъ, приказы и письма. Великодушный Государь! Сколько счастія посылаетъ мнѣ Небо въ сумерки моей жизни!—Ночью отчаянная вылазка горцевъ противъ работъ. Свалили нѣсколько туровъ, но скоро отбиты съ урономъ. Рѣдкое ночное зрѣлище.

Въ Петербургѣ праздники по случаю бракосочетанія Маріи Николаевны съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ.

24-го. Небольшой дождь освѣжилъ воздухъ. Новая попытка Шамиля вступить въ переговоры. Посѣщеніе раненыхъ полка фельдмаршала; между ними юнкеръ Челяевъ семью пулями, изъ которыхъ пять вынуто, двѣ въ тѣлѣ. Надѣются его спасти. Навѣстилъ и полкъ фельдмаршала, также Кабардинцевъ. Письмо отъ жены изъ Кисловодска.

25-го. Благотворный дождь. Набѣгъ горцевъ на Кумыцкую землю. Отраженіе и отнятіе почти всей захваченной добычи. Бой скорпіона съ фалангой; послѣдняя одержала верхъ.

26-го. Распоряженія для состава летучаго отряда около Внезапной.—Продолженіе работъ на спускѣ.—Поручилъ г.-м. Лабинцову непремѣнно устроить переправу на Койсу. Повѣрка пищи въ войскахъ чрезъ адъютантовъ. Ночью вылазка противъ работъ, быстро отраженная. Чрезвычайные жары.

27-го. Письмо къ Государю.—Освѣжительный дождь и гроза. Переговоры съ присланнымъ отъ Шамиля; выгналъ его. Два часа перемирія. Усиленныя мѣры для устройства переправы. Кажется, дѣло близко къ развязкѣ.

28-го. Опять посланный отъ Шамиля для переговоровъ. Не принялъ его, требуя непремѣнно выдачи сына въ аманаты, какъ залогъ покорности. Неудача въ устройствѣ переправы. Письмо къ Государю по поводу назначенія меня въ генералъ-адъютанты. Прибылъ транспортъ съ провіантомъ и снарядами. Сапа подведена къ самому спуску и начатъ плацъ-дармъ.

29-го. Настаиваю, чтобы всѣ представляемыя мнѣ трудности и самая невозможность переправы чрезъ Койсу въ присутствіи непріятеля, были непремѣнно преодолены. Собираю для этого матеріальныя средства и употребляю нравственныя побужденія. Транспортъ съ снарядами. Казаки для поправленія изнуренныхъ лошадей отправлены на Коранайскую гору. Чрезвычайный зной, дѣйствіе котораго замѣтно надъ всѣми. Для блокады удобнѣйшее время. Движеніе и работы почти невозможны. Даже ночь душна. Частые метеоры, падающія звѣзды.

30-го. Тотъ же зной. Ночная вылазка безъ труда и безъ урона отбита. Письма отъ г-ла Головина, Заводовскаго, Траскина и два отъ жены. Оканчиваются приготовленія къ переправѣ на бурдюкахъ.—Смерть султана.—Еще разбитый термометръ присланъ, а любопытно бы знать степень этого необыкновеннаго жара.

31-го. Поутру переправа Кабардинскаго полка егерей вплавь чрезъ Койсу, въ присутствіи непріятеля, который дрогнулъ. Устроить переправу не съумѣли, не смотря на то, что непріятель не мѣшалъ; канатъ былъ перекинутъ и утвержденъ. И такъ одна важная и нѣсколько мелкихъ неудачъ. Надѣюсь, что терпѣніе и настойчивость съ Божіею помощію приведутъ къ доброму концу.

1-го Августа. Отправилъ нарочнаго съ письмомъ къ г-лу Головину. Успокоеніе духа. Чрезвычайной жаръ, даже теперь въ 10 часовъ ночи. Потъ течетъ какъ вода съ тѣла. Надобно сильное здоровье для перенесенія такого зноя. Почти всѣ стра-

даютъ разслабленіемъ желудка. La vie d'un députe par Viennet, полная и умная статья. Des littérateurs du temps par Kératry также. Транспортъ. Какъ трудна всякая работа въ такое жаркое время! Всего легче еще блокада. Свѣдѣнія отъ начальника Лѣваго фланга отъ 28-го пр. м. Все совершенно спокойно.

2-го Авг. Ночь прошла спокойно. Почти всѣ болѣе или менѣе разстроены въ своемъ здоровьѣ отъ чрезмѣрнаго зноя; наиболѣе страдаютъ желудкомъ. Пособіе нѣкоторымъ раненымъ офицерамъ и юнкерамъ. Адъютанты посылаются ежедневно по всѣмъ частямъ войска осматривать пищу. Съ тѣхъ поръ пошло хорошо. Полк. Врангель, подп. Муравьевъ, Фитингофъ и другіе раненые шт. и об. офицеры отправлены въ Шуру. Подп. Викторовъ назначенъ мною въ должность дежурнаго штабъ-офицера. Постройка моста продолжается и на этотъ разъ, кажется, идетъ успѣшно. Чиркеевской Джемалъ въ Шурѣ. Добрыя вѣсти оттуда относительно Ахульго. Десять часовъ ночи, кибитка открыта сверху и съ боку, а потъ течетъ съ меня какъ вода; а я хорошо переношу жаръ.

3-го Августа. Мостъ въ присутствіи горцевъ окончательно устроенъ. Три роты переправились. Горцы бѣжали. Нарочной отъ полк. Безобразова. Зной продолжается. Къ дѣйствіямъ этой жестокой для горцевъ экспедиціи присоединился еще неурожай отъ засухи. Измѣнническое поведеніе Чиркеевцовъ, накликающее на нихъ громъ нашего оружія. Частыя, хорошо выстроенныя, прекрасными садами на террасахъ окруженныя селенія, трудъ многихъ поколѣній, возбуждаютъ живое мое участіе. Покорить ихъ силой съ неизбѣжными отъ того къ несчастію послѣдствіями и потомъ сберечь и привязать — вотъ цѣль моихъ дѣйствій и управленія. Это безъ сомнѣнія настоящая мысль и цѣль Государя. — Начало письма къ Траскину. — Невыгодные слухи изъ отряда г.-л. Раевскаго надѣюсь, что окажутся ложными или преувеличенными. — Юнкеръ Челяевъ, семью пулями раненый, умеръ.

4-го Августа. Мостъ совершенно оконченъ. Два батальона Кабардинцовъ съ двумя орудіями переправлены. Чиркатъ опять занятъ и сожженъ. Ахметъ-ханъ съ милиціею переправленъ

также для отысканія семействъ и стадъ. Извѣстіе о небольшихъ еще покуда сборищахъ въ Ихали по убѣжденіямъ Шамиля спасти его. Чрезвычайной зной; размноженіе мухъ отъ долгаго здѣсь пребыванія.

5-го. Не такъ жаркой день. Разсѣянное и почти грустное расположеніе духа, усиленное чтеніемъ „Ста одного Французскихъ писателей“. Сколько посредственности, гоняющейся за остроуміемъ! Сколько нелѣпостей! Нѣсколько прекрасныхъ статей не выкупаютъ цѣлаго. Не потому ли это нашло у насъ подражателей? Можно надѣяться, что хуже не будетъ.

Перестрѣлка цѣлой день. Вечеромъ ѣздилъ на батарею Штемпеля.—Нарочный съ письмомъ и журналомъ къ г-лу Головину; послѣдній военному министру.

6-го Августа. Первой день довольно прохладной. Громъ вдали.—Блокада съ лѣваго берега Койсу болѣе и болѣе стѣсняется. Мостъ, соединявшій его съ Ахульго, горцами разобранъ. Упорное ихъ сопротивленіе становится примѣчательно. Отвѣчать имъ еще большею настойчивостію. Распоряженія по продовольствію и снарядамъ съ этою цѣлію. Журналъ г.-л. Раевскаго. Письмо отъ Донскаго атамана Власова, отъ Колбухина, отъ вдовы Менгли-Гирея. Нѣмецкая литература изгладила нечистыя впечатлѣнія Французской.

7-го. Пріятной, прохладной день. Письмо отъ г. Головина. Онъ комплектуетъ полкъ фельдмаршала штабъ и оберъ-офицерами, и командою рядовыхъ. Благородной и высокой тонъ его письма. Новое предложеніе покорности Шамиля. Требую сдаться военно-плѣннымъ. Сцена изъ Црини Кернера: смерть Солимана.

8-го Августа. Начались хотя безоблачные, солнечные, но беззнойные дни. Горская партія, занимавшая вершины лѣваго берега съ провіантомъ для Ахульго, прогнана. Толстой извѣщаетъ о новыхъ попыткахъ Шамиля чрезъ Джемала вступить въ переговоры. — Андалальскіе депутаты изъ Чохи, кроткія и умныя лица. Красивая и богатая ихъ одежда. Гердера Ideen zur Philosophie der Menschengeschichte превосходно. Изящная атти-

ческая форма слога отвѣчаетъ возвышенной и ясной мысли. Семь человѣкъ изъ Ахульго ушли вплавь чрезъ Койсу.

9-го. Опять жаркой день. Осажденные пользуются водой изъ двухъ горныхъ рѣчекъ Ашильты и Акента, отказавшись отъ Койсу, которая подъ выстрѣлами. Я приказалъ отвести обѣ рѣчки; чрезъ два дни надѣются успѣть въ этомъ. Новый посредникъ Кибидъ-Магома, важнѣйшее въ краѣ лице послѣ Шамиля. Я велѣлъ ему пріѣхать не для посредничества, котораго, надѣюсь, не нужно, а чтобы взглянуть на него.—Андійцы и Гумбетовцы разошлись по домамъ.

11-го. Нестерпимо жаркой день. Возвращеніе Бакая съ увѣреніемъ, что Шамиль выдастъ сына своего въ аманаты въ изъявленіе совершенной своей покорности. Вмѣстѣ съ этимъ извѣстіе, что Чеченцы, Ичкеринцы и Андійцы изъявили Тамаву-хаджи готовность собраться, гдѣ онъ пожелаетъ, для спасенія Шамиля Ночью вылазка противъ нашихъ работъ, съ урономъ отбитая: четыре тѣла остались въ нашихъ рукахъ. Виновные въ нападеніи на почту открыты и схвачены. Убійца г. Ивлича также, и съ нимъ другой, подающій примѣръ непослушанія Гимринцамъ.

12-го. Переговоры кончились по азіатски—ничѣмъ; но мы ихъ сочли во время трехчасоваго перемирія.—Зной.—Придется кончить штурмомъ, не смотря на неприступность мѣста.—Рѣчь Тіера при вступленіи его въ Академію.

13-го. Письмо отъ г. Головина. — Пріѣздъ Джемала изъ Чиркея, котораго не принялъ, недовольный его болѣе чѣмъ двумысленнымъ поведеніемъ. Ахметъ-ханъ.

14-го. Прохладной день. Письма отъ жены отъ 6-го, отъ Траскина *), журналы. Судьба Джемала, по всѣмъ вѣроятіямъ измѣнника, дерзнувшаго пріѣхать въ мой лагерь безъ позволенія, колеблется на вѣсахъ правосудія, моей рукѣ ввѣренныхъ. Въ своемъ дѣлѣ, отъ избытка осторожности, можно даже умышленно вдаться, по мнѣнію другихъ, въ обманъ; но въ дѣлѣ общественномъ?

---

*) Траскинъ — одинъ изъ дѣятельныхъ чиновниковъ въ тогдашнемъ Военномъ Министерствѣ при князѣ А. И. Чернышовѣ. *П. Б.*

15-го. Почти холодной день. Письмо къ женѣ. Опять переговоры, по азіатски оконченные—ничѣмъ.

16-го. Пріятная погода. Послѣднія условія Шамилю. Соглашается отдать сына, лишь бы не сдаваться и гарнизону не сложить оружія, какъ я требую. Приготовленія къ приступу. Нѣсколько часовъ перемирія.

17-го. Въ 6 часовъ утра приступъ двумя батальонами Куринскаго полка. Замокъ занятъ, и горцы, устрашенные большой потерей и несомнѣннымъ успѣхомъ, выставили бѣлой флагъ. Шамиль выслалъ ко мнѣ въ залогъ покорности своего сына. Штурмъ остановленъ. Переговоры до утра. У насъ уронъ убитыми и ранеными человѣкъ полтораста.

18-го. Осмотръ мѣста сраженія. Чрезвычайныя трудности преодолѣны. Сынъ Шамиля девяти лѣтъ, бойкой мальчикъ, безъ робости распоряжается какъ у себя дома. Свиданіе Шамиля съ г.-м. Пулло. Просилъ сутки на размышленіе о строгихъ условіяхъ мною предложенныхъ. Сурхай убитъ. Приготовленія къ послѣднему штурму въ случаѣ отказа Шамиля сдаться.

19-го. Весь день въ переговорахъ. Четыре старика прибыли депутатами и пали на колѣна, прося Шамилю пощады. Въ плѣну онъ долженъ быть, прочимъ свободный выходъ. Два письма отъ него, въ которыхъ по-азіатски проситъ остаться на мѣсяцъ въ Ахульго, чтобы поселиться потомъ въ Гимрахъ, увѣряя въ вѣрности и покорности. Я требую выхода въ три дни и содержанія въ Грозной. Мы не въ дѣтскія игры съ нимъ забавлялись, чтобы кончить почти ничѣмъ. Приготовленія къ штурму. Письма къ женѣ и Траскину. Извѣстіе о смерти маіора Ульяновскаго и 6-ти козаковъ, въ дѣлѣ съ партіей Юнуса въ 30 человѣкъ, перешедшихъ за Терекъ въ Кизлярскомъ полку. Прохладной день.

20-го Ничего не помню.

21-го. Приступъ. Утвердились въ замкѣ. Трудная ночь.

22-го. Отпраздновали день вѣнчанія на царство Государя взятіемъ обоихъ Ахульго. 36 часовъ безпрерывнаго боя то ру-

копашнаго, то на десяти шагахъ. Успѣхъ полной. Дѣло невозможное исполнено съ помощію Неба. Этотъ приступъ не уступитъ славнѣйшему изъ всѣхъ извѣстныхъ. Страшныя сцены остервенѣнія горцевъ. Если бы они такъ защищали свои посты какъ свою жизнь, то цѣлая армія не должна бы ихъ одолѣть. Войска покрылись славой.

23-го. Письма къ военному министру, г-лу Головину и женѣ. Продолжается бой съ укрывшимися въ сакляхъ. Плѣнныхъ безпрестанно приводятъ. Смерть к. Гуріеля.

24-го. Окончено донесеніе и военной журналъ. Представленіе за Аргуанское дѣло. Муравьевъ младшій съ письмомъ отъ г-ла Головина. Письмо къ Траскину. Молодой Головинъ отправленъ къ военному министру, князь Козловской въ Тифлисъ. Нарочной съ письмомъ къ женѣ.

25-го. Свирѣпость горцевъ. Двое плѣнныхъ: одинъ изрубленъ, другой заколотъ. Первой ранилъ переводчика, другой бросился на ружья караульныхъ, между тѣмъ какъ они нашли продовольствіе; заботливость о нихъ, когда женщинъ и дѣтей ихъ встрѣтило человѣколюбіе не только офицера, но и солдата. Это дикіе звѣри.—Говорятъ, будто Шамилю удалось переплыть Койсу и спастись. Покуда въ пещерахъ видны еще горцы; не повѣрю этому и не выступлю, пока послѣдняго не добуду.—Награды Ахметъ-ханцамъ и Шамхальцамъ.

26-го. Жаркой день. Еще до ста плѣнныхъ. Въ пещерахъ продолжаютъ защищаться.

27-го. Зной.—Еще тринадцать человѣкъ плѣнныхъ. Посѣщеніе Шульцу, третій разъ въ экспедиціи раненому.—Необыкновенная красота осьмилѣтней дочери Сурхая.—Въ пещерахъ еще полагаютъ до полутораста горцевъ. Отправилъ адъютанта Булгакова въ горы, гдѣ, по словамъ одного Чирнатскаго жителя, въ пещерѣ скрывается Шамиль съ тремя оставшимися съ нимъ мюридами.

28-го и 29-го. Окончательныя распоряженія къ выступленію. Артилерія вывезена на гору. Шамиль ушелъ съ помощію

Черкеевцовъ. Муравьевъ отправленъ въ Тифлисъ съ послѣдними извѣстіями и журналомъ. Къ военному министру также.

30-го. Выступленіе въ лагерь на гору послѣ слишкомъ двухмѣсячнаго пребыванія при Ашильтѣ. Отрадное чувство дышать чистымъ воздухмоъ послѣ смрада, задушавшаго насъ въ зараженной трупами Ашильтинской пропасти. Сто одинъ выстрѣлъ ознаменовали день коронованія Государя и счастливое окончаніе нашего труднаго дѣла.

31-го. Переходъ чрезъ Унцукуль въ Гимры, по вновь проложенной дорогѣ. До Унцукуля хорошо. Привалъ въ прекрасномъ этомъ селеніи. Радостной пріемъ жителей (въ головѣ ихъ старшина Алило), которые имѣли благоразуміе не только остаться покорными, но и дѣйствовать противъ Шамиля. Завтракъ подъ огромнымъ орѣшникомъ, покрывшимъ насъ своею тѣнью. Дальнѣйшій переходъ сперва очень пріятный садами Унцукуля, потомъ чрезвычайно трудный и опасный по дорогѣ, проложенной по отвѣсному почти берегу Аварскаго Койсу. Ночь застигла насъ на маршѣ и остановила отрядъ, гдѣ кого застала. Я доѣхалъ и дошелъ пѣшкомъ до Гимринскаго мосту при зажженныхъ кострахъ, перешелъ его и остался на переправѣ до утра, этотъ разъ очень утомленный и покрытый холоднымъ потомъ.

1-го Сентября. Въѣхалъ въ Гимры, родину Шамиля, съ трепетомъ ожидавшую своей участи Расположился лагеремъ при селеніи въ глубокой котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ или, лучше сказать, стѣсненной отвѣсными и угрюмыми скалами. Совершенное прощеніе возвратило жителямъ спокойствіе. Улу-бей оставленъ старшиной надъ ними, и сакля съ садами Шамиля отдана ему въ собственность. Письмо къ женѣ.— Очень хорошій и уже спѣлый виноградъ, которымъ селеніе славится. Прекрасные сады, не смотря на двукратное опустошеніе. Войска стянулись въ продолженіе дня.

2-го Сентября. Переходъ до Караная чрезвычайно занимательный по грознымъ и красивымъ видамъ на эту необыкновенную горную природу. Мѣста сраженія, гдѣ Казы-мулла убитъ. Подвигъ примѣчательный. Этимъ, можно сказать, початы горы. Трудный Каранайскій подъемъ работы А. А. Вельяминова. Видъ

на часть театра нашей экспедиціи. Выходъ на плоскость; чувство новое для меня и чрезвычайно отрадное. Этотъ безконечный горизонтъ, послѣ тѣсно-ограниченнаго, пріятныя, легкія покатости, красивое селеніе Каранай съ минаретомъ въ небольшой впадинѣ между двухъ холмовъ, со скирдами хлѣба, обширныя золотыя жнива, облака свободно ходящія, все это произвело на меня и на всѣхъ радостное впечатлѣніе. Тяжело было бы возвратиться тотчасъ опять въ горы. Встрѣча Шамхала. Сталъ лагеремъ, не доѣзжая селенія.

3-го Сентября. Переходъ до Темиръ-Ханъ-Шуры. Прекрасный край. Встрѣча. Посѣщеніе раненымъ. Сталъ въ лагерѣ на красивой равнинѣ подъ крѣпостью. Черкеевскіе депутаты съ трепетомъ ждутъ рѣшенія. Оставляю ихъ въ заслуженномъ недоумѣніи на счетъ судьбы Черкея. Генералъ-маіоръ Клюке-фонъ-Клугенау. Быстрый и огромный переходъ моихъ верблюдовъ.

4-го Гумбетовскіе депутаты покорились всѣмъ предписаннымъ условіямъ. Отправляю пристава въ Мехельту.—Нарочные отъ г-ла Головина изъ Тифлиса и отъ жены изъ Кисловодска возвратились съ письмами. У г.-л. Раевскаго на правомъ флангѣ тысяча человѣкъ больныхъ; мы несравненно счастливѣе.

5-го. Сряду все прекрасные, прохладные дни. Шамиль изъ Саясана проситъ быть принятымъ въ покорность вмѣстѣ съ Ташавъ-хаджи, Шаибъ-муллой и Ичкеринскимъ народомъ, предлагая въ аманаты остальнаго сына. Отвѣтъ ему ободрительный. Прогулка верхомъ въ окрестностяхъ лагеря.

6-го. Черкеевскіе депутаты уѣхали безъ отвѣта и недопущенные. Всѣ верхнія общества покоряются. Прогулка верхомъ.

7-го. Прекрасные дни и ночи. Письмо къ г-лу Головину. Жители Черкея, устрашенные моимъ молчаніемъ, разбѣжались. Прогулка въ первый разъ на лошади, доставшейся отъ Шамиля. Легкое животное. - Превосходный виноградъ. Соленое озеро. Полное чувство здоровья.

8-го Сентября. Благодарственный молебенъ съ пушечной пальбой въ лагерѣ и въ крѣпости. Раздача крестовъ за Ичкеринскую экспедицію.

9-го. Переходъ до Черкея. Депутація съ хлѣбомъ-солью. Авангардъ изъ трехъ баталіоновъ фельдмаршала полка и одного Апшеронскаго подошелъ къ селенію, занявъ мостъ на Койсу послѣднимъ. Три баталіона съ четырьмя горными орудіями тронулись съ ихъ старшинами впереди, чтобы, перейдя селеніе, занять за нимъ позицію. Измѣна при самомъ приближеніи ко входу въ селеніе. Постыдное поведеніе этого полка. Человѣкъ шестьдесятъ переранено, и осталось одно горное орудіе. Мостъ горцами сожженъ.

10-го. Строгое слово баталіонамъ фельдмаршала полка. Переходъ до Мятлы сначала подъ выстрѣлами горцевъ. Часа три чрезвычайнаго зною, потомъ холодный вѣтеръ. Выгодный лагерь.

11-го. Отдыхъ. Полевая артилерія съ двумя бат. Кабард. и паркомъ подошли вчера же. Захвачено нѣсколько тысячъ Черкеевскихъ барановъ и много рогатаго скота. Депутаты изъ Черкея отъ большей части жителей просятъ помилованія.— Письмо отъ Дюгамеля, нашего посланника въ Тегеранѣ, два отъ жены. Нарочный съ письмомъ къ г-лу Головину и къ женѣ. Очень холодный вѣтеръ.

12-го. Холодный, но къ вечеру тихій день. Успокоительныя извѣстія. Страхъ послѣ прежнихъ пораженій удерживаетъ Салатовцовъ отъ открытаго участія въ дѣлѣ Черкеевцовъ. Селенія, никогда не дававшія доселѣ подводъ, выслали ихъ по требованію. Приказалъ смѣнить караулъ при мнѣ отъ баталіоновъ полка фельдмаршала, какъ недостойныхъ этой чести. Три нашихъ тѣла, найденныхъ по дорогѣ отсюда къ Шурѣ. Распоряженія къ обезпеченію сообщенія.

13-го. Черкей проситъ прощенія и пощады. Возвращены офицеръ и три рядовыхъ, взятыхъ вчера въ плѣнъ. Посмотримъ. Ночью морозъ. Переправа на лѣвый берегъ Сулака на двухъ паромахъ.

14-го. Переходъ до Инчао. Пріѣздъ фельдъегеря съ радостною вѣстью необыкновеннаго благоволенія и милостей Го-

сударя за взятіе приступомъ обоихъ Ахульго. Мнѣ Александра Невскаго при рескриптѣ безконечно-лестномъ. Всѣ поименованные въ моемъ донесеніи осыпаны наградами. Нижнимъ чинамъ по рублю серебромъ; Апшеронскому, Кабардинскому и Куринскому полковыя отличія, и въ память штурма выбита медаль для ношенія на Георгіевской лентѣ всѣмъ участвовавшимъ. Выраженія мои въ письмѣ къ военному министру о благородномъ самоотверженіи молодыхъ офицеровъ гвардіи и арміи, взросшихъ въ его царствованіе, Государь повелѣлъ сдѣлать извѣстными во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Все признаки особеннаго ко мнѣ благоволенія великодушнаго Государя. Чрезвычайно выгодный лагерь, но безпрерывный дождь.

15-го. Старѣйшины Черкея, пораженнаго ужасомъ, пришли съ орудіемъ и на колѣняхъ просили о помилованіи. И такъ все по милости Божіей обратилось въ успѣхъ и торжество. Фельдъегерь отправленъ къ г-лу Головину. Толстой на линію съ письмами къ женѣ и Траскину. Глубокое чувство признательности къ Богу и Государю. Приготовленія къ окончанію этой счастливой экспедиціи. Пора доставить войскамъ заслуженный отдыхъ на квартирахъ.

16-го. Рѣшился распустить отрядъ по квартирамъ. Приказъ по этому случаю.

17-го. Прекрасный осенній день. Присяга Гумбетовцовъ. Плата сосѣдственнымъ селеніямъ за взятые стоги сѣна. Веселіе въ лагерѣ. Одинъ солдатъ убитъ подкравшимся абрекомъ. Адъютантъ Булгаковъ отправленъ къ женѣ съ извѣстіемъ о скоромъ моемъ пріѣздѣ на линію. — Вѣсти изъ Бородинскаго лагеря. Славный приказъ Государя войскамъ. Награды при этомъ случаѣ.

———

Je ne sais rien de plus noble et de meilleur que la vie du grand air menée par un homme d'intelligence.

———

Es giebt gewisse Momente, wo der General keinen Schritt auf Rechnung des Glücks unternehmen darf.

———

Der Gehorsam sey freilich, aber unter vielen andern Obliegenheiten, die Pflichf eines Generals. Die grosse Pflicht sey aber immer diejenige, die das Wohl des Staates und sein eigenes Gewissen auferlege: die Truppen niemals dem Eigensinne eines dritten aufzuopfern, da sie zu einem andern Zwecke bestimmt seyen (Евгеній Савойскій).

———

Tout est miracle ou rien n'est miracle. Aussi sommes nous portés à envier l'homme qui conserve dans la puissance de l'âge mûr l'étonnement naïf de l'enfance, et affranchi des liens de l'habitude trouve toujours nouveau ce qu'il a déjà vu mille fois.

———

L'injustice des contemporains et l'amertume de la vie semblent, par une loi fatale, former le patrimoine des hommes en qui la Providence a mis le feu sacré de l'invention. Le vautour de Promethée n'est point une fable; c'est une histoire véritable de tous les jours.

———

C'est la raillerie souvent qui prépare les révolutions, c'est la passion toujours qui les achève.

———

Il faut détruire les défauts de sa femme ou les supporter: en les détruisant on se donne une compagne plus commode; en les supportant on se rend meilleur soi-même.

Si Varron pense que, dans le cas où on ne peut corriger les défauts de sa femme, il faut les supporter, c'est que cette patience n'a rien de déshonorant: il s'agit en effet de défauts, et les défauts sont plus supportables que les vices.

———

En souffrant les colères de ma femme dans mon intérieur, disait Socrate, je m'exerce et m' habitue à supporter sans peine les vivacités et les injures des autres hors de chez moi.

———

Le moyen de faire aimer la paix et d'en perpétuer le règne, c'est de la montrer non seulement féconde, mais pleine de majesté et même d'audace. Il faut qu'elle possède le don d'étonner les hommes, de les passionner s'il se peut, en même tems que celui de les enrichir. Malheur à elle, ou plutôt malheur à nous-mêmes, si elle paraissait condamnée à être froidement égoïste dans ses sentiments, mesquine dans ses conceptions, pusillanime dans ses entreprises.

——

Guizot. Jamais la nature humaine n'a manquée à ce que les circonstances ont exigé d'elle; plus on lui demande, plus elle donne; sa richesse croît avec sa dépense.

——

En aucune chose, peut-être, il n'est donné à l'homme d'arriver au but; sa gloire est d'y marcher.

——

Les bienfaits du despotisme sont courts, et il empoisonne même les sources qu'il ouvre. Il ne possède, pour ainsi dire, qu'un mérite d'exception, une vertu de circonstance; et dès que son heure est passée, tous les vices de sa nature éclatent, et pésent de toutes parts sur la société.

——

En tout pays, en tout tems, quelque soit même le régime politique, au bout d'un intervalle plus ou moins long, par le seul effet de la jouissance du pouvoir, de la richesse, du développement intellectuel, de tous les avantages sociaux, les classes supérieures s'usent, s'énervent; elles ont besoin d'être sans cesse excitées par l'émulation, renouvellées par l'immigration des classes qui vivent et travaillent au dessous d'elles.

——

Ce mouvement de ressentiment qu'une offense fait à notre âme et auquel on donne le nom de colère, quand l'offense nous a blessé vivement, ne doit pas, selon Taurus, être entièrement banni par le sage: ce qu'on demande au sage, ce n'est pas l'absence complète de cette passion, c'est l'art de la modérer.

1844.

13-го Ноября 1844 года, Кіевъ. Природа имѣетъ свои праздничные дни. Въ одинъ изъ такихъ дней въ Ноябрѣ по утру я былъ въ Кіевскомъ саду, въ павильонѣ, на высокомъ берегу Днѣпра, одинъ. На небѣ ни одного облачка, воздухъ прозрачный и живительный при 7-ми град. мороза; ледъ, какъ необозримый кружевной шарфъ, катился по темносинему полю Днѣпра. За лѣвымъ берегомъ открывался видъ довольно дикой, но безконечной. Влѣвѣ нижняя торговая часть города, Подолъ, ярко освѣщенный солнцемъ, рисовался до мелкихъ подробностей. Андреевская гора съ своею живописною прелестною церковію, памятникъ Растрелли, еще не бросала на него ни малѣйшей тѣни, и вновь-посребренный легкій куполъ ея весело игралъ лучами солнца. Съ правой стороны, ближе ко мнѣ, нѣсколько скромныхъ деревянныхъ домовъ у подошвы Днѣпровскаго берега, дымомъ своихъ трубъ давали признаки жизни. Отдаленный грохотъ движенія въ городѣ доходилъ глухо до меня, то усиливаясь, то прерываясь вовсе. Подобная картина невольно располагаетъ къ задумчивости. Важнѣйшіе вопросы, заглушаемые шумомъ жизни, возникаютъ передъ вами одинъ за другимъ и находятъ иногда если не рѣшенія (ихъ нѣтъ на нѣкоторые вопросы), то по крайней мѣрѣ отвѣты болѣе успокоительные. Прошедшее, многое давнозабытое возстаетъ какъ утѣшеніе, часто какъ укоръ, предъ памятью вашею. Нѣтъ человѣка, требующаго отъ себя отчета за свою жизнь, который бы не закрывалъ иногда глазъ и не чувствовалъ на лицѣ краски, его внезапно покрывающей. Счастливъ, когда на этотъ смотръ совѣсти предстанутъ болѣе ошибки, неловкости, чѣмъ умышленные проступки. Когда я выходилъ изъ калитки сада, мимо меня проне-

слась на тройкахъ съ дикими пѣснями простонародная свадьба, и тотчасъ вслѣдъ за нейпоказа лись похороны, деревянный крестъ двѣ хоругви, священникъ, гробъ довольно украшенный, и за нимъ ни одной души! Кто могъ быть этотъ одинокій сирота, котораго не нашелся проводить до могилы, хотя бы изъ приличія, ни родственникъ, ни знакомый? Не путешественникъ ли, для котораго неожиданно пробилъ здѣсь послѣдній его часъ?

18

Русскій Архивъ

1888 года

(годъ двадцать шестой).

Годовая цѣна за двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива" въ 1888 году съ доставкою—**девять** руб.

Для Германіи — одиннадцать рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ двѣнадцать рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ** на Невскомъ Проспектѣ въ домѣ 49, кв. 74-я (Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени".

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ" и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 съ перес. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи, а нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ книжнымъ рѣдкостямъ.

Предметная роспись „Русскому Архиву" за первыя 20 лѣтъ изданія (1863 — 1882) продается по **одному** рублю съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**